

Р30843

Иван Франко

Захар Боржуні

Гослітподат
1942

Иван Франко

ЗАХАР БЕРКУТ

*Перевод с украинского
Вл. Россельса*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
художественной литературы
1942

Дела давно минувших дней.
Преданья старины глубокой.

А. Пушкин

I

Печальна и неприветлива ныне наша Тухольщина! Правда, и Стрый и Опор, как и в древнейшие времена, омыают усыпанные гравием зеленые берега, луга, как и прежде, покрываются до весне травами и цветами, и в чистом лазурном воздухе также парит и кружит орел-беркут. Но зато как изменилось все остальное! И леса, и села, и люди! Встарину леса, густые, непроходимые, покрывали почти всю страну, кроме высоких горных лугов, спускаясь в долины до самых рек. Теперь они, точно снег на солнце, растаяли, поределели, измельчали, а то и вовсе исчезли куда-то, и на месте их белеют лысины обрывов; местами от леса остались одни обожженные пни, меж которыми кое-где несмело пробивается жалкая пихта, или еще более жалкий кустик можжевельника. Встарину здесь не раздавалось других звуков, кроме голоса чабаньей трембиты¹ с дальней луговины, да рыка тикого тура или оленя в чащах, — теперь на луговинах покрикивают пастухи, а в логах и дебрях перекликаются лесорубы, пильщики и плотники, которые неустанно, как бессмертные черви, подгрызают и подсекают красу тухольских бор — столетние ели и пихты, либо спуская их в виде больших бревен вниз по рекам к новым па-

¹ Т р е м б и т а — гуцульский духовой музыкальный инструмент.

ровым лесопильням, либо тут же, на месте, раздѣливая на доски и тесины.

Но больше всего изменились люди: по внешнему их виду можно заключить, что повысился их «культурный уровень», но на самом деле увеличилась только их численность. Сел и выселков больше, хат в селах больше, да зато в хатах бóльшая бедность и бóльшая нужда. Народ измученный, забитый, понурый, по сравнению с другими. — робкий и неискусный. Каждый заботится только о себе, не понимая, что от этого дробятся силы, ослабеваает община. Не так здесь когда-то было! Народу, правда, было меньше да зато что за народ! Что за жизнь кипела в этих горах, среди непроходимых лесов, у подножия могучего Зелеменя! Злая судьба долгих столетия издевалась над этим народом. Тяжелые удары расшатали его вековой уклад, нужда надломилась его свободный, здоровый характер, и ныне только неясные черты древности напоминают правнукам о счастливой жизни предков. И когда порой старуха-бабка, сидя на печи и выпрядая грубую шерсть, примется рассказывать внучатам про старину, про нашествие монголов, псыглавцев и про вожака тухольцев Беркута, дети слушают с волнением, и в их серых глазенках блестят слезы. А когда окончится диковинная повесть, слушатели, вздыхая, шепчут: «Что за чудесная сказка!»

— Так, так, — говорит бабушка, покачивая головою, — так, так, детки! Для нас это сказка, а когда-то она правдой была!

— А вернутся еще такие времена? — спросит кто-нибудь постарше.

— Говорят старики, что, может, еще и вернутся, только уж, должно быть, перед самым концом света.

Печальна и неприветлива ныне наша Тухольщина. Сказкою кажется повесть о прежних временах и прежних людях. Верить ей не хотят современники наши, выросшие в нужде и притеснениях, в тысячелетних путах и зависимостях. Но пусть так! Мысль поэта летит к этим прежним временам, оживляет ушедшие поколения, а те, у кого чистое сердце и чувство искреннее, увидят в них своих братьев, живых людей, и в жизни их, как бы ни отличалась она от нашей, заметят многое такое, что можно пожелать и нашим «культурным временам».

Было это в 1241 году. Весна стояла в тухольских горах.

В один прекрасный день лесистые предгорья Зелемени огласились звуками охотничьих рогов и криками многочисленных ловчих.

Это новый тухольский боярин Тугар Волк затеял охоту на крупного зверя. Он праздновал новоселье, — князь Данило подарил ему в Тухольщине огромные луга и целое предгорье Зелемени. Недавно появился Тугар в этих горах, построил себе красивый дом, и вот теперь он справлял свой первый пир, знакомился с окрестными боярами. После пира хозяин и гости отправились на охоту в тухольские леса.

Охота на крупного зверя — не забава, а тяжелая борьба, часто кровавая, часто не на жизнь, а на смерть. Туры, медведи, вепри — опасные противники. Стрелами из луков и даже рогатиной, которую кидали на близком расстоянии, редко кому удавалось повалить такого зверя, — решало схватку копьё, которым надо было пронзить противника изо всей силы, одним ударом. Неверный удар — и жизни охотника грозила

смертельная опасность, если он не успевал спрятаться за прикрытiе, чтобы вытащить меч или тяжелый топор для своей обороны.

Неудивительно, что Тугар со своими гостями вышел на охоту, как на войну, с запасом стрел и рогатин, со слугами и всякой живностью, даже с опытным знахарем, мастером заговаривать раны. Неудивительно и то, что на Тугаре и его гостях было надето полное рыцарское вооружение, всё, кроме панцырей, не удобных при продвижении сквозь чащи и буреломы. Удивительно лишь то, что и дочь Тугара, Мирослава, осмелилась вместе с отцом и гостями выйти на лов. Тухольцы, видя, как она ехала на охоту в толпе гостей, гордо и смело, точно стройный телепуть посреди коренастых дубов, с восхищением провожали ее глазами, приговаривая:

— Вот так девушка! Ей бы мужчиной родиться. И, верно, вышел бы из нее рыцарь получше, чем ее отец.

То была похвала немалая. Тугар Волк был мужчина, что дуб. Плечистый, крепкий, с крупными чертами лица и длинными черными волосами, он походил на одного из тех лютых тухольских медведей, которых отправлялся бить. Но и такой девушки, как дочка его Мирослава, тоже поискать надо. Не говорим уже ни об ее красе и прелести, ни о добром сердце — в этом многие ровесницы могли бы стать с нею наравне, хоть и немногие могли бы превысить ее. Но в чем никто из них не мог с нею сравниться, так это в естественной свободе поведения, в необычайной крепости мускулов, в смелости и отваге, свойственной только мужчинам, выросшим в непрестанной борьбе с опасностями. С первого взгляда можно было определить, что Мирослава росла на свободе, что воспитание она получи-

ла мужское и что в этом цветущем девичьем теле живет сильный, одаренный высокими качествами дух. Кроме нее, у отца не было других детей, при самом рождении своем она потеряла мать. Нянька ее — старая крестьянка — с малых лет приучала девочку ко всякой ручной работе, а когда дочь подросла, отец, желая рассеять свое одиночество, брал ее с собой повсюду и, чтобы удовлетворить ее пылкую натуру, приучал владеть рыцарским оружием, сносить всевозможные неудобства и смело смотреть в лицо опасности. И чем большие трудности ей приходилось преодолевать, тем больше крепла ее сила и решительность характера. Но при всем том Мирослава оставалась женщиной, нежной, доброй, с живым чувством и скромным стыдливым лицом. Все это соединялось в ней в такую дивную, чарующую гармонию, что стоило кому-нибудь увидеть ее, услышать ее речь — и человек этот до конца дней своих не мог забыть ее лица, ее походки, ее голоса; они вспоминались ему в лучшие минуты жизни, подобно тому как весной даже дряхлый старик вспоминает о своей молодой любви.

Третий день уже продолжалась охота. Много оленей-рогачей и черногривых туров сложили головы от стрел и копий боярских. Над шумным горным потоком, на зеленой поляне посреди леса стояли шатры охотников, над дымящими кострами висели на крюках котлы, поворачивались рожны, — это варилось и жарилось для гостей мясо убитой добычи. Этот третий, последний день олова был посвящен самому главному и, вместе, самому опасному делу — охоте на медведей.

Отвесная скала, стоявшая отдельно от других, густо поросшая огромными буками и пихтами, заваленная буреломом, издавна служила

главным медвежьим логовищем. Отсюда дикие звери наводили ужас на всю округу, на все близлежащие луга. И хоть не раз удавалось отважным чабанам убивать зверей стрелами и топорами, либо заманивать их в капкан, где им ломали хребет тяжелые колоды, все же число их было слишком велико, чтобы эти редкие удачи могли принести значительное облегчение окружающим селам. И потому неудивительно, что когда новоприбывший боярин Тугар Волк оповестил тухольцев, что намерен устроить большую охоту на медведей и нуждается в проводнике, крестьяне не только дали ему в проводники первого удалыца во всей Тухольщине, Максима Беркута, сына тухольского беседника, Захара, но, кроме того, снарядили по собственной воле целый отряд ловчих с луками и стрелами в помощь собравшимся боярам. Вся эта ватага должна была окружить логовище и раз навсегда очистить его от страшного зверя.

Еще до рассвета в охотничьем лагере все пришло в движение. Боярские слуги поднялись глубокой ночью, чтобы приготовить для гостей пищу на целый день и наполнить дорожные баяги шипучим медом и яблочником. Тухольские ловчие тоже готовились: они точили ножи, тесаки, надевали крепкую обувь из зубровой кожи и складывали в небольшие дорожные баяги¹ печеное мясо, хлеб, сыр и все, что могло понадобиться во время трудного дневного пути. Максим Беркут чувствовал себя сегодня начальником этой маленькой армии и распоряжался всеми приготовлениями, ни с чем не торопясь, но ни с чем и не запаздывая. Все у него делалось в свое время и на своем месте, без сума.

---

¹ Б а с а г — мешок, переметная сума.

тохи и сутолоки; он появлялся всюду, где был нужен, и наводил порядок. Среди своих товарищей-тухольцев, среди бояр и их слуг — всюду Максим Беркут оставался самим собою. Свободный в движениях и словах, он со всеми вел себя, как равный с равными. Товарищи обращались с ним так же, как и он с ними — свободно и непринужденно: они смеялись и шутили, однако все повеления его выполняли точно, быстро и так весело, как будто и сами без его приказа сделали бы то же самое. Боярские слуги, обладавшие далеко не столь ровным характером и далеко не такой простотой в обращении, гораздо более склонные гордо высмеивать одних и низко кланяться перед другими, все же уважали Максима Беркута за его спокойствие и рассудительность и, хотя и не без уколов и шуток, делали все то, что он говорил. Да и сами бояре, люди большей частью гордые, военные, с неприязнью взиравшие на присутствие в своем обществе «смерда», да еще такого, который считал их чуть ли не ровней себе, даже и они теперь не выказывали открыто своего пренебрежения и выполняли указания молодого проводника, на каждом шагу убеждаясь, что эти указания были разумны и необходимы.

Еще задолго до восхода солнца охотники выступили из лагеря. Глубокая тишина стояла в горах: ночные сумерки дремали под темнозелеными колоннами пихт; на густой разлатой листве папоротника блестяли капли росы; зеленые пояски путались под ногами, ползли между корнями огромных вывороченных бурей стволов, свиваясь с кустами гибкой ежевики и плетнями дикого ползучего хмеля, через которые трудно было пробраться. Из дремучих черных ущелий седыми туманами поднимались испарения — знак

того, что на дне этих дебрей струились лесные ручейки. Воздух был напоен этими испарениями и запахом смолы, от него захватывало дух, точно нужна была другая, более широкая грудь, чтобы дышать им свободно.

Молча пробиралась охотничья дружина сквозь непроходимые чащобы, дебри и бурелом, без тропинки, без каких-либо путеводных знаков, среди дремучей пуши. Впереди шел Максим Беркут, за ним Тугар Волк и другие бояре. Рядом с Тугаром шла его дочь, Мирослава, позади следовали тухольские ловчие.

Все шли, озираясь и чутко прислушиваясь.

Лес начинал оживать. Пестроперые сойки хрипели на вершинах пихт, зеленый дятел, уцепившись за ствол, тут же, над головами охотников; долбил своим железным клювом кору, из далеких оврагов доносился рык туров и вой волков. Сытые медведи еще дремали под буреломом на моховой постели. Где-то в чаще хрюкало кабанье стадо, прохладаясь в студеной тине.

Около часа шли охотники по этой трудной нетоптаной дороге. Все дышали тяжело, с усилием лоя ртом воздух, все отирали с лица капли пота. Максим часто оглядывался. Он сперва противился тому, чтобы женщина сопровождала мужчин в такой опасный поход, но Мирослава заупрямилась. Как, неужели она, впервые участвуя в такой большой охоте, должна из-за нивесть каких препятствий отказаться от самого интересного? Никакие доводы Максима, никакие указания на трудности дороги, на опасности охоты, на силу и ловкость зверя не могли переубедить ее. «Тем лучше! Тем лучше», — говорила она, глядя так смело и улыбаясь так прелестно, что Максим, как зачарованный, стал понемногу

терять дар речи. Отец, который сначала тоже советовал Мирославе остаться на стойбище, наконец должен был уступить ее просьбам. И теперь Максим с изумлением смотрел, как эта необычайная женщина, паравне с самыми сильными мужчинами, преодолевала все трудности утомительного пути, как легко перепрыгивала она через трухлявый бурелом, каким уверенным шагом шла над пропастями, как ловко проскальзывала между вывороченными стволами деревьев, делая все это столь спокойно и неумоимо, что Максиму казалось, будто ее несут какие-то чудесные крылья. Он смотрел на нее и не мог насмотреться.

«Что за девушка! — думалось ему. — Такой я еще и не видал никогда».

Пришли на место. Медвежье логовище находилось на высокой, только с юга доступной горе, покрытой пихтами и буками, заваленной буреломом. С севера, востока и запада вход и выход замыкали высокие скалистые стены, точно гигантским топором вырубленные из тела великана Зелеменя и отодвинутые от него на несколько десятков сажен; под ними в узкой расщелине шумел и пенился студеной горный поток. Такое положение облегчало задачу охотников: надо было обложить только не очень широкую тропу с юга и по ней постепенно передвигаться вверх, — зверь, не имея иного выхода, должен был в конце концов попасть им в руки, на их копья.

Очутившись на этой удобной, хоть и очень опасной тропе, Максим Беркут приказал дружине отдохнуть, чтобы набраться сил для трудного дела. Солнце всходило, но ветви пихт и соседние холмы заслоняли его.

После краткого отдыха, Максим расставил

охотников в два ряда, так, чтобы они заняли всю тропу.

Пока тропа узкая, охотники пойдут в пяти шагах друг от друга, но дальше, вверху, где она переходит в широкое плато, ловчим придется разойтись пошире.

Одно только заботило проводника, что ему делать с Мирославой, которая настойчиво требовала, чтобы ее поставили на отдельном месте, а не в подручные к ее отцу.

— Чем же я хуже твоих ловчих? — говорила она Максиму, раздумываясь, как роза. — Их ты ставишь на места, а меня не хочешь... Нет, не будет этого! И отцу моему будет стыдно, если мы встанем вместе! Правда, батюшка?

Тугар Волк не мог ей противиться. Максим стал было опять твердить девушке об опасности, о силе и злобе зверя, но она не дала ему говорить.

— А у меня что же, сил нет, что ли? Что же я, топором, луком, копьем плохо владею? А ну-ка, пусть любой из твоих ловчих померяется со мной, посмотрим, кто сильнее!

Максим, наконец, замолчал и принужден был исполнить ее волю. Да и мог ли он отказать такой прекрасной девушке? Он хотел по крайней мере назначить ей наименее опасное место, но на беду этого нельзя было сделать, все места были одинаково опасны. Расставив всех, Максим объявил распорядок охоты:

— Теперь помолимся, кому кто знает, а потом разом затрубим в рога. Это будет первый знак, который всполошит зверя. Потом пойдем вверх по тропе до того места, где она расширяется. Там мои товарищи загородят выход, чтобы не пропустить ни одного зверя, а вы, бояре, пойдёте дальше к самому логовищу.

Через минуту леса и луговины огласились криплым ревом зубровых рогов. Словно гигантская волна, покатылся их голос по лесам и оврагам, то разбиваясь и замирая, то вновь усиливаясь. Проснулись леса. Заскулил коршун над вершиной пихты, перепуганный беркут, широко размахивая крыльями, поднялся ввысь, захрустело зверье в буреломе, в поисках безопасного убежища. Но рык рогов утих, и ловцы устремились вверх по тропе. Живее бились их сердца в ожидании неведомых опасностей, боя и победы. Осторожно пробирались они рядами. Впереди ряд боярский, за ним крестьянский. Максим шел первым, внимательно прислушиваясь и всматриваясь в чащу. Царь бурелома, медведь, еще не показывался.

Дошли уже до самого узкого места тропы, за которым она расширялась в большую поляну. Здесь охотники по указанию Максима снова остановились, и вновь, с еще большей силой, загремели зубровые рога, разнося тревогу по сумрачным медвежьим логовам. Внезапно неподалеку от охотников за огромной кучей крупного валежника затрещал бурелом.

— Чу! — крикнул Максим, — зверь приближается!

Едва произнес он эти слова, как из большой расщелины между двумя вывороченными пнями высунулась мохнатая большая голова, и два серых глаза полувопросительно, полутревожно устремились на Тугара Волка, стоявшего всего в каких-нибудь десяти шагах от расщелины. Тугар был старый воин и опытный охотник, — он не знал, что такое волнение.

Не говоря ни слова, не позвав никого на помощь, он выхватил тяжелую стрелу из колчана, положил на тетиву и нацелился в зверя.

— Целься в глаз, боярин! — шепнул ему Максим.

Секунда тревожного молчания — свистнула стрела, и зверь, заревев как бешеный, откинулся назад. И хоть сам он исчез из глаз охотников, скрывшись за кучей бурелома, но рев не утихал и бешеная возня не прекращалась.

— Вперед, за ним! — крикнул Тугар Волк и бросился в расщелину, за которой исчез медведь. Одновременно двое других бояр взобрались на кучу бурелома и, подняв копыя, старались как можно сильнее размахнуться, чтобы доконать зверя. Тугар Волк, стоя в расщелине, пустил в него вторую стрелу. Зверь заревел еще сильнее и бросился бежать, но глаза его заплыли кровью, он не видел дороги и натыкался на деревья. Копье одного из бояр впилося ему в бок, но не причинило смертельной раны. Дикий рев раненого медведя раздавался все сильнее. В отчаянии он поднимался на задние лапы, отирал кровь с глаз, обрывал и раскидывал вокруг сучья, но тщетно, — один глаз его был пробит стрелой, а другой то и дело заплывал кровью.

Бросаясь вслепую из стороны в сторону, медведь снова приблизился к Тугару Волку. Тот отбросил лук и, притаясь за вывороченным корнем, ухватил обеими руками свой тяжелый топор; когда медведь наощупь подобрался к знакомой расщелине, боярин со всего размаху рубанул его сверху по голове с такой силой, что череп зверя раскололся надвое, как разбитая тыква. Брызнул кровавый мозг на боярина, и тихо, без крика повалился зверь на землю.

Радостно заревели рога бояр в знак первой победы.

Зверя вытащили из чащи и освежевали. Охот-

ники двинулись дальше. Солнце уже поднялось на небе и просвечивало сквозь ветки, точно косые нити червонного золота. Люди шли теперь куда веселее, чем прежде, хвастаясь друг перед другом своей отвагой и силой.

— Пусть я только «волк», мелкий зверь, а с тухольским медведем как-нибудь да справлюсь,— говорил самодовольно Тугар Волк.

Максим Беркут слушал эту похвальбу, и почему-то жаль ему стало тухольского медведя.

— Что ж, — сказал он, — медведь глупый зверь, в одиночку ходит. А соберись они вместе, кто знает, справится ли с ними и целая волчья стая.

Тугар взглянул на него гневно, но не сказал ничего. Охотники осторожно пробирались дальше, карабкаясь по бурелому, перепрыгивая с пенька на пенек, не раз проваливаясь в труху и валежник.

Среди этих руин величественной природы виднелись кое-где медвежьи стежки, — узкие, но хорошо утопанные, густо усеянные белыми костями баранов, оленей и всякого другого зверья. Максим держался теперь позади бояр, он обходил одно за другим все становища, исследовал звериные тропы, логовища, осматривал следы, определяя свежие они или нет, и подбадривал утомленных ловчих. Только у него одного не заметно было признаков усталости. Теперь Мирослава смотрела на Максима с удивлением: много видела она в своей жизни молодцов сильных и смелых, но такого, как Максим, который соединял в себе все качества умелого охотника, рыцаря и начальника, такого ей еще не приходилось встречать.

Снова захрустел хворост, и на охотников грозно выпрыгнул огромный медведь. Он бежал на

четвереньках, но, завидев врагов, поднялся на задние лапы, издавая время от времени прерывистый, словно вызывающий, рык.

Находившиеся против зверя два подгорских боярина, из тех, что громче всех хвастались и старались показать себя настоящими охотниками, увидев страшного врага в двух шагах от себя, побледнели и задрожали. Но бежать им не подобало, надо было сойтись лицом к лицу с медведем, что бы там ни было. Две стрелы вылетели одновременно из двух луков, одна просвистела у медведя над ухом, другая попала зверю в бок, ранила его легко, но раздражила безмерно. Медведь бросился на одного из бояр, стоявшего как раз на его пути. Копье сверкнуло в дрожащей руке боярина, он хотел бросить им в зверя.

— Не бросай! — крикнул Максим, подбегая и ведя с собою подкрепление — Тугара Волка и еще одного боярина, — не бросай копье, упри его в землю и защищайся!

Но боярин не послушался и бросил копье. Размах был небольшой, рука боярина дрожала, медведь находился в каких-нибудь пяти шагах, — не диво, что копье только слабо ранило зверя в переднюю лапу. Медведь ухватился за древко, переломил его и со страшным ревом бросился на своего врага. Тот держал уже в руках прямой обоюдоострый меч, называемый «медвежатником», и готовился вонзить его в грудь зверя. Но острое скользнуло по кости и застряло в лопатке. Зверь стиснул боярина в своих железных объятиях. Все это произошло так неожиданно и так быстро, что когда Максим подбежал на подмогу, боярин, хрипя в предсмертных судорогах, лежал уже на земле, а над ним стоял окровав-

тенный зверь, оскалив свои страшные зубы, и ревел на весь лес от боли.

Дрожь прошла у всех по телу; бояре замерли, как вкопанные. Только Максим не растерялся, он спокойно наложил стрелу на свой роговой лук, подошел на два шага ближе к медведю, прицелился и через мгновение пустил ему стрелу прямо в сердце. Как обрезанный ножом, оборвался звериный рев, и мертвый медведь повалился на землю.

Не трубили рога, не звучали веселые крики после этой новой победы. Бояре, покинув свои места, сбежались к телу убитого товарища, и как ни были они закалены на войнах, как ни привыкли они видеть рядом с собой смерть, но вид кровавого, изувеченного и расцарапанного трупа вызвал у них тяжелый стон.

Мирослава схватилась за грудь и отвела глаза. Тухольские ловчие положили труп на сплетенные из веток носилки, а за ним потащили и медведя. Хмурое молчание воцарилось среди дружины. Большая лужа крови блестела на солнце и напоминала всем, что здесь, еще минутому тому назад, стоял живой человек, отец своих детей, веселый, исполненный желаний и надежд, а теперь от него осталась только бесформенная груда кровавого мяса. У многих бояр пропало желание продолжать охоту.

— Пропади они пропадом, медведи эти, — говорили они. — Пусть они живут себе илидохнут, ужели нам ради них на рожон лезть?

Но Тугар Волк, а особенно Мирослава и Максим, настаивали на том, что надо кончить начатое дело. Бояре в конце концов с ними согласились, но не очень-то охотно вернулись на свои места.

-- Позвольте мне, бояре, слово сказать, — об-

ратился к ним Максим. — Мои товарищи тухольцы заперли выход и не выпустят отсюда ни одного зверя. Потому не надо нам расходиться далеко друг от друга. Лучше всего будет разделиться на два отряда и пойти по краям пропасти с обеих сторон. Так мы сможем выгнать зверей на середину, а там вместе с тухольскими ловчими обступим их тесными рядами и перестреляем всех до единого.

— Конечно, конечно, так лучше! — закричало несколько бояр, не видя насмешливой улыбки, проскользнувшей на устах Максима.

Дружина разделилась. Один из отрядов повел Тугар Волк, а другой Максим. Мирослава, сама не зная почему, присоединилась ко второму отряду. Вероятно, искала опасности. Максим ведь ясно сказал, что путь второго отряда опаснее.

Снова заиграли рога, и отряды разошлись. Охотники двигались по-двое и поодиночке, то сходясь, то расходясь, чтобы лучше отыскивать дорогу. Группами идти было невозможно. Приближались уже к вершине, она была голая, но чуть пониже ее тянулся вал из камней, обломков скал и бурелома. Это была наиболее трудная и наиболее опасная часть дороги.

Крупный валежник, камни и наметенная с давних пор листва преграждали, казалось, все подступы к природной твердыне. Максим, цепляясь за кусты и выступы скал, пополз над самым краем глубочайшей пропасти, чтобы найти проход. Бояре же, не привыкшие к таким головоломным способам передвижения, пошли вдоль вала, надеясь найти в нем брешь или обойти его.

Мирослава остановилась, точно что-то удерживало ее подле Максима; ее быстрые глаза зорко всматривались в оцетинившуюся на нее стену бурелома, ища в ней какого-нибудь, пусть

даже трудного, прохода. Затем она стала смело взбираться на большие каменные глыбы и поваленные стволы, заграждавшие проход. Добралась до гребня увала и гордо осмотрелась во круг. Бояре отошли уже далеко, Максима не было видно, перед нею громоздились скалы и кучи валежника, через которые, казалось, невозможно было перебраться. Но нет! Вон там, чуть подалее, огромная пихта лежит, мостом через этот ад, по ней можно безопасно дойти до вершины. Не долго думая, Мирослава пустилась к этому естественному мосту. Вступив на него, она еще раз оглянулась и, гордая своим открытием, приложила красиво выточенный рог к коралловым губам и затрубила на весь лес. Эхо раскатилось по луговинам, дробясь в оврагах на все большее количество частей, пока не пропало где-то в далеких, непроходимых чащах. На звук рога Мирославы отозвался издалика рог ее отца, а там рога и других бояр. Еще мгновение задержалась охотница, стоя высоко на стволе. Пихта была очень старая и насквозь прогнившая. Снизу из непроглядного лабиринта бурелома доносился как будто легкий хруст и бормотание. Девушка прислушалась — ни звука!.. Тогда она смело двинулась дальше. Но не прошла она и пяти шагов, как трухлявая пихта затрещала и подломилась под ее ногами, и смелая охотница, вместе с гнилыми обломками упала вниз в чашу бурелома и каменных глыб.

Она упала стоймя. В руках она продолжала сжимать окованное серебром копьё, за плечами у нее висели крепкий лук и колчан со стрелами, а за красивый кожаный пояс, что, словно вылитый, охватывал ее стройный девичий стан, были заткнуты топор и широкий охотничий нож с костяным черенком. Свалившись неожиданно в

тёмную пропасть, Мирослава ни на мгновение не почувствовала страха и тотчас же стала озираться вокруг, стараясь отыскать какой-нибудь выход. В первую минуту она не могла ничего различить, но вскоре ее глаза привыкли к полумраку и — тогда она увидела нечто такое, что могло привести в смертельный трепет даже самого храброго человека. В нескольких шагах от нее лежала огромная медведица со своими детенышами и гневными зеленоватыми глазами глядела на неожиданную гостью. Мирослава задрожала. Вступить ли ей в борьбу со страшным зверем, или искать выхода и привести сюда помощь? Но выход найти было нелегко, вокруг торчали стволы и обломки скал, и хотя через них можно было перелезть, но делать это на глазах у зверя было небезопасно. Без дальних размышлений Мирослава решила не нападать на зверя, а только защищаться, а тем временем дать тревожный сигнал и вызвать подмогу. Но как только она затрубила, медведица выскочила из логовища и с воем бросилась на нее! Лук тут уже не годился, зверь был слишком близко! Мирослава, прислонившись спиной к скале, схватила в обе руки копьё и выставила его навстречу врагу. Медведица, увидев блестящий наконечник, остановилась. Противницы стояли в таком положении несколько мгновений, не сводя глаз друг с друга и не подаваясь ни на шаг со своих мест.

Мирослава не смела нападать первая, а медведица тем временем соображала, откуда лучше броситься на врага. Вдруг, поднявшись на задние лапы, она двинулась к Мирославе. Пользуясь тем, что зверь открыл свою грудь, девушка сильным ударом воткнула копьё между передними лапами. Медведица устрашающе зарычала и

опрокинулась на спину, обливаясь кровью. Но рана была не смертельна, зверь быстро вскочил на ноги и вновь бросился на Мирославу. Опасность была страшная. Разъяренный зверь лез напролом, угрожая охотнице своими грозными зубами. Одно спасение оставалось для Мирославы, взобраться на тот уступ скалы, о который она опиралась плечами. Одно движение — и она стояла на уступе. У нее отлегло от сердца, — теперь ее положение было менее опасно: в случае нападения она могла ударить зверя сверху. Но едва Мирослава успела опомниться, как медведица уже стояла на том же уступе, грозно раскрыв окровавленную пасть. Холодный пот выступил на лбу Мирославы, она поняла, что теперь настала решительная минута, что на этой узкой каменной плите должна разыгаться борьба не на жизнь, а на смерть, и победит тот, кто сможет удержаться на месте и столкнуть своего противника. Медведица была уже близко; Мирослава попробовала защититься от нее копьём, но медведица ухватилась зубами за древко и дернула его с такой силой, что едва не столкнула девушку с камня; копьё выскользнуло из рук охотницы, и зверь отбросил его прочь, в бурелом.

«Теперь придется погибать!» — мелькнуло в голове Мирославы, но отвага не оставила ее. Она схватила обеими руками топор и приготовилась к последней защите. Зверь настолько приблизился, что Мирослава уже ощущала на своем лице его горячее дыхание, мохнатая лапа с острыми когтями уже тянулась к ее груди, еще мгновение — и, растерзанная, окровавленная, она упадет с камня. Топорище было короче лап зверя.

— Спасите! — крикнула в смертельной тоске

слушал эти речи. Как ни любил он свою дочь, как ни радовался избавлению ее от великой опасности, а все же было бы лучше, если бы спас ее боярский сын, а не этот тухольский мужик, не этот «смерд», хотя он и нравился Тугару. Трудно было ему, гордому боярину, выросшему и великий почет заслужившему при княжеском дворе, публично благодарить мужика за спасение дочери. Но делать было нечего. Долг благодарности так глубоко коренился в сердцах наших рыцарских предков, что и Тугар Волк не мог от него отмахнуться. Он взял Максима за руку и вывел его вперед.

— Молодец, — сказал он, — дочка моя, единственное дитя мое, говорит, что ты спас ее от великой опасности. Я не имею причин не верить ее словам. Прими же за свое честное дело благодарность отца, для которого его единственное дитя дороже всего на свете. Я не знаю, чем отблагодарить тебя, но будь уверен, что коль скоро это будет в моих силах, боярин Тугар Волк никогда не забудет своего долга перед тобою!

Максим слушал все это, стоя как на углях. Он не привык к таким похвалам и вовсе их не ожидал. Он смешался, не зная отвечать ему или нет на эти боярские похвалы, и в конце концов сказал коротко:

— Не стоит благодарности, боярин! Я сделал то, что каждый сделал бы на моем месте, за что же тут благодарить? Дай бог здоровья твоей дочери, а благодарности я никакой не заслужил.

Сказав это, он пошел созывать своих тухольских товарищей. С их помощью медведицу быстро освежевали, а маленьких медвежат перенесли на сборный пункт, откуда вся дружина должна была по окончании охоты двинуться обратно в лагерь.

Солнце подходило уже к зениту и посылало горячие золотые лучи на тухольские горы. В лесу сильнее запахло разогретой смолой, высоко над луговинами в лазурном океане плавал ястреб. Вся природа затихла. Только с предгорья Зелеменя доносились голоса охотничьих рогов и крики ловчих. Охота кончилась, хотя и не совсем счастливо. Тухольские ловчие несли впереди на копьях три медвежьи шкуры и в мешке двух медвежат, а на носилках из ветвей боярские слуги несли позади дружины окровавленный, уже окоченевший труп несчастного боярина, нашедшего свою смерть в медвежьих лапах.

Предводимая Максимом, дружина быстро дошла до охотничьего лагеря. Дни охоты миновали. Все собирались еще сегодня же после обеда отправиться во-свояси. Дорога была не близкая, но Максим обещал провести охотников прямой тропинкой до Тухли и оттуда ко двору Тугара Волка. После обеда тухольские ловчие ушли вперед, Максим остался с боярами, пока слуги убрали шатры и прятали охотничьи доспехи. Как только это было сделано, бояре двинулись в обратный путь.

II

Старинная Тухля представляла собою большое горное селение с двумя или тремя выселками и вмещала около полутора тысяч душ. Село и выселки лежали не там, где расположена нынешняя Тухля, а повыше, в горах, на просторной продолговатой равнине, ныне поросшей лесом и называемой Запалой долиной. Тогда Запалая долина не была покрыта лесом, а была обработана и вволю кормила своих жителей хле-

бом. Растянувшись более чем на полмили в длину и без малого на четверть мили в ширину ровная и болотистая, окруженная со всех сторон отвесными скалистыми стенами, кое-где достигающими трех или четырех саженей высоты равнина эта была похожа на гигантский котел из которого вылили воду. Вероятно, так оно и было на самом деле. На востоке в долину низвергался полуторасажженным водопадом могучий горный поток, проложивший себе путь в теснинах меж скалами; извиваясь змеей по равнине, он уносился на запад и пропадал в таких же тесных воротах, дробясь о гладкие каменные стены и грохоча еще несколькими водопадами, пока, на четверть мили ниже, не впадал в Опор. Высокие берега тухольской котловины покрыты были темным пихтовым лесом, делающим долину еще более глубокой и какой-то пустынной отделенной от всего мира.

Да и на самом деле это было гигантское горное убежище, трудно доступное человеку, — но таковы были в те времена непрестанных войн, усобиц и набегов почти все горные села. Только благодаря своей неприступности, смогли они дольше чем подолье сохранить свой свободный старорусский общественный быт, который в других местах разрушался под напором гордых, обогащенных войнами бояр.

Тухольский народ жил главным образом скотоводством. Только та равнина, где находилось село, да несколько небольших пойм были заняты посевами и давали каждый год богатый урожай овса, ячменя и проса. Зато на луговинах, принадлежавших, так же как и все окрестные леса, тухольской общине, паслись большие отары овец, которые и представляли собою главное

богатство тухольцев: они давали жителям одежду и пищу, омасту¹ и мясо.

В лесах вокруг села паслись коровы и волы, но количество их было незначительным, так как горная, скалистая и неприступная местность не позволяла развиваться здесь скотоводству. Вторым главнейшим источником достатка тухольцев были леса. Не говоря уже о том, что жители бесцельно употребляли лес на топливо и на постройку домов, — он доставлял тухольцам дичь, лесные фрукты, ягоды и мед. Правда, нелегко было жить среди лесов и неприступных диких гор, в постоянной войне с природой: с водой, снегом и дикими зверями, но в этой борьбе выковывалась сила, смелость и охотничье искусство народа, они были опорой и главной пружиной его общественного строя.

Солнце ушло уже далеко за полдень, когда на спуске в тухольскую котловину показалась знакомая нам дружина охотников под предводительством Максима Беркута. Впереди шел Тугар Волк с дочерью и с Максимом; остальные шагали за ними небольшими группами, беседуя о прошедшей охоте и охотничьих приключениях. Глазам дружины открылась тухольская равнина, облитая горячими солнечными лучами, точно большое зеленое озеро с маленькими черными островками. Вокруг нее, как будто высокий забор, виднелись каменные утесы, по которым карабкались кое-где заросли зеленой ежевики да кусты орешника. У входа в долину ревел водопад, разбиваясь серебристой пеной о каменные стены; мимо водопада шла вырубленная в скале узкая дорога, по которой можно было, идя вверх по берегу потока, через горы и луговины, дойти до самой Угорщины; это был известный тогдашним

¹ Жирная приправа к кушаньям.

горцам «тухольский проход», самый удобный и самый безопасный после дуклянского; десять окрестных общин, с галицкой и угорской стороны, работали почти два года над созданием этого прохода. Тухольцы больше всех потрудились над ним и считали его своей гордостью.

— Смотри, боярин, — сказал Максим, останавливаясь над водопадом у начала крутого извилистого в камень вывоза¹ — смотри, боярин, это дело рук тухольской общины! Далеко вперед, чрез Бескиды, тянется эта дорога, другой такой нет в горах. Мой отец сам размечал ее в протяжении пяти миль; каждый мостик, каждая извилина, каждый подъем на этом расстоянии сделан по его указаниям.

Боярин как-то неохотно посмотрел на горы куда, извиваясь над потоком, уходила меж скалами проторенная горная дорога. Потом взглянул вниз по дороге и покачал головою.

— У твоего отца большая власть над общиной? — спросил он.

— Власть, боярин? — переспросил удивленный Максим. — Власти над общиной нет ни у кого: власть принадлежит ей самой и никому больше, боярин. Но мой отец опытный человек и ревностно служит общине. Так говорить на совете, как он, не умеет никто в наших горах. Община следует его указаниям, но отец не имеет никакой власти и не желает ее.

Глаза Максима сверкали огнем гордости, когда он произносил эти слова. Тугар Волк в задумчивости склонил голову, зато Мирослава смотрела на Максима, не сводя глаз. Слушая его слова, она чувствовала, что отец этого юноши

---

¹ Вывоз — крутой, вырубленный в скале, между двумя отвесными стенами, подъем.

ши становится для нее таким близким человеком, точно она век прожила под его родительской опекой.

Но Тугар Волк становился все мрачнее, лоб его морщился, и глаза с выражением давно сдерживаемого гнева устремились на Максима.

— Так это, значит, твой отец бунтует тухольцев против меня и против князя? — спросил он неприятным резким голосом. Как укол иголки, подействовали эти слова на Мирославу. Но Максим не смутился и ответил спокойно:

— Бунтует общину, боярин? Нет, это тебе неправду сказали. Вся община гневается на тебя за то, что ты присваиваешь общинный лес и луговину, не спросив даже нашего согласия.

— А, так еще спрашивать у вашей общины? Князь подарил мне этот лес и эту луговину, и не у кого мне больше спрашивать.

— То же самое говорит общине и мой отец, боярин. Он успокаивает народ и советует подождать общинного суда, на котором это дело будет разбираться.

— Общинного суда! — воскликнул Тугар Волк. — И я должен предстать перед этим судом?

— Думаю, что и тебе самому это на пользу. Ты сумеешь всем доказать свое право и успокоить общину.

Тугар Волк отвернулся. Они пошли дальше по спуску, который в этом месте извивался, чтобы сделать путь не таким крутым и опасным. Максим, идя позади, не сводил глаз с Мирославы. Но его лицо не сияло уже таким безоблачным счастьем, как незадолго перед тем. Чем темнее от гнева и недовольства становилось лицо Тугара Волка, тем яснее чувствовал Максим, что между ним и Мирославой разверзается глубо-

кая пропасть. Но он, дитя гор, не знал большого света и высоких боярских замыслов и не догадывался, как широка и глубока была эта пропасть на самом деле.

Спустились на равнину. Под водопадом поток образовывал просторный и чистый, как слеза пруд. У берегов пруда возвышались огромные шапки шипучей пены, дно забито было большими и малыми обломками скал, быстрые, как стрелы, рыбы блестели между камнями своими белыми с черными пятнами боками, в глубине затона, низвергаясь по каменной стене, шумел водопад, играя на солнце всеми цветами радуги как живой серебряный столб.

— Что за чудесное место! — не могла не воскликнуть Мирослава, всматриваясь в отражение диких скал, обведенных темнозеленой каймой леса.

— Это наша Тухольщина, наш рай! — сказал Максим, осматривая равнину, скалы и водопад с такой гордостью, с какой редкий царь осматривает свое царство.

— Только мне вы запрещаете жить в этом раю, — сказал гневно Тугар Волк.

Никто не отозвался на его слова; все трое шли молча. Вот уже и село раскинулось перед ними частыми группами опрятных крытых тесом хат, густо обсаженных рябиной, вербами и развесистыми грушами. Люди работали в поле: только старики, важные, седобородые, похаживали около хат, то что-то обтесывая, то плетя сети на зверя и на рыбу, то беседуя о делах общины. Максим кланялся и ласково приветствовал их, за ним и Мирослава стала здороваться со старыми тухольцами, стоявшими у дороги; только Тугар Волк шел мрачный и немой, не желая даже взглянуть на этих смердов.

посмевших воспротивиться воле его князя. Посреди села с ними повстречались трое стариков, одетых по-праздничному. Они несли на высоком, хорошо обточенном и окованном серебряными украшениями шесте, также окованную серебром цепь, изготовленную из одного куска дерева в виде перстня, неразрывного и замкнутого. Над этой цепью развевалось алое, кармазинное, серебром расшитое знамя. Трое старцев шли медленно. Перед каждым двором они останавливались и громко вызывали по имени хозяина, а когда кто-нибудь из обитателей двора появлялся, говорили:

— Завтра на сход! — и шли дальше.

— Это что за диво? — спросил Тугар Волк, когда старики стали приближаться к ним.

— Разве ты еще не видел этого? — удивленно спросил Максим.

— Не видал. У нас под Галичем нет такого обычая.

— На сход созывают, на совет общинный, — сказал Максим.

— А я думал, попы с хоругвью, — усмехнулся Тугар. — У нас на сход скликают тихо, передавая из хаты в хату мирское знамено.

— У нас мирское знамено обносят по селу вот эти закличники; они должны каждого общинника поименно вызвать на сход. И тебя вызовут, боярин.

— Ну и пусть вызовут, я не пойду! Ни к чему мне ваш сход. Я тут по княжьей воле и могу сам созвать сход, когда мне понадобится.

— Ты, сам... созвать сход? Без наших закличников? Без нашего знамена? — спросил изумленный Максим.

— У меня свои закличники и свое знамено.

— Ну так на твой сход никто из крестьян не

придет. А наш сход как присудит, так в нашей общине и будет.

— Посмотрим, — гневно и упрямо отрезал Тугар Волк.

Пешеходы приблизились к закличникам. Увидя боярина, те поставили знамено, и один из них крикнул:

— Боярин Тугар Волк!

— Вот я, — ответил боярин недружелюбно.

— Завтра на сход.

— Зачем?

Но закличники ничего не ответили и пошли дальше.

— Не их дело, боярин, говорить «зачем», — объяснил Максим, стараясь, как умел, утишить недовольство боярина.

После долгого молчания юноша снова заговорил:

— Боярин, позволь мне, неопытному, молодому, сказать тебе слово.

— Говори! — сказал боярин.

— Приходи завтра на сход!

— Чтобы я подчинился вашему холопскому суду?

— Что ж, боярин, тухольская община судит по справедливости, а справедливому суду стыдно ли подчиняться?

— Отец! — вмешалась в разговор и Мирослава, — сделай так, как советует Максим! Он правду говорит. Он спас мне жизнь и, верно, не станет советовать дурное; он знает хорошо здешние обычаи.

Тугар Волк улыбнулся этой истинно женской логике, но лицо его тотчас же снова помрачнело.

— Ты мне и без того все уши прожужжала со своим Максимом! Ну, спас он тебе жизнь, и

благодарен я ему за это, и, если хочешь, дам ему пару волов, а тут дело другое и мешаться в него ни тебе, ни Максиму не следует.

— Нет, боярин, — ответил Максим, — ты, верно, не захочешь унижить меня платой за мое невеликое дело. Да ни я, ни отец мой и не примем платы. А если я прошу тебя прийти завтра на сход, то делаю я это только по искренней склонности. Я бы рад был, боярин, чтобы тухольская община жила с тобою в мире.

— Ну, пусть так, — сказал в конце концов Тугар Волк, — я приду завтра на этот ваш совет, но только не затем, чтобы подчиниться ему, а так, поглядеть, что это за совет такой.

— Приходи, боярин, приходи! — воскликнул радостно Максим, — сам увидишь, что тухольская община умеет быть справедливой!

Согласие Тугара Волка принесло облегчение Максиму. Он повеселел, разговорился, показывая Мирославе окружающие красоты, а их было много. Наши пешеходы находились как раз на середине села, в центре тухольской равнины. Скалистые берега котловины сверкали по обеим сторонам, как высокие мраморные стены. Поток катился посреди села, тут же, у дороги, шумел и пенился, разбиваясь о камни, которыми было засеяно его дно, и навевая свежую прохладу на всю долину. По обе стороны потока, на высоких берегах сооружены были барьеры из речного камня и грубых пихтовых кольев, чтобы предохранить село от наводнения. Там и сям через поток были проложены удобные мостки с перилами, а позади барьеров тянулись, извиваясь по течению реки, гряды с фасолью и горохом, со веклой и капустой; тут же начинались и поля шеницы, уходя чистыми светлозелеными полосами далеко за хаты. Хаты были аккуратно

огорожены и содержались в чистоте; стены и гладких бревен, вымытых и выскобленных черепками, были выбелены в пазах, т. е. там, где одно бревно сходилось с другим, узкими полками извести и выглядели очень красиво среди зеленых верб и груш. Вместо верея в каждой плетне стояли две липы, между которыми находились красиво, узорно плетеные ворота. Почти над каждым воротами на жердочке красовались чучела хищных птиц: то совы, то ворона, а ястреба, то орла, с широко распростертым крыльями и свешенной долу головой; это были знаки духов-покровителей дома. За хатами стояли конюшни и другие хозяйственные строения все под тѣсом, — построенные из крупных, тесаных брусьев; только неисчислимы оборог¹ были из соломы и повсюду поднимали свои желто-золотые шапки меж четырьмя высокими оборожинами.

— Вот двор моего отца, — сказал Максим показывая на группу строений, ничем не отличающихся от других.

Перед домом не было никого, но двери из дуба были отворены. В стене, обращенной на юг, были прорублены два небольших квадратных отверстия, которые летом либо оставались совсем открытыми, либо закладывались тонкими гипсовыми плитками, а на зиму, сверх того, забивались еще досчатыми ставнями. Таковы были они на того времени.

Мирослава с интересом посмотрела на гнездо Беркутов, над воротами которого, вправду, висел настоящий, недавно убитый беркут.

---

¹ Оборог — соломенная крыша на четырех столбах — оборожинах, которую по мере надобности можно то поднимать, то опускать. Под оборогами хранят от дождя хлеб, сено и др.

кут; он был огромен и даже после смерти грозил своими могучими железными когтями и черным окровавленным клювом. Тихо и светло было на этом дворе; поток, перекрытый широкими мостками, отделял его от дороги и тихо журчал, оплескивая хрустальной струей каменный барьер.

Тугар Волк поглядел туда же.

— Ага, так это здесь живет тухольский владыка! Ну, рад познакомиться. Поглядим, что это за птица!

Максим хотел было попрощаться с боярином и его дочерью и повернуть домой, но что-то тянуло его идти с ними дальше. Мирослава как-будто поняла это.

— Домой уходишь? — спросила она, отворачиваясь, чтобы скрыть свое замешательство.

— Хотел было пойти, да проведу вас еще через теснину к вашему двору.

Мирослава обрадовалась, сама не зная чему. И они пошли дальше вниз по селу, разговаривая, осматриваясь во все стороны, любясь друг другом, забыв отца, общину и все, что было вокруг. И хотя за все время они ни одним словом не упомянули о себе, о своих чувствах и надеждах, но сквозь их равнодушную беседу пробивалось тепло юных, согретых первой любовью сердец, проявлялась тайная сила, которая соединяла эти два молодые, здоровые и красивые существа, чистые и неиспорченные, не сумавшие в своей наивности о тех препонах, которые могла встретить их молодая любовь.

Тугар Волк, шедший впереди, думал о том, как бы завтра достойно, во всем блеске, предстать перед этими смердами и дать им почувствовать свое превосходство. Он не замечал того, что происходило между молодыми людьми; невила его только смелость и независимость

Максима, который вел себя с ним и с его дочерью, как с равными.

Путники прошли село и приближались уже тому месту, где тухольская котловина замыкалась, пропуская через узкие скалистые ворота уносящийся в долину поток. Солнце уже спустилось к западу и стояло над вершиной леса купая свои косые лучи в пенистых волнах реки. От скал, теснившихся у горловины ущелья, тянулись длинные тени; в самой теснине было сумрачно, холодно и скользко. Внизу — воды потока, разбивавшиеся о гигантские, наваленные здесь груды камней, а высоко вверху — огромные пихты и буки. Над самым потоком по обеим сторонам виднелись вырубленные в скалах удобные тропинки — тоже дело рук тухольцев. Какая-то дрожь, то ли от царящего здесь холода, то ли от сырости, то ли бог знает от чего, пробежала по спине Мирославы. Входя в эти диковинные «каменные ворота», она взяла за руку отца и прижалась к нему.

— Какое страшное место, — сказала она, останавливаясь в ущельи и глядя вокруг и вверх.

Место и в самом деле было необычайное дикое: узкое русло не более трех саженей ширины так ровно и гладко прорезано в сланцевой скале стремительной горной водой, что непосвященный мог бы поклясться, что это работа человеческих рук; перед самым проходом стоял торчком громадный каменный столб, у подножья подмытый водой и потому тонкий, а вверху как будто головастый, поросший папоротником и карликовыми березками. Это был знаменитый Страж, который, казалось, стерег вход в Тухольскую долину и готов был обрушиться на каждого, кто посмел бы с враждебной целью ворваться в этот тихий, счастливый уголок. Сам Туга

Волк ощутил какой-то холод за плечами, взглянув на этого каменного великана.

— Тьфу, какая опасная громадина! — сказал он. — Так нависла над проходом, что, того гляди, упадет!

— Это святой камень, боярин, — сказал торжественно Максим. — Каждую весну на него возлагают венки из алого огника. Это наш тухольский Сторож.

— Эх, все-то у вас ваше, все-то у вас святое, все у вас тухольское, — надоело слушать! — воскликнул Тугар Волк. — Будто на свете, кроме вашей Тухольщины, и нет ничего!

— Для нас, и вправду, ничего нет, — ответил Максим. — Мы любим свой угол, и если бы другие поступали, как мы, то, верно, все люди жили бы на свете спокойно и счастливо.

Максим в своей невинной искренности не понимал, как больно уколол он этими словами сердце боярина. Он не заметил и того, какой злобный взгляд метнул на него Тугар Волк. Обращаясь к Мирославе, Максим продолжал спокойным, ласковым голосом:

— А про тот камень, про нашего Сторожа, я вам расскажу то, что слышал от отца. Давно это, очень давно было, — еще когда в наших горах жили великаны. Тогда здесь, где теперь наша Тухля, стояло большое озеро; эта котловина была замкнута, и вода текла только через ее край. Озеро это было заклято; в нем не водилось ничего живого; ни рыбки, ни червячка, и какой бы зверь ни напился из него, — умирал, и какая бы птица ни вздумала через него перелететь, — падала в воду и тонула. Озеро было во власти Мораны, богини смерти. Но однажды случилось так, что царь великанов поссорился с Мораною и назло ей ударил своим волшебным молотом в

скалу и развалил стену, так что вся вода из заклятого озера вытекла и утратила свою волшебную силу. И тогда вся округа вдруг ожила; дно озера превратилось в плодородную долину и зазеленело буйными травами и цветами; в потоке завелась рыба, меж камнями гады, в лесах звери, в воздухе птицы. Разозлилась на это Морана — не любит она ничего живого — и обратила царя великанов в этот камень. Но с долиной Морана уже ничего не могла сделать, не в ее силах было вернуть мертвящую воду, вытекающую из озера; а если бы удалось ей вернуть эту воду и снова заложить выбитый в скале ход, то стала бы она опять царицей этих гор. А так, хоть и нет уже на свете царя великанов, но и Моране это место больше не подвластно. Ни царь не совсем погиб. Он замурован в этом камне и сторожит долину. Говорят, что наступит такое время, когда Морана, собрав свое войско, снова попробует завоевать Тухольщину, но этот заколдованный Сторож упадет тогда на войско Мораны и раздавит его.

Со странным чувством слушала Мирослава эту повесть; у нее защемило в груди, — ей так хотелось встать рядом с этим добрым и животворным царем великанов на битву с силой Мораны; кровь живет заиграла в ее молодом сердце. Как сильно, как горячо любила она в эту минуту Максима!

Тугар Волк, хоть и слушал повесть Максима, но, казалось, не очень ей верил. Только еще раз обернулся, взглянул на каменного тухольского Сторожа и с презрением усмеялся: «Воу глупые смерды, на какой пустяк возлагают они свои надежды!»

Наши пешеходы уже миновали узкий тухольский проход и вышли на простор. Перед их гла-

зами раскинулась длинная, окруженная крутыми горами долина Опора, которая где-то там вдали смыкалась с долиной Стрыя. Солнце клонилось уже к западу и огненным пурпуром перебивалось в широких волнах Опора. Тухольский поток бешеными прыжками со злобным шумом низвергался в Опор. Его воды, напитанные багрянцем заката, казались кровью, бурлящей из гигантской раны. Вокруг шумели потемневшие леса.

Путники постояли минуту, упиваясь этой бесмертной и жизнеутверждающей красотой природы. Максим с трудом сдерживал какую-то мысль, которая так и просилась на волю. Наконец, он собрал все свое мужество и приблизился к Тугару Волку, дрожа и краснея.

— Отец-боярин, — сказал он необычайно мягким и робким голосом.

— Чего тебе надо?

— Позволь мне быть твоим преданнейшим слугою...

— Слугою? Что ж, это не трудно, приходи с отцом и наймись, коли уж так хочешь, на службу.

— Нет, боярин, не так ты меня понял... Позволь мне быть твоим сыном!

— Сыном? Так ведь у тебя есть отец и, наверное, намного лучше, справедливее и умнее, чем я, если завтра судить меня будет!

Боярин ядовито усмехнулся.

— Я не то, — поправился Максим, — не то я хотел сказать. Отдай за меня дочь свою, боярин, я люблю ее больше своей жизни, крепче своей души!

Гром с ясного неба не поразил бы боярина так, как эти пылкие и, вместе, простые слова молодого горца! Он отступил на два шага и

пронизывающим взглядом смерил бедного Максима с ног до головы. Лицо его посинело от злости, челюсти свело, а губы задрожали.

— Смерд! — крикнул он так, что по всем окрестным горам раздалось это проклятое слово, — о чем ты посмел заговорить со мною? Повтори-ка еще раз, а то я своим ушам не верю.

Грозный окрик боярина пробудил в Максиме его всегдашнюю смелость и решительность. Он выпрямился перед Тугаром, как молодой крепкий дубок, и сказал ласковым, но твердым голосом:

— Ничего дурного не сказал я тебе, боярин ничего такого, что порочило бы честь твою или твоей дочери. Я просил руки твоей дочери, которую так люблю, как никто на свете любить не будет. Неужели между твоим боярским и моим мужицким родом такая уж большая пропасть, что и любовь через нее не может переступить? Да и что же тебя поставило так высоко над мною?

— Молчи, смерд! — перебил его яростным криком Тугар. — Рука моя уже сжимает рукоять меча, чтобы заткнуть им твою глотку. Одно только охраняет тебя от этой кары: то, что ты нынче спас мою дочь от опасности, иначе за такие слова лежал бы ты уже трупом. И ты, безумный, мог поднять глаза на нее, на мою дочку?.. И это за то, что мы говорим с тобой по-человечески, а не пинаем, как собаку. Ты думал, что спасая ее из когтей медведя, ты брал ее себе как добычу? О нет! Когда так, пусть бы она лучше погибла в кровавых объятьях зверя, чем досталась тебе.

— Нет, боярин, не так ты говоришь! Я сам

готов скорее погибнуть в лапах медведя, чем дать упасть волосу с ее головы.

Мирослава отвернулась при этих словах, чтобы скрыть от Максима и от отца слезы, брызнувшие у нее из глаз. Но Тугар Волк не заметил этого и продолжал:

— И ты, подлое хамское отродье, смеешь равнять себя со мною? Со мною, проводившим всю жизнь меж князьями, удостоенным княжеской похвалы и награды за рыцарские подвиги. Моя дочь может выбрать себе жениха среди первейших и славнейших воинов, а ты думаешь, что я могу отдать ее тебе, смерду, в твое тухольское гнездо, где она завянет, засохнет и пропадет в нужде и горе? Нет, поди прочь, несчастный, ты не в своем уме и не понимаешь того, что говоришь!

Максим видел теперь, что его надежды разбиты, что боярин метит слишком высоко и глядит на него слишком гордо. Тяжело это было Максиму, но делать было нечего.

— Эх, боярин, — сказал он грустно, — высоко поднялся ты на крыльях гордости, — но заметь! Судьба превозносит выше всего тех, кого думает ниже всех столкнуть. Не гнушайся бедным, не гнушайся низким, не гнушайся работником, боярин, кто еще знает, из какого колодца пить доведется!

— Ты еще смеешь учить меня, гаденыш? — воскликнул Тугар Волк, и глаза его засверкали безумным гневом. — Прочь с глаз моих, а не то, клянусь богом, я проткну тебя этим ножом, как проткнул медведя сегодня утром.

— Не гневайся, боярин, на молодость да глупость, — ответил, как прежде, спокойно, Максим. — Прощай! Прощай и ты, звезда моя, что блистала мне так чудесно один день, а теперь

должна навеки для меня померкнуть! Прощай и будь счастлива!

— Нет, довольно мне молчать! — сказал вдруг Мирослава, решительно оборачиваясь, — я не померкну для тебя, милый, я буду твоей.

Тугар Волк, остолбенев, смотрел на дочь теперь уже вовсе не знал, что ему делать.

— Доченька, что ты говоришь?

— То, что слышал, отец. Отдай меня за Максима. Я пойду за него.

— Глупая девушка, этого не может быть!

— Попробуй — увидишь, что может.

— Ты в горячке, дочка, ты испугалась дикого зверя, ты больна!..

— Нет, отец, я здорова, и скажу тебе еще раз и клянусь перед этим ясным солнцем, что этот юноша будет моим! Солнце, будь свидетелем!

Она взяла Максима за руку и горячо поцеловала его в губы. Тугар Волк стоял молча, не в силах ни пошевелинуться, ни вымолвить слова.

— А теперь, милый, иди домой и не бойся ничего. Мирослава поклялась, что будет твоею, и Мирослава сумеет сдержать клятву. А мы, отец, поспешим во-свояси! Вот наш двор, а вон и наши гости подходят.

И, сказав это, молодая девушка взяла растерявшегося отца за руку и пошла с ним в гору. А Максим долго еще стоял на месте, очарованный, счастливый. Наконец, он очнулся и, припав к земле, помолился заходящему солнцу, так, как молились его деды и прадеды, как молился тайком и его отец. Потом встал и тихо пошел к дому.

За селом Тухлей, у самого водопада стояла посреди поля огромная липа. Никто не помнил, когда она была посажена и как выросла такая здоровая и ветвистая. Тухля была не таким уж древним селом, деревья в тухольской долине были куда моложе этой липы, и потому не удивительно, что тухольский народ считал ее старейшим свидетелем старины и окружал великим почетом.

Тухольцы верили, что эта липа — дар их извечного благодетеля, царя великанов, который посадил ее собственноручно в тухольской долине, в знак победы над Мораной. Из-под корней липы бил источник студеной воды, с тихим журчанием вливаясь в поток. Это было место тухольских сходок, место сельского веча, которое встарину являлось полной и единственной властью в южнославянских общинах.

Вокруг липы расстилалась широкая ровная поляна. На ней рядами лежали гладкие каменные плиты, на которых во время веча сидели родовые старейшины. Сколько было старейшин, столько и сидений. Позади них — свободное пространство. Под липой, над самым источником, лежал четырехгранный камень с просверленным в середине отверстием, куда во время веча вставлялось общинное знамено; а рядом находилось возвышение для беседника, то есть для того, кто выступал на вече; он выходил со своего места на это возвышение, чтобы весь народ мог его слышать.

На другой день после боярской охоты множество тухольцев толпились на поляне под липой. Шумно было в долине. Старейшины медленно шли из села и один за другим занимали свои места. Шумно собиралась молодежь, становясь позади них широким полукругом. Пришли и жен-

щины, хоть их было немного: из общинного совета ни один взрослый, будь то, мужчина или женщина, не исключался. Решающим голосом пользовались только старейшины-отцы, но ни молодежи, ни женщинам не возбранялось высказывать свои мнения.

Солнце стояло высоко на небе, когда из села последними пришли закличники, неся перед собою мирское знамено. Появление их вызвало общий шопот, а когда они приблизились, все стихло. Закличники, трижды поклонившись собравшимся, встали под липу и поснимали шапки. Вся община сделала то же.

— Честная община, — обратились закличники народу, — согласны ли ныне совет держать?

— Да, да! — загудел сход.

— Ну, так помогай бог! — сказали они и, подняв высоко мирское знамено, укрепили его в отверстии, выдолбленном в камне. Это было знаком, что вече открыто.

Старейший в собрании, Захар Беркут, встал со своего места и медленным, но твердым шагом вышел под липу. Он дотронулся до нее рукою, затем, приблизившись к ключу, вытекающему из пбд ее корней, встал на камень и помазал себе водой из ключа глаза и рот. Это была обычная старинная церемония, знаменовавшая очищение уст и прояснение ока, что было необходимо в таком важном деле, как народный совет. Потом Беркут сел на возвышении — лицом к народу и, вместе, к востоку.

Захар Беркут был седой, как голубь, более чем девяностолетний старик, самый старый во всей тухольской общине. Отец восьми сыновей, из которых трое сидели уже вместе с ним среди старейших, а младший, Максим, как здоровый дубок меж яворов, выделялся среди тухольской

молодежи. Высокий, важный, строгий, обогащенный жизненным опытом, знанием людей и природы, Захар Беркут был истинным образцом тех патриархов, отцов и вождей народа, о которых рассказывают нам тысячелетние песни и предания. Несмотря на глубокую старость, Захар был еще силен и крепок.

Правда, он не работал уже в поле, не выгонял овец на луговины, не охотился на зверя в лесных делянках, — однако трудиться не переставал. Сад, пасека и врачевание — вот была его работа. Только что весна появится в тухольских горах, как Захар Беркут уже что-то копает, чистит, подрезает, прививает и пересаживает, проводя весь день в своем саду. Дивились люди его познаниям в садоводстве, дивились тем более, что он не скрывал этих знаний, охотно делился ими с каждым, показывал и поощрял. Пасека его находилась в лесу, и в каждый погожий день Захар Беркут ходил туда, хотя путь был не близкий и довольно утомительный. Но величайшие благодеяния оказывал тухольцам Захар своими лекарствами. Только, бывало, настанет время между пятидесятницей и праздником Купалы, как Захар Беркут со своим младшим сыном Максимом уже отправляется на несколько недель в горы за лекарственными травами. Правда, чистые и простые обычаи того времени, свежий тухольский воздух, просторные и здоровые хаты, и неустанный, но вовсе не изнуряющий труд, — все это вместе хранило людей от частых и заразных болезней. Зато нередко случались увечья и раны, которых, верно, ни один врач не мог бы вылечить так быстро и так хорошо, как Захар Беркут.

Но не в этом видел Захар Беркут главное бремя своей старости. «Жить стоит только до тех пор, —

говорил он, — пока человек может помогать другим. Когда он становится им в тягость, а пользы не приносит, тогда он уже не человек, а дичина и жить ему не стоит. Храни меня бог, стаю когда-нибудь в тягость людям и есть дарово пусть и заслуженный, хлеб!» Эти слова были и теводной, золотой нитью в жизни Захара Беркута. Все, что он делал, что говорил, думал, делал, говорил и думал для добра и пользы других и прежде всего — общины. Община была для него всем миром, единственной целью его жизни. Видя, что кабаны и медведи часто калечат в горах скотину и людей, он еще в молодости задумал научиться врачеванию и, покинув отцовский дом, вышел в дальний неведомый путь, направляясь к славному знахарю, который, по слухам, умел заговаривать стрелы и кровь. Но заговоры этого лекаря не излечивали ран. Захар Беркут, придя к нему, обещал десять куниц за то чтобы знахарь научил его заговаривать раны. Тот согласился, но Захару не хотелось учиться вслепую, он хотел прежде убедиться в силе заклятия. Он вынул нож и глубоко ранил себя в бедро.

— На, заговори! — сказал он оторопевшему лекарю.

Заговор не подействовал.

— Это потому не удастся, — сказал лекарь, — что ты сам себя ранил. Такую рану заговорить нельзя.

— Ну, так плох же твой заговор и не надо мне его. Мне нужен такой заговор, который не спрашивал бы, самовольная рана или нет, а лечил бы всякую.

И Захар Беркут ушел от знахаря и пошел дальше искать других, лучших лекарей. Долго бродил он по горам, пока, наконец, после года

блужданий не забрел к скитским¹ монахам. Между ними был один столетний старец, долгое время пробывший на горе Афон у греков и представивший там множество старинных греческих книг. Этот монах умел хорошо лечить раны и брался научить своему искусству каждого, кто проживет с ним год в добром согласии и покажется ему честным человеком с искренним сердцем и душой. Много учеников побывало у старого, всегда задумчивого и грустного монаха, но ни один не понравился ему, ни один не прожил с ним условленного года и не сподобился его лечебных тайн. Об этом-то лекаре и прослышал Захар Беркут и решился отбыть его искуc. Прийдя в скитский монастырь, он попросил, чтобы его провели к старцу Акинфию и откровенно рассказал ему о цели своего прихода. Седобородый, согбенный старик Акинфий принял его без возражений, и Захар пробыл у него не один, а целых три года. Он вернулся из скита новым человеком, любовь к общине стала у него еще горячее и сильнее, слова его текли теперь кристально чистой волной, были спокойны, умны и тверды, как сталь, а против всякой неправды — остры, как бритва. Во время своего четырехлетнего путешествия Захар Беркут увидал свет, был и в Галиче, и в Киеве, видел князей и их дела, узнал воинов и купцов, а его простой ясный ум слагал все виденное и слышанное, зерном к зерну, в со-

---

¹ Упомянув о скитских монахах, я не имею в виду исторического Манявского Скита, основанного Иовом Княгиницким в начале XVII в., а пользуюсь народным преданием о первых апостолах Карпатского Подгорья, монахах киевских пещер, путешествие и поселение которых в коломыйских горах описывает, частью вымышленно, а частью на основе подлинной народной традиции, Антон Могильницкий в своей поэме «Скит Манявский». (Прим. автора)

кровищницу памяти, как пищу для размышления. Он вернулся из путешествия не только врачом, но и гражданином. Наблюдая в долинах, как князья и их бояре стараются ослабить и расщепить в селах общинные вольные обычаи, чтобы потом легче было им превратить разделенных, разрозненных людей в своих невольников и слуг. Захар Беркут убедился, что для его братьев-крестьян нет другого спасения, кроме хорошо налаженных общинных порядков, общинного единения и дружбы. А с другой стороны от старца Акинфия и от других бывалых людей он немало наслушался про общинный порядок в Северной Руси, в Новгороде, Пскове, про богатство и расцвет этих городов, и все это зажгло в его горячей душе желание — отдать свою жизнь на исправление и укрепление вольной общины в своей родной Тухольщине.

Семьдесят лет прошло с тех пор. Как древний дуб-великан, стоял Захар Беркут среди молодого поколения и любовался теперь плодами своей долголетней деятельности. И было на что любоваться! Как одна душа, была едина, дружна тухольская община в труде и потреблении, в радости и в горе. Община во всем была для себя судьей и законодателем. Общинные поля, общинные леса не требовали сторожа — община сама зорко оберегала свое добро. Бедных не было в общине; земля доставляла пропитание всем, а общинные лабазы и овины всегда были открыты для нуждающихся. Князья и их бояре завистливым оком взирали на эту жизнь, в которой для них не было места, где они не были нужны. Раз в год заезжал в Тухольщину княжеский сборщик податей, и община старалась как можно скорее избавиться от ненавистного представителя власти: через день или два он уезжал, нагружен-

ный всяческим добром, — подати тухольцы в значительной мере платили натурой. Но в Тухольщине сборщик княжеских податей не был таким полновластным господином, как в других селах. Тухольцы хорошо знали, что принадлежит сборщику, а что князю, и не допускали никакого обмана.

И не только в Тухольщине ощущалось спасительное влияние Захара Беркута, его знали на несколько десятков миль вокруг и на украинской и на угорской стороне. И знали не только как чудесного врача, лечащего раны и всевозможные болезни, но и как мудрого советника и беседника, который «как заговорит, так словно бог к тебе в сердце входит», а как посоветует, одному ли человеку, или всей общине, то хоть целый собор стариков собери, все равно им всем вместе лучшего не придумать. Издавна Захар Беркут пришел к тому твердому убеждению, что как один человек посреди общины слаб и беспомощен, так и одна община слаба, и только объединение многих соседних общин может придать им силу и укрепить в каждой из них общинный порядок. Поэтому, работая для своей общины, Захар никогда не забывал и о соседях. Он еще в молодости часто ходил по общинам, бывал на сходах, старался узнать получше людей и их потребности, и повсюду советы и речи его вели к одному: к укреплению дружеских, товарищеских и братских связей между людьми в общинах и между соседними общинами. А связи эти были тогда еще достаточно живы и сильны; разъедающее влияние княжества и боярства не успело еще тогда разорвать их окончательно, — неудивительно поэтому, что под руководством такого опытного и преданного общинному делу человека, как Захар Беркут, эти связи вскоре обновились и окрепли. Особенно важно было для Тухольщины,

да и для всего стрыйского межгорья, богато шерстью и шкурами, но бедного хлебом, которое было вдоволь у загорцев, держать связь украинскими общинами на Угорщине. Потому одной из главных забот Захара было провести Тухольщины прямую и безопасную дорогу Угорщину. Долгие годы носился он с этой мыслью, обошел вдоль и поперек все тухольские луговины, прикидывая, где бы лучше, безопасно и с наименьшими затратами можно было провести этот путь. И в то же время он старался постепенно, но непрестанно склонять к этому делу горные общины по той и другой стороне Бески. При всяком удобном случае, на каждом общинном сходе он не переставал доказывать пользу и необходимость такой дороги, пока в конце концов не добился своего. Более десяти общин из ближних и дальних окрестностей прислали в Тухлю своих выборных на общинный совет, где должен был обсуждаться план строительства новой дороги. Это был счастливый день для Захара. Он не только сам с радостью стал размечать направление будущего пути, но и взялся на все время постройки наблюдать за работой. Четырех своих сыновей он поставил на работу, а пятый его сын, кузнец, со своей передвижной кузницей все время находился на постройке, исправляя испорченные орудия и инструменты. Каждая община выслала по несколько десятков работников с запасами хлеба и другой пищи, и, под предводительством неутомимого Захара, дорога была построена в один год. Польза от нее стала сразу же очевидной. Связь с богатыми еще тогда угорско-украинскими общинами оживила все межгорье; начался живой и обоюдовыгодный обмен продуктами труда: в Угорщину шли кожи, сырошкурки и целые отары на зарез, а оттуда

шеница, хлеб и полотно. Но не только для об-
мена выгодна была тухольская дорога: она слу-
жила также и для передачи всевозможных ве-
стей о жизни общин по обе стороны Бескид, бы-
ла живой нитью, связывающей детей одного на-
рода, поделенных между двумя государствами.

Правда тухольская дорога была не первой та-
кой нитью. В древности еще больше славилась
дуклянская дорога, но галицко-украинским князь-
ям она не полюбилась, не столько, впрочем, по-
тому, что она поддерживала живую связь между
общинами по обеим сторонам Бескид и укрепля-
ла в них общинные порядки, сколько потому, что
по ней частенько врывались в Червонную Русь
войска мадьярских королей и дуков. Потому-то
галицкие и перемышльские князья старались, если
не совсем замкнуть, то хотя бы укрепить эти
входные ворота в свои владения, а такое «укреп-
ление» по-государственному и для государствен-
ных целей должно было, конечно, повредить об-
щинам и общинному самоуправлению. Князья по-
насажали вдоль дуклянской дороги своих бояр,
понадарили им усадеб и полей из общинных зе-
мель и возложили на бояр обязанность — сторо-
жить дуклянские ворота и в случае военного на-
падения удерживать неприятеля с помощью дру-
жин, набранных из окрестных общин, а также с
помощью засек, т. е. деревянных и каменных
завалов, которыми в узких местах преграждали
дорогу. Разумеется эти обязанности всей своей
тяжестью ложились на крестьян, на общины. Они
не только теряли часть своих старинных земель,
на которых теперь располагались бояре, но долж-
ны были, кроме того, выставлять охрану, выде-
лять дружинников и слуг боярам, строить засе-
ки, а в военное время к боярам переходила вся
полнота гражданской и судебной власти. Поль-

зуюсь такими широкими правами, боярин ставился силой в селе и, совершенно естественно, заботился прежде всего об укреплении своей власти и мощи. Чтобы разбогатеть, бояре ставляли на дороге свои засеки, рогатки, брали и в спокойные времена плату со всякого проезжего, это должно было затормозить движение на дуклянской дороге, ослабить живые связи между общинами, а одновременно с ослаблением этих связей должны были прийти в упадок вечевые, вольные порядки и в самих общинах. Власть боярская не могла и не хотела терпеть рядом с собою другой, общинной, власти, между боярами и общинами началась длительная и тяжелая борьба, разрешившаяся в конце концов в пользу общин. Правда, в то время, когда происходило действие нашего рассказа, борьба эта еще далеко не была закончена, а кое-где в удаленных горных селениях еще и не начиналась, — и это были, можно сказать наверно, счастливейшие уголки тогдашней Руси. К таким счастливым уголкам принадлежала и Тухольщина. Дорога проведенная через Бескиды на Угорщину, на долгое время обеспечила ее благосостояние. Тухольская дорога не попала еще в боярские руки, была свободна для каждого. Крестьяне смежные с ней селений как с червоннорусской, так и угорской стороны зорко стерегли ее от вражеского нападения и извещали друг друга о всякой грозящей опасности, которую и отбивали свое временно и тихо соединенными силами всех заинтересованных в этом деле, общин. Не удивительно, что Тухольщина, расположенная как раз на середине пути между Угорщиной и Подгорьем все более выделялась не только своим благосостоянием, но и крепким общинным строем. Своим примером она поддерживала все окрестные гор

ые селения, а особенно те села, в которых уже были князья, бояре и в которых велась уже разрушительная борьба между древним хозяйством и новым господством. Горячее слово и огромная популярность Захара Беркута послужили не малой причиной того, что пока что большая часть общин держалась в этой борьбе крепко. Бояре не могли расширять свою власть так быстро, как им того хотелось, и должны были жить в добром согласии с общинами, подчиняясь в спокойные времена их общинным судам и заседаая в советах рядом с другими старейшинами, как равные с равными. Но такое положение очень не нравилось боярам; они ждали военного времени, как великого праздника, потому что тогда они получили бы возможность сразу захватить власть в свои руки и, воспользовавшись случаем, разбить до основания ненавистные общинные порядки, так, чтобы не выпустить уже из рук раз захваченную власть. Но войны не было. Властитель Червонной Руси, князь Данило Романович, хоть и был не в пример ласковее с боярами, чем его отец, помочь им все же не мог, занятый то хлопотами о королевской короне, то спорами князей, что дрались за великокняжеский престол киевский. Менее всего его беспокоила защита своего края от нового, дотоле не слыханного врага, монголов, которые за десять лет перед тем, как грозовая туча, появились на восточных границах Руси, в донских степях и разбили русских князей в страшной кровавой битве над рекой Калкой. Но с Калки, неожиданно, точно испуганные храбростью русичей, они повернули назад, и вот прошло уже десять лет, как об них ничего не было слышно. Только глухая тревога ходила в народе, как волна горячего ветра в созревающих хлебах, и никто не знал, уляжется ли

Волна, или, может быть, нагонит новую грозную тучу. А меньше всего знали и ожидали князя и бояре. После грома над Калкой спокойно принялись снова за свое давнее дело споры из-за престолонаследия и подрыв своих и самоуправных общинных порядков! Разумные! Они подкапывали дуб, кормивший своими желудями! Когда бы они применили власть и силу к укреплению, а не к подрыву этих порядков и живых связей между общинами! То наша Русь, верно, не пала бы под стрелами и топорами монголов, а противостояла бы им, как глубоко укоренившийся дуб-великан противстоит осенней буре!

Счастлива была Тухольщина, — несытые князья и бояре до сих пор еще не останавливали на ней своего взгляда. Потому ли, что лежала она в стороне от мира меж горами и скалами или, может, потому, что у ней не было больших богатств, но бояре пока что не обнаруживали быт бы забираться в этот угол. Но это счастье было не вечно. Несколько времени тому назад приехал в тухольские горы боярин Тугар Волк и, не говоря никому ни слова, стал строить себе дом на холме над Опором поодаль от Тухли, но на тухольской земле. Тухольцы от недоумения сперва молчали и не останавливали нового гостя, но затем стали допытываться, кто он, откуда и с чем пришел сюда.

— Я боярин князя Данилы, — гордо ответил Тугар Волк. — За мои заслуги князь наградил меня землями и лесами в Тухольщине.

— Но ведь земли и леса принадлежат общине! — ответили ему тухольцы.

— До этого мне дела нет, — возразил боярин, — подите у князя спрашивайте. У меня есть грамота, и ничего я больше знать не хочу!

Тухольцы качали головами на такие боярские слова и молчали. А боярин вел себя надменно, все похвалялся княжеской милостью, хотя вначале и не мешался ни в какие общинные дела и ни в чем не стеснял тухольцев. Тухольцы, особенно молодежь, отчасти из любопытства, отчасти из чувства гостеприимства часто встречались с боярином и кое в чем оказывали ему услуги, — но друг как отрезало: они перестали ходить к нему и начали его избегать. Это сперва удивило, а потом разозлило боярина, и он принялся чинить тухольцам всевозможные пакости. Дом его стоял как раз над тухольской дорогой и он, по примеру других бояр, поставил на дороге большую заставу и стал требовать себе мыта от проезжающих. Но тухольцы были упрямый народ. Они сразу почувяли, что тут начинается решительная борьба и постановили, по совету Захара Беркута, стоять за свои права твердо и неотступно до последней крайности. Через неделю после устройства заставы тухольский общинный совет выслал своих представителей к Тугару. Представители задали ему короткий и решительный вопрос:

— Что делаешь, боярин? Почто путь перегорол?

— Так мне хочется! — отвечал гордо боярин. — Жели вам досадно, идите жалуйтесь на меня князю.

— Но ведь дорога не княжеская, а общинная?

— До этого мне дела нет!

С тем послы и вернулись, но тотчас же после их ухода пришла из Тухли ватага сельской молодежи с топорами и потихоньку порубила заставу на мелкие куски, сложила из них костер и сожгла их недалеко от боярского двора. Боярин бесилый на своем дворе, проклинал нахальных смердов, но сопротивляться им не посмел. Заставу

второй раз он уже не поставил. Первое нападение на общинные права было отбито, но тухольцы не радовались преждевременно, — они хорошо знали, что это только первое нападение и после него надо ожидать следующих. Так случилось. Однажды прибежали в Тухольские земли, крича, что боярские слуги сгоняют общинную отару с лучшей луговины. Не успели чаб толком рассказать, в чем дело, как вслед за нами прибежали общинные лесники, говоря, боярин отмеряет и межует для себя огромный кусок лучшего общинного леса. Снова общинный совет выслал представителей к Тугару Волку.

— За что, боярин, обижаешь общину?

— Я беру только то, что мне мой князь подарил.

— Но ведь это же не княжеские, а общинные земли. Князь не мог дарить того, что ему принадлежит.

— Ну и жалуйтесь на князя! — ответил боярин и отвернулся.

С той поры началась настоящая война между боярином и тухольцами. То тухольцы сгоняли боярские стада со своих пастбищ, то боярские слуги сгоняли тухольские отары. Лес, захваченный боярином, стерегли и общинные и боярские лесники и между ними не раз возникали споры и драки. Это злило боярина все больше, и он в конце концов приказал убивать тухольскую скотину, найденную на захваченных лугах, а одного общинного лесника, обнаруженного в захваченном лесу, велел привязать к дереву и сечь новыми розгами чуть не до смерти. Это было уже слишком! Многие из общинников высказались за то, чтобы по старинному обычаю применить к боярину закон о непокорном и дурном члене общины, разбойнике и злодее, и выгнать

его из пределов общинных земель, а дом его разрушить до основания. Большая часть общины присоединилась к этому решению, и, верно, круто пришлось бы боярину, если бы Захар Беркут не высказал мысли, что не подобает осуждать кого бы то ни было, не выслушав прежде его оправданий, и что справедливость требует вызвать боярина на общинный суд, дать ему возможность оправдать себя и уж потом поступать с ним так, как присудит община, спокойно и обдуманно. Этого разумного совета послушалась тухольская община.

Вероятно никто на нынешнем сходе не понимал так хорошо важности этой минуты, как Захар Беркут. Он видел, что все дело его жизни зависело теперь от общинного приговора. Если бы речь шла только об установлении простой справедливости, Захар был бы спокоен и полагался бы вполне на общинный разум. Но тут впервые на тухольском общинном суде приходилось учитывать также и другие, посторонние, но чрезвычайно важные обстоятельства, запутывающие дело почти до безвыходности. Захар хорошо понимал, что приговор, будь он благоприятный или неблагоприятный для боярина, грозит общине большой опасностью. Благоприятный приговор явится признанием не столько права, сколько силы боярина, и навсегда покорит ему крестьян, отдаст ему в руки не только захваченные леса и луга, но и всю общину, будет первой и тяжелейшей брешью в вольном общинном укладе, над обновлением и укреплением которого Захар неистанно трудился в течение семидесяти лет. А неблагоприятный приговор, который повлечет изгнание боярина из общины, грозит тоже не малой опасностью. А ну, как боярин сумеет подговорить князя, возбудит его гнев, убедит его,

что тухольцы бунтовщики? Это может под целую бурю и подвергнуть Тухольщину страму разрушению, подобному тем, которым верглись общины, навлекшие на себя гнев зей и отданные боярам и дружинам на разление и уничтожение. Трудность создавшего положения наполняла сердце старого Захарликой грустью, и он искренно молился перед чалом совета Дажбогу — Солнцу, чтобы просветил разум его и его общины и указал им правильный путь среди всех этих трудностей. — Честная община! — так начал он свою речь. — Не буду от вас скрывать, да вы, впрочем, и сами хорошо это знаете, какие трудные большие дела ждут сегодня нашего решения. Когда смотрю я на то, что вокруг нас делается и что нам угрожает, то кажется мне, что над нами спокойная общинная жизнь пропала без поворотно, что теперь для нас всех наступила пора показать на деле, в борьбе, точно ли крепки и хороши наши общинные порядки, могут ли они выдержать надвигающуюся бурю. Какая буря надвигается на нас, и не с одной только стороны — это вы знаете и услышите еще полнее на нынешнем совете, и теперь я об этом говорить не буду. Я хотел бы только показать вам и утвердить несокрушимо в вашем сознании те основы, которых нам, по-моему, надо держаться, твердо держаться до последней крайности. А впрочем здесь ни я, ни кто другой не властен над вами — захотите — послушаетесь, не захотите... воля ваша! Только скажу вам, что сегодня стоим мы на распутьи, сегодня придется нам выбирать тот или другой путь. А потому подобает нам, людям старым и опытным, хорошо уяснить себе свой выбор, те последствия, которые он может повлечь и то место, на котором мы ныне стоим!

Взгляните, честная община на это наше мир-
ное знамено; вот уже пятьдесят лет слышит оно
твои слова и видит дела наши. Знаете ли вы,
что выражают собой его знаки? Святые и муд-
рые старцы, отцы наши, сделали его и поведали
его значение. «Захар, — сказали они, — ког-
да-нибудь, в минуту грознейшей опасности, когда
жизнь нагонит ветер на общину и поставит под
угрозу ее порядок, — ты откроешь значение это-
го знамени и скажешь общине, что на нем покоит-
ся наше и нашего Духа-хранителя благослове-
ние, что отступление от дороги, какую указывает
это знамено, будет величайшим несчастьем для
общины, будет началом ее полного упадка!

Захар умолк на минуту. Его речь произвела
глубокое впечатление на общину. Глаза всех об-
щин были на знамено. Оно стояло на высо-
кой, воткнутой в камень жерди, блистая серебря-
ным узором своих колец и колыша кармазинное
молотнище, которое словно переливалось живой
краской.

— Я до сих пор ничего не говорил вам об
этом, — продолжал Захар, — времена были спо-
койные. Но сегодня пора это сделать. Смотрите
на него, на это знамено! Из одного куска сдела-
лась эта цепь, крепкая, точно замкнутая в се-
бе, и, однако, свободная в каждом отдельном
звене, готовая принять любые новые связи. Эта
цепь — наш украинский народ, такой, каким он
вышел из рук добрых творцов-духов. Каждое
звено в этой цепи — это община, неразрывно по
своей природе своей связанная со всеми другими
общинами, однако, свободная в своих движениях, словно
замкнутая в себе, живущая своей жизнью и
удовлетворяющая свои потребности. Только та-
кая целостность и свобода каждой отдельной
общины делает все целое единым и свободным.

Стоит только одному звену лопнуть, распая — и вся цепь распадется, единая связь будет разорвана. Так и упадок вольных общинных рядков в одной общине станет раной, принесет болезнь, а то и заразу всему телу нашей святой Руси. Горе общине, которая добровольно несет этой раной, которая не употребит всех средств и способов, чтобы остаться здоровой! Лучшее для такой общины исчезнуть с лица земли, провалиться в бездну!

Последние слова Захара, произнесенные жестоким голосом, заглушили шум водопада, который гремел невдалеке по камням и, словно живой столб хрусталя, играя на солнце всеми цветами радуги, выделялся сверкающей полочкой над головами общины. Захар продолжал:

— Посмотрите еще раз на знамено! Каждое звено его цепи оковано блестящим серебром. Украшения эти не обременяют звена, а придают ему красоту и крепость. Так и у каждой общины есть драгоценный устав и порядок, рожденные потребностями, освященный разумом наших отцов наших. Этот порядок священен, но не потому, что стар, что установлен отцами нашими, а только потому, что свободен, что не связывает никого в добром начинании, а вяжет лишь злого, желающего вредить общине. Порядки не связывают общину, но лишь придают ей силу и власть для охраны всего доброго и полного и для уничтожения всего злого и вредного. Если бы не эти серебряные оковы, деревянные колечки легко могли бы полопаться и тогда пропала бы вся цельность цепи. Так, если бы наши общинные уставы, то и вся община пропала бы. Слушай же, честная община! Злодейские руки протягиваются, чтобы ободрать эти серебряные оковы с нашего звена, чтобы ослабить

растоптать ногами наш общинный уклад, при котором нам так хорошо жилось!

— Мы этого не допустим! — вскричала единодушно вся община. — Встанем на защиту своей свободы, хоть бы и довелось нам пролить всю кровь до последней капли!

— Добро, дети! — сказал тронутый Захар Беркут, — так и надо! Верьте мне, дух нашего великого Сторожа говорит вашими устами. Вы отгадали значение того стяга, что вьется над нашим знаменом. Почему он красный? — Потому что означает кровь! До последней капли крови должна охранять община свою свободу, свой святой уклад! И верьте мне, недалеко минута, которая на самом деле потребует от вас крови! Будем же готовы пролить ее для своей защиты!

В эту минуту глаза всех, как будто по чьему-то знаку, повернулись в сторону леса.

Там, на дороге, ведущей из села, мимо водопада, в горы, показалась небольшая группа вооруженных людей. Это шел во всем своем величии на тухольский совет боярин Тугар Волк со своею дружиною. Несмотря на жаркий весенний день, боярин был в полном рыцарском вооружении: в железном панцире, в таких же набедренниках и наколенниках и в сверкающем бронзовом шлеме с развевающимся над ним пучком петушиных перьев. На боку его покачивался тяжелый боевой меч в ножнах, за плечами были лук и колчан со стрелами, а за поясом торчал топор, блистая широким стальным лезвием и бронзовым изукрашенным обухом. Поверх всего этого страшного вооружения, в знак своих мирных намерений, боярин накинул волчью шкуру с частью, переделанной в застежку на его груди, и с лапами, острые когти которых сходились у него на поясе. Вместе с боярином шло десять вои-

нов, лучников и топорников, в таких же волчьих шкурах, но без панцырей. Тухольская община невольно вострепелась, увидев приближен этой волчьей дружины, все поняли, что это есть тот враг, который покусился на их свободу и независимость. Пока они подходили, Захар закончил свою речь.

— Вот подходит боярин, который хвалит, что князь подарил ему наши земли, нашу свободу, нас самих. Смотрите, как гордо выступает он в сознании княжеской милости, в сознании, что он княжеский слуга, что он раб! Нам не надо милостей от боярина и незачем становиться нам рабами, вот причина его ненависти к нам, вот причина того, что он зовет нас смердами. Но мы знаем, что гордость его пустая и что истинно свободному человеку подобает не гордость, а спокойная рассудительность и разум. Сохраните же рассудительность и разум, чтобы не мы смирили боярина, а он сам в глубине своей души почувствовал бы себя смиренным! — кончил.

Тихий шопот удовлетворения и радостной решимости прошел по собранию. Захар сел на свое место. Минуту длилось молчание, пока Тугар Волк не приблизился к совету.

— Здравствуйте, мужики! — сказал он, касаясь рукою своего шлема, но не снимая его с головы.

— Здравствуй и ты, боярин! — ответила община.

Тугар Волк гордой, беспечной походкой вышел вперед и, окинув взглядом собрание, проговорил:

— Вы звали меня, и вот я пришел. Чего вы хотите от меня?

Слова эти сказаны были резким надменным голосом, — боярин, очевидно, хотел показать об

дине свое превосходство. Он не смотрел на со-
бравшихся, а вертел в руках свой топор, любясь
блеском его острия и обуха и выражая этим свое
презрение ко всему этому совету.

— Мы вызвали тебя, боярин, на суд общин-
ный, чтобы, прежде чем осудить твои поступки,
выслушать тебя. По какому праву и с какой
целью наносишь ты обиды общине?

— На суд общинный? — повторил как бы
удивленный Тугар Волк, оборачиваясь к Заха-
ру. — Я княжий слуга и боярин. Никто не
имеет права судить меня, кроме князя и равных
мне бояр.

— О том, чей ты слуга, боярин, мы с тобой не
будем спорить, до этого нам дела нет. А о твоём
праве поговорим позднее. А теперь будь добр
скажи нам: откуда пришел ты в наше село?

— Из стольного княжеского города Галича.

— А кто велел тебе идти сюда?

— Мой и ваш господин, князь Данило Рома-
нович.

— Говори за себя, а не за нас, боярин! Мы
вольные люди и не знаем никакого господина.
А зачем же приказал тебе твой господин идти
в наше село?

Лицо боярина покрылось багрянцем злобы
при этих словах Захара. Минуту он колебался,
отвечать ли дальше на вопросы, но затем сми-
рил несвоевременный порыв.

— Он приказал мне сторожить его земли и
его подданных, быть воеводой и начальником
Тухольщины и дал мне и моим потомкам в веч-
ное владение тухольские земли в награду за
мою верную службу. Вот его грамота, его пе-
чать и подпись!

С этими словами боярин надменным движе-
нием вынул из-за широкого ремennого пояса

княжескую грамоту и поднял ее вверх, псказы вая общине.

— Спрячь свою грамоту, боярин, — сказал спокойно Захар, — мы не умеем читать, а печать твоего князя для нас не закон. Лучше сам скажи, кто такой этот твой князь?

— Как это? — воскликнул удивленный боярин. — Вы не знаете князя Данилы?

— Нет не знаем никакого князя.

— Властелина всех земель, всех селений и родов от Сана до Днепра, от Карпат до усть Буга?

— Мы никогда его не видали, и для нас он не властелин. Пастух, владелец отары, стережет ее от волка, гонит ее в жаркий полдень холодному потоку, а в холодную ночь к тепло безопасной кошаре¹. А князь разве так поступает со своими подданными?

— Князь поступает с ними еще лучше, — ответил боярин. — Он дает им мудрые права мудрых судей, посылает к ним своих верных слуг, чтобы охраняли их от врага.

— Неправду сказал ты, боярин, — заметил строго Захар. — Смотри, солнце на небе закрыло свое светлое лицо, чтобы не слушать твоих кривых слов! Мудрые права наши исходят не с твоего князя, а от дедов и отцов наших. Мудрых судей княжеских мы не видели доныне жили тихо в ладу и согласии, а судим себя умом общинным. Отцы наши издавна учили нас — один человек глуп, а общинный суд справедливый суд. Без княжьих воевод жили наши отцы, жили и мы до сей поры, и, как видишь, хаты наши не опустошены, и дети наши не уведены во вражий полон.

---

¹ Кошара — загон для овец.

— Так было до сей поры, но отныне так не будет.

— Как будет отныне, того мы не знаем и ты, боярин, не знаешь. Одно еще только скажи нам: князь твой справедливый человек?

— Весь свет знает и изумляется его справедливости.

— Так, значит, он и тебя послал насаждать наших горах справедливость?

Боярин смешался от этого простого вопроса, но после минутного колебания сказал:

— Да.

— А как думаешь, боярин, может справедливый князь несправедливо обижать своих подданных?

Боярин молчал.

— Может ли он несправедливыми поступками насадить в их сердцах справедливость и обиды стяжать для себя любовь и уважение?

Боярин молчал, поигрывая острием своего топора.

— Смотри же, бояриц, — закончил Захар. — уста твои молчат, но мысли твои говорят, что того не может быть. А, однакоже, твой справедливый князь сделал это с нами, с нами, которых он не видал и не знает, добро и счастье которых не беспокоит его, которые не сделали ему ничего дурного, а наоборот, ежегодно отсылают ему богатую дань. Как же он мог сделать это, боярин?

Тугар Волк гневно сверкнул глазами на Захара и сказал:

— Глупости говоришь, старик. Князь никого не может обидеть.

— А однако нас обидел, этой самой грамотой, которой ты так похваляешься! Подумай — не видно ли было бы тебе, если бы я против твоей

Волк снял с тебя этот блестящий панцырь и дал его моему сыну? А именно так поступи нами князь. Что для тебя панцырь, то для земля и лес. Испокон веков мы пользовались ими и берегли, как зеницу ока, а тут вдруг и ходишь ты и от имени своего князя говоришь «Это мое! Мой князь дал мне это в награду мои великие заслуги». И прогоняешь наших стухов, бьешь нашего лесника на нашей собственной земле! Ну скажи, можем ли мы считать твоего князя справедливым человеком?

— Ты ошибся, старик! — сказал Ту Волк. — Все мы принадлежим князю, со всем что имеем, со скотом и землею. Один князь свободен, а мы все его рабы. Его милость — наша свобода. Он может сделать с нами, что захочет.

Как удар обухом по темени, оглушили эти слова Захара Беркута. Он опустил седую голову, долго молчал, не зная, что ответить. Мрачные похрустывали молчали и все остальные. Наконец, Захар встал, лицо его просветлело. Он поднял голову вверх к солнцу:

— Солнце пресветлое! — сказал он, — благотворное, свободное светило, не слушаешь вратительных слов, которые осмелился сказать этот человек перед лицом твоим! Не слушаешь забудь, что они сказаны были на нашей, даже и помыслом таким не оскверненной, земле. И не карай нас за них! Ибо безнаказанно попустишь их, я знаю. И если там, в этом лице, вокруг князя расплодилось много людей, то сотри их с лица земли, но не погуби заодно с ними всего нашего народа!

После этого Захар успокоился, сел и обратился к боярину.

— Мы слышали, боярин, твои слова! —

зал он. — Не повторяй их в другой раз перед нами, пусть они при тебе и останутся. Послушай же теперь, что мы думаем о твоём князе. Послушай и не прогневайся! Сам видишь, что отца и защитника мы в нём видеть не можем. Отец знает свое дитя, его нужды и желания, а он не знает нас и не хочет знать. Защитник бережет своих подчиненных от врага и от всякой напасти, князь не бережет нас ни от засухи, ни от туч, ни от града, ни от медведя, а они наши главные враги. Он, правда, заявляет, что бережет нас от нападений угорских воинов. Но как бережет он нас? Насылая на нас еще худших врагов, чем угры, — своих ненасытных бояр с их дружинами. Угры нападут, заберут, что можно, и идут; боярин, как нападет, так и засядет и не дозволится никакими добычами, а готов нас всех навеки обратить в рабов. Не отцом и защитником считаем мы твоего князя, но карой божией, ниспосланной нам за грехи наши, от которой должны мы откупаться ежегодными данями. Чем меньше мы о нём знаем, а он о нас, тем лучше для нас. И если вся наша Русь могла бы избавиться сегодня от него со всеми его ватаганами, то, верно, была бы еще велика и счастлива! ¹

¹ Взгляды, высказанные здесь Захаром Беркутом, можно считать характерными взглядами народа того времени на князей, на их правовые междуусобицы и вообще на феодализм. Напомним, что подобные взгляды нашли отклики даже у нашего летописца, в рассказе про певца Митуоу, которого за бунтовщические речи и непокорность князь Данило приказал изловить и покарать смертью. Разумеется, приводя такие взгляды для характеристики времени и людей, мы этим не хотим умалить значение особы князя Данила, который из всех властителей русско-галицких земель выделяется как человек необычайно симпатичный и, для того времени, по-своему человечный и умный. (Прим авт.)

Со странным чувством слушал Тугар Волк горячие слова старого беседника. Воспитанный при дворе князя и испорченный гнилью и пошлостью, он все же был рыцарь, воин, человек не мог не ощутить сердцем хотя бы каплю того чувства, которое заставляло так сильно бить сердце Захара Беркута. К тому же и сам далеко не со всей искренностью произносил слова о неограниченной власти князя; у него самого душа не раз бунтовала против этой власти, а в данном случае он только хотел засвидетельствовать указанием на княжескую власть свои собственные мечты о подобной же власти. Не удивительно, что слова Захара Беркута запали ему в душу глубже, чем он сам того хотел. Он в первый раз с искренним изумлением смотрел на старика, и ему стало жаль этого великана, падеж которого, как он думал, было близко и неминуемо.

— Эх, старик, жаль мне твоих седых волн твоего молодецкого сердца. Долгое время ты жил ты на свете, кажется, даже слишком долго! Живя сердцем в старине и в пылких годах молодости, перестал ты понимать новые, незнакомые времена, их взгляды и нужды. Того, что было давно, не должно уже быть ныне, и не будет никогда. Все, что живет долго, — заживается. Зажились и твои молодые думы о свободе. Трудные времена приходят ныне, старик, и требуют единого сильного властелина в нашей стране, который бы в одном месте сосредоточил и в свою руку забрал силы всего народа, и оборону его от врага, надвигающегося с востока. Ты, старик, не знаешь всего этого и тебе кажется, что делятся еще давние времена.

— И тут ты ошибся, боярин, — сказал Захар Беркут. — Не подобает старику поддаваться

там своей молодости и закрывать глаза на современность. Но трижды не подобает ему поступаться добрым только потому, что оно старо, и хвататься за дурное ради того только, что оно новое. Это присуще молодым и то не всем, а дурно воспитанным. Ты обвиняешь меня, будто я не знаю того, что вокруг делается. А между тем неизвестно еще, кто из нас лучше и подробнее знает об этом. Ты намекнул мне на страшного врага, грозящего нам с востока, и высказал мысль, что приближение его требует сосредоточения всех сил народных в одних руках. Теперь я скажу тебе, что я знаю об этом враге. Правда, боярин, к тебе вчера прибыл посланец княжеский и оповестил тебя про новое наступление на нашу страну страшных монголов, про то, что они после длительного боя заняли Киев и разрушили его до основания и теперь тучей надвигаются на наши червоннорусские земли. Мы, боярин, знали это еще неделю назад, и знали о каждом посланце, отправленном в наши края, и о вестях, которые он везет. Княжеский гонец прибыл поздно, наши гонцы ходят гораздо быстрее. Монголы уже затопили нашу Червонную Русь, уничтожили многие города и села и разделились на два потока. Один пошел на запад, должно быть, на Сандомир в польскую землю, а другой идет вверх по долине Стрыя в нашу сторону. Ведь правда, боярин, что ты не знал всего этого?

Тугар Волк с изумлением, почти со страхом, глядел на старого Захара.

— А откуда ты это знаешь, старик? — спросил он.

— Я и это скажу тебе, чтобы ты знал, какова сила общин и вольного их союза. Со всеми подгорскими общинами мы держим связь; они обя-

заны нам, а мы им приносить возможно скорее все вести, важные для общинной жизни. Под горские же общины связаны с дальними покутскими и подольскими и так обо всем, что делается на нашей Червонной Руси, молниями летя вести от одной общины к другой.

— Что проку вам от вестей, когда помочь себе все равно ничем не можете! — презрительно буркнул боярин.

— Правду сказал ты, боярин, — грустно ответил Захар. — Подольские и покутские общины не могут помочь себе, они обессилены и ограблены князьями и боярами, не разрешающими им носить оружие и заниматься его изготовлением. Вот видишь, боярин, что значит сосредоточивать силы народа в одних руках! Чтобы сосредоточить в одних руках силы народа, надо ослабить эти силы. Чтобы одному человеку отдать великую власть над народом, надо у каждой общины отобрать ее свободу, надо разбить общинные связи, обезоружить руки народа. И тогда любым монголам открыта дорога в нашу страну. Взгляни теперь на Русь нашу. Твой господин, твой могучий князь Данило пропал без вести. Вместо того чтобы пойти навстречу своему народу, отдать ему волю и создать из него живую необоримую заставу для монголов, он, пока враги разрушают его край, бежал к угорскому королю, моля того о помощи. Но угры не торопятся помогать нам, хотя им самим грозит та же лавина. Теперь твой Данило совсем куда-то исчез и, кто знает, быть может, скоро мы увидим его в лагере монгольского хана, как верного ерданника, стремящегося ценою неволи и унижения перед сильнейшим купить себе власть над слабейшими.

Боярин слушал этот рассказ, а в голове его

уже складывались планы: что делать? как использовать такое время?

— Ты говоришь. монголы грозят нападением и этим горам?

Захар многозначительно улыбнулся на этот вопрос.

— Грозят, боярин.

— И что же вы думаете делать? Сдаваться или обороняться?

— Сдаваться монголам нельзя, — всех, кто им сдается, они гонят на службу, в первые ряды, в жесточайшие бои.

— Значит, вы намерены обороняться?

— Все, что в наших силах, попробуем сделать.

— Коли так, возьмите меня к себе воеводой.

Я поведу вас в бой против монголов.

— Постой, боярин, мы не дошли еще до выбора воеводы. Ты еще не оправдался в своих преступлениях против общины. Твою искреннюю волю послужить общине мы примем, но отцы наши говорили, что к чистому делу приступать надо с чистыми руками. А чисты ли твои руки, боярин, для этого дела?

Тугар Волк был несколько смущен таким неожиданным оборотом беседы, но затем сказал:

— Старик! Община! Забудем прошлые ссоры. Враг приближается, объединим свои силы против него. Ища причины ссор наших, вы можете только повредить делу, а пользы вам от того не будет.

— Нет, боярин, не говори так. Не причины наших ссор мы ищем, а правды. Неправдою пришел ты к нам, боярин, не по правде поступал с нами, как же мы можем доверить тебе начальство над собою в войне с монголами?

— Старик, ты я вижу решил вывести меня из терпения.

— Боярин, запомни, что здесь общинный суд, а не забава! Скажи мне, поселясь на тухольской земле, собирался ты стать членом общины?

— Я прислан сюда князем, как воевода.

— Мы сказали тебе, что не признаем власти твоей над нами, а особенно твоего права на эту землю. Не трогай, боярин, наших земель, людей, и тогда мы, быть может, примем тебя свою общину как равного среди равных.

— Вот как! — воскликнул гневно Тугар Волк. — Такова-то ваша справедливость! Выходит, мне надо пренебречь милостью князя и просить милости у смердов?

— Что ж, боярин, иначе ты не можешь быть членом нашей общины, а такого человека община терпеть у себя не захочет.

— Не захочет терпеть? — насмешливо крикнул Тугар Волк.

— Отцы наши говорили нам: вредного и лишнего члена общины, разбойника, конокрада либо постороннего, который против воли общины захватывает ее земли, — надлежит прогнать с семьей из пределов общины, а дом его разбить и сравнять с землею.

— Ха-ха-ха! — расхохотался принужденным смехом боярин. — Так вы посмели бы меня, княжего боярина, одаренного княжеской милостью за мои заслуги, равнять с разбойником и конокрадом?

— Что ж, боярин, а скажи сам по совести: разве ты поступаешь с нами лучше любого разбойника? Ведь ты землю нашу забираешь, единственное и величайшее наше богатство. Людей наших гонишь и убиваешь, скотину нашу стелешь! Так ли делают честные люди?

— Старик, оставь такие речи, я не могу слушать, они пятнают мою честь.

— Постой, боярин, я еще не кончил, — сказал спокойно Захар Беркут. — Вот ты вспомнил о чести и все повторяешь о своих заслугах. Будь добр, скажи нам, каковы эти твои заслуги, чтобы и мы могли их уважать.

— В двадцати битвах проливал я свою кровь!

— Кровь свою пролить, боярин, еще не заслуга. И разбойник проливает свою кровь, да его за это вешают. Скажи нам, против кого и за что ты воевал?

— Против князя киевского, против князей волынских, и польских, и мазовецких...

— Довольно, боярин! Те войны — позор, а не заслуга, и для тебя и для князей. Это и впрямь были разбойные войны.

— Я воевал и против монголов на Калке.

— И как же ты воевал против них?

— Как это, как? Так, как должен был воевать: не сходя с места, пока раненый в плен не попался.

— Вот это ты хорошо сказал, только не знаем, правда ли это.

— Ну, а не знаете, так не мешайтесь в то, чего не знаете.

— Постой, боярин, не насмехайся над нашим неведением. Постараемся узнать. — И с этими словами Захар встал и, обратясь к собранию, сказал:

— Честная община, вы слышали признание боярина Тугара Волка?

— Слышали.

— Может ли кто-нибудь свидетельствовать за него или против него?

— Я могу! — раздался голос.

Как стрелой пораженный, встрепенулся боярин, услышав этот голос, и впервые зорко и с какой-то тревогой посмотрел на общину.

— Выйди пред общиной и говори, — сказал Захар.

Вперед вышел не старый еще человек, калека без руки и без ноги. Лицо его было изрыто глубокими шрамами. Это был Митько Воин, как звали его община. Несколько лет назад пришел он в общину на деревяжке, передавая страшные вести о монголах, о битве на Калке, о разгроме и смерти русских князей, попавших в плен и удушенных под досками, на которых сидели во время обеда монгольские полководцы. Он, Митько, также участвовал в этой битве в дружину одного боярина, вместе с ним попал в плен и потом, каким-то чудом, ушел. Долго бродил он по селам и городам святой Руси, пока в конце концов не забрел в Тухлю. Здесь ему понравилось, а так как своею одной рукой он умел плести искусные корзины и знал множество песен и рассказов о дальних краях, то община приняла его в свою семью, кормила и одевала, любя и уважая его за раны, полученные на войне с монголами, и за его честный веселый характер. Вот этот-то Митько и вышел теперь свидетельствовать против боярина.

— Скажи нам, Митько Воин, — стал спрашивать его Захар, — ты знаешь этого боярина против которого хочешь свидетельствовать?

— Знаю, — ответил твердым голосом Митько. — В его дружине я служил и был в битве на Калке.

— Какое же свидетельство хочешь ты привести против него?

— Молчи, подлый раб! — крикнул побледневший боярин. — Молчи, не то тут будет и конец твоей бесталанной жизни!

— Боярин, я теперь не раб твой, но вольный член общины. и только община может приказат

мне замолчать. Я доныне молчал, а теперь мне велят говорить. Честная община! Свидетельство мое против боярина Тугара Волка велико и страшно: он пре...

— Молчал доныне, молчи и впредь! — заорал боярин. Блеснул топор, и Митько Воин, с разрубленной головой, окровавленный, упал на землю. Охнул сход и вскочил на ноги. Страшные крики раздались вокруг.

— Смерть ему! Смерть! Он опозорил святость суда! На совете убил нашего человека!

— Смерды поганые! — крикнул им боярин, — не боюсь вас! Так будет с каждым, кто отважится тронуть меня рукою или словом. Гей, мои верные слуги, сюда, ко мне!

Лучники и топорники, побледневшие и дрожащие, все же обступили боярина. Грозный багровый от ярости стоял он среди них с кровавым топором в руке. По знаку Захара собрание стихло.

— Боярин, — сказал Захар, — ты смертельно провинился против бога и общины. Ты на суде убил свидетеля, члена нашей общины. Что хотел он сказать, мы не узнали и не хотим знать, пусть твоя совесть судит тебя. Но своим убийством ты признался в вине и совершил новое преступление. Община не может терпеть тебя на своей земле. Удались от нас! Через три дня придут к тебе наши люди, чтобы развалить твой дом и загладить даже след твоего пребывания у нас.

— Пусть приходят, — в ярости крикнул боярин. — Посмотрим, кто чей след загладит. Я плюю на ваш суд! Рад видеть того, кто подступится к моему дому! Эй, слуги, прочь с этого поганого сборища!

Боярин удалился со своими слугами. Долго

длилось молчание в совете. Молодцы вынесли окровавленное тело Митька́ Воина.

— Честная́ община, — сказал Захар, — велите ли поступить с боярином Тугаром Волком так, как отцы наши велели поступать с такими людьми?

— Да, да! — загудела община.

— Кого же выберем для исполнения общинной воли?

Выбрано было десять молодых, среди них был и Максим Беркут. Трудно было Максиму принимать этот выбор. Сколь ни противен был ему боярин, а всё же он был отцом той, которая, словно чарами, покорила сердце его и мысли, за которую он отдал бы жизнь. А теперь, в горе, и она будет осуждена за отцовскую вину. И, однако, Максим не уклонился от выбора. Как ни тяжело было ему исполнить общинный приговор, в глубине своего сердца он радовался, ведь при этом он увидит ее! Может быть, ему удастся как-либо утешить ее, уменьшить хоть чем-нибудь тяжесть общинного приговора!..

А тем временем общинный совет продолжался.

Вызвали гонцов из других общин, чтобы с ними посоветоваться о том, как защищаться от нападения монголов.

— Разбиты мы, — говорил посланец подгорских общин. — Села наши выжжены, скот разграблен, молодежь погибла. Широкой рекой разлились пожары и разрушения по всему Подгорью. Князь не оказал нам никакой защиты, бояре, притеснявшие нас в мирное время, предали нас в минуту опасности.

Послы из Корчина и Тустаня говорили:

— Нам грозит опасность. Ниже Синевид на равнине белеют уже шатры монголов. Идти сила неисчислимая, мы и думать не можем

борьбе и сопротивлению, но, захватив всё, что можно, бежим в леса и горы. Бояре наши стали было строить засеки на дороге, но на бояр надежды мало. Слух идет, что хотят они запродавать наши дороги монголам.

Посланцы из других горных общин говорили:

— Урожай у нас плохи, а теперь из долин набежало к нам множество народа. До нови не родержимся. Спасите нас и гостей наших, помогите пережить черную годину!

Посланцы из угро-украинских общин говорили:

— Слышали мы, что монгольская лавина катится в Угорщину. Богом и богами отцов наших заклинаем вас, соседи и братья, остановите эту страшную тучу, не допустите ее пролиться на нашу землю! Ваши села — твердыни; каждая скала, каждая чаща ваша равна тысяче воинов. А стоит врагам перевалить через горы, и уже никакая сила не удержит их — и все мы погибнем. Мы готовы оказать вам любую помощь: и хлебом, и людьми, только не опускайте рук, не теряйте надежды, принимайте бой с погаными. Тогда Захар Беркут сказал:

— Честная община, и вы, честные послы соседские! Все мы тут слышали, какая страшная туча надвигается на край наш. Сила монголов велика, а несчастные порядки в долинах позволили им достичь сердца нашего края, порога нашего дома. Князья и бояре либо потеряли голову, либо продают родину на наших глазах. Что нам делать? Как защищаться? Мне думается, что нам нельзя покидать границы Тухольщины. Дорогу нашу с вашей помощью, честные горные общины, мы охранить сумеем. Но других путей мы охранить не в силах. Это уж будет ваше дело, честные тустанцы, а когда нам удаст-

ся задуманное, мы вам придём с радостью помочь.

Тустанские посланцы сказали на то:

— Знаем мы, батько Захар, что вам ни нельзя идти нам на помощь и что в это трудное время надо, чтобы каждый прежде встал за себя. Но наши общины не так сильны, как ваша, бояре забрали нас в руки и держат стражу у засек и в проходах. И если захотят они выдать их монголам, то чем мы помешаем? На одно только надеемся, и это может еще спасти нас: что монголы не пойдут вашей дороге и вы, поставив стражу на своем пути, сумеете подоспеть нам на помощь.

— Эх, люди, люди, — грустно, но с укором сказал Захар, — и сила кажется у вас в руках, разум в головах, как у зрелых мужей, а у ваших ребячьих! Полагаетесь вы на «авось» да «кто знает». Будьте, конечно, уверены, что скоро нам не будет грозить опасность, тогда всей общиной придём вам на помощь. Но прежде всего вам надлежало бы обезопасить себя ваших местных врагов — от бояр. Пока в их руках засеки и проходы, вы и вздохнуть свободно не можете. Каждую минуту этот прехитрый род может продать вас. Пора вам не дремать, а ударить в набат и сбросить с себя те путы, какими опутали вас боярская ненасытность и жесткий произвол. Доколе этого не будет, даже и мы не сможем вам помочь.

Грустно опустили головы тустанские посланцы.

— Эх, батько Захар, — сказали они, — знаешь ты наших людей, а говоришь, как будто и без них не знаешь. Сломлена их прежняя отвага, растоптана их воля. За твой совет спасибо мы передадим его нашим общинам, но по-

дуют ли они ему?.. Вот если бы ты был меж нами и сказал бы им свое слово!..

— Ужели, честные соседи, мое слово у ваших людей может больше значить, чем их собственная нужда, чем их собственный разум? Нет! Если это так, то мое слово уж бессильно помочь вам, и пропали тогда общины наши, пропала наша Русь!

Солнце ушло далеко за полдень, когда тульская община по окончании совета возвращалась в село. Без радостных песен и криков, печально, медленно шли старики и молодые, исполненные тяжелых дум. Что-то принесет им будущее?

Посланцы соседних общин, ободренные, поехали. Только мирское знамено, знак силы и общинного согласия, развевалось высоко и весело в воздухе, да весеннее небо светлело неистейшей голубизной, словно не замечая земной тоски и тревоги.

IV

Широкой рекой текли по Руси пожары и разрушения. Страшная монгольская орда из далеких знатских степей налетела на нашу страну, чтобы на долгие века под самый корень подсесть ее силу, разбить жизнь ее народа. Крупнейшие города: Киев, Канев, Переяслав пали и были разрушены до основания; следом за ними та же участь постигла и тысячи сел и меньших городков. Страшный начальник монгольский Бату-хан, прозванный Батыем, шел во главе сотысячной орды, гоня перед собою еще вчетверо больше пленников, которые должны были биться за него в первых рядах; шел вдоль русской земли, распуская широко свои отряды и бредя по коле-

на в крови. О сопротивлении в открытом бою, чего было и думать, тем более, что Русь была раздвинута и раздираема внутренними междоусобиями. Кое-где оказывали сопротивление, рожане за своими стенами. Монголы, не привыкшие вести правильную осаду, теряли много времени, разбивая топорами ворота и стены. Но ступени твердыни падали, чаще вследствие измены и подкупа, чем превосходства вражеской силы. Целью похода странной орды была Угорщина — богатый край, заселенный племенем, родственным монголам. Чингиз-хан пытался подчинить себе Угорщину, но это ему не удалось, и новый нависящий ужас поход монгольской орды был мстительно непокорным уграм со стороны наследников Чингиз-хана. С трех сторон одновременно, по плану великого Батая, должна была напасть орда на Угорщину: с востока на землю семаградскую, с запада из моравской земли, и с севера через Карпаты. С этой целью орда разделилась на три части. Одна под начальством Кайдана пошла бессарабскими степями на Волощину, другая, во главе с Петой, отделилась от главной орды в земле вольнской и поперек Червоной Руси, через Плинеско, направилась к вешховьям Днестра, перешла его вброд и далее разделилась по Подгорью, ища проходов через Карпаты. Взятые в плен местные крестьяне, а также некоторые изменники-бояре проводили монголов вверх по реке Стрию на тухольскую дорогу, шатры их, как говорили посланцы из Корча, уже белели на равнине ниже Синевидска.

Вечерело. Густые сумерки легли на Подгорье. Лесистые тухольские горы задымились, как и неисчислимые вулканы перед извержением. Стрий шумел на каменных порогах и пенился в затоках. Небо покрывалось звездами. На земле, на шир

кой стрыйской равнине, также поблескивали какие-то огоньки, сперва редкие и робкие, затем все чаще и ярче, — пока вся равнина, насколько хватал взгляд, не покрылась ими, не разгорелась кровавыми отблесками. Как море, колеблемое легким ветерком, мерцали эти отблески над долиной, то вспыхивая, то словно расплываясь в темнеющем просторе. Это пылали ночные огни в лагере монголов.

А вокруг, вдали, там, где кончалось это мерцающее море, пылали другие огни, страшные, широкие, поднимающиеся огненным заревом: это горели окрестные села и слободы, окружающие широкой огненной полосой монгольский лагерь. Там бушевали отряды монголов, грабя и истязая людей, забирая в полон и уничтожая все, чего нельзя было захватить с собою.

Уже в сумерках, по узкой тропе меж вершин синевидских гор ехало двое людей на мелкорослых, но крепких горных лошадях. Один из всадников, пожилой мужчина, был в рыцарских доспехах, со шлемом на голове и с копьём у седла. Его длинные и густые седеющие волосы спадали из-под шлема на плечи. Даже сумерки, облаком окутавшие долины и огромными клубами катящиеся из яров и дебрей все выше, к вершинам гор, не могли скрыть застывшего на его лице выражения недовольства, гнева и какого-то слепого упрямства; он то усмехался едкой неприятной улыбкой, то снова становился темнее тучи, — его члены подергивались неожиданными, судорожными движениями, путая и смущая доброго коня.

Другой всадник — молодая, красивая девушка, была одета в полотняное, шелковыми нитками протканное платье. Небольшой бобровый колпак не вмещал богатства ее буйных золотисто-жел-

тых волос. За плечами у нее висели лук из турьего рога и колчан со стрелами. Ее черные пыльные очи ласточками порхали вокруг, любуясь ровными волнистыми контурами гор и темнозелеными, сочными красками лесов и луговин.

— Что за прелесть этот край, отец! — воскликнула она звонким серебряным голосом, когда они на мгновение задержались на крутом пригорке, через который с трудом пробирались; стараясь доехать до цели прежде, чем совсем стемнеет.

— Что за чудесный край! — повторила она уже тише, оглядываясь назад и утопая взорами в темных глубинах оврагов.

— И что за поганый народ живет в этом краю! — гневно отрезал всадник.

— Нет, отец, не говори так, — сказала она смело, но тотчас же смешалась и, значительно понизив голос, прибавила через мгновение: — Я, конечно, многого не знаю, но народ здешний мне понравился...

— О, я знаю, что он тебе понравится! — воскликнул с укором всадник. — А вернее понравится тебе один из этих людей, этот проклятый Беркут! Я знаю, что ты готова отца своего бросить ради него, что ты из-за него перестала уже любить меня! Что делать, такова девичья натура! А только я скажу тебе: не верь этому внешнему блеску! Не верь змее, хоть она и коралловыми красками отликает!

— Отец, что у тебя за мысли? Какими словами ты жоришь меня! Я призналась тебе, что люблю Максима, поклялась перед солнцем, что буду ему принадлежать. Но я еще не его, я еще твоя. А если и буду его женой, так не перестану любить тебя, отец, никогда, никогда!

— Э, глупая девушка, не бывать тебе его же

ной, даже и думать об этом нечего! Разве ты забыла, что ты боярская дочь, а он смерд, овекий пастух?

— Нет, отец! Он такой же рыцарь, как все другие, нет, он лучше, смелее и честнее всех боярских детей, каких я до сих пор видела. Да и тщетно, отец, меня отговаривать, — я поклялась!

— Что значит клятва глухой, ослепленной девушки?

— Нет, отец, я не глупа и не ослеплена! Не в порыве дикой страсти, не без колебаний и размышлений сделала я свой выбор. Такова высшая воля!

Последние слова она произнесла каким-то приглушенным, таинственным голосом.

Боярин с любопытством обернулся.

— Это еще что такое? Какая высшая воля толкала тебя на это безумство?

— Слушай, отец, — проговорила девушка, придерживая лошадь. — В ночь перед тем днем, когда мы отправились охотиться на медведей, видела я во сне мою мать. Была она такая, как ты мне ее описывал: в белой одежде, с распущенными волосами, но с лицом румяным и светлым, как солнце, с радостью на устах и с улыбкой безмерной любви в ясных глазах. Она подошла ко мне, простирая руки, и, обнимая меня, крепко прижала к груди.

— Мама! — сказала я, и больше не могла ничего сказать от радости и наслаждения, наполнивших все мое существо.

— Мирослава, дитя мое единственное, — говорила она ласковым мягким голосом, который и донныне дрожит у меня в сердце, — слушай, что я тебе скажу. Великое мгновение приближается к тебе! Сердце твое пробудится и загово-

рит. Слушайся сердца своего, доченька, и следи его голосу!

— Да, мама! — сказала я, трепеща от какой-то несказанной радости.

— Благословляю же твое сердце. — И, сказав это, она развеялась, как пахучий ветерок, а я проснулась. И сердце мое в самом деле заговорило, отец, и я последовала его голосу. На мне благословение матери!

— Глупая девочка, ведь то был сон! О чем днем думала, то ночью и приснилось! А впрочем, — прибавил боярин помолчав, — а впрочем ты больше не увидишь его никогда!

— Не увижу? — вскрикнула Мирослава. — Почему не увижу? Разве он умер?

— Проживи он еще хоть сто лет, ты все равно не увидишь его... Мы не вернемся больше к эту проклятую сторону.

— Не вернемся? Но почему?

— Потому, — сказал боярин через силу, стараясь быть спокойным, — что эти твои добрые люди, а прежде всего старый чорт, отец твоего возлюбленного Максима, постановили на своем совете выгнать нас из села, развалить наши дома и сравнять его с землею! Но погодите, вы, ханово племя, узнаете, с кем вы имеете дело! Тугар Волк не тухольский волк, он и тухольским медведям сумеет показать зубы!

Больно кольнуло в сердце Мирославы, когда услышала она эти слова.

— Выгнали нас, отец? За что же нас выгнали? Верно, за того лесника, которого ты приказал так немилосердно бить, хотя я со слезами умоляла тебя отпустить его?

— Как ты все помнишь? — злобно подхвати Тугар, хотя его глубоко задела жалоба дочери. — О, я знаю, будь ты на этом совете, ты бы

тоже пошла с ними против отца. Что ж делать, отец твой стар, согбен, не умеет ни сверкать глазами, ни вздыхать! Тебе не такой товарищ нужен! Тебе нет дела до того, что отец поседел в стараниях устроить твою судьбу, а тот, новый, молодой друг твой, может быть, теперь со своими тухольцами промчит наш дом, последнее и единственное наше пристанище на свете!

Мирослава не стерпела этих едких укоров, и горячие слезы брызнули у нее из глаз.

— Нет, это ты, ты больше не любишь меня, — промолвила она, заливаясь слезами, — и я даже не знаю, почему это произошло. Я ведь ни в чем не виновата перед тобою! Сам учил и приказывал мне жить по правде и говорить правду. Неужели же правда вдруг опротивела тебе?

Боярин молчал, опустив голову. Они приближались уже к вершине горы и ехали по узенькой тропинке между высокими буками, совершенно заслонявшими от них небо. Лошади, не сдерживаемые поводьями, сами находили себе дорогу в сумерках и, пофыркивая, шли медленно по отлогому каменистому скату.

— Куда же мы едем, если нас выгнали из Тухольщины? — спросила вдруг Мирослава, отирая рукавом слезы и подняв голову.

— Куда глаза глядят, — ответил отец.

— Ты же сказал, что мы едем в гости к боярину?

— Правда опротивела мне: я сказал неправду.

— Так куда же мы едем?

— Куда хочешь. Мне все равно. Может поехать в Галич к князю, которому я надоел и который рад был от меня избавиться? О, он хитрец, этот князь! Забрать всю силу человека, высосать его, как спелую вишню, а косточку вы-

бросить, — вот его дело. И как он был рад, да я попросил у него грамоту на землю в хольщине. Иди, — сказал он мне, — лишь с глаз долой! Иди и грызись с этими смердами за убогую межу, только назад не возвращайся. Ну, что же, может поехать к нему жаловаться на тухольцев, просить против них княжеской подмоги?

— Нет, отец! — сказала Мирослава. — Княжеская подмога зла не исправит, а только его угубит.

— Вот видишь, — сказал боярин, не обратив внимания на последние слова дочери. — Ну, так может быть, нам вернуться в Тухлю, к этим проклятым холопам, к этому чорту Беркуту, просить у них милости, подчиниться их приговору, отречься от своего боярства и умолять, чтобы они приняли нас в свою общину, как равные равных, и жить с ними, так же как они, вместе с овцами, между овсом и навозом?

Фигура Мирославы непроизвольно выпрямилась, и лицо ее просветлело при этих словах.

— А как ты думаешь, отец, они приняли нас? — спросила она живо.

— Кто знает! — сказал едко боярин. — Ежели будет на то милость их хамских величеств и сверхвеличества Захара Беркута!

— Отец, а почему бы нам не попробовали Тухольцы народ справедливый, и если они не осудили, значит, имели на то право. А может быть, и ты, отец, каким-нибудь резким поступком вызвал их на это? А вот, если по-человечески, ласково с ними... Ах, боже мой, что это? воскликнула вдруг Мирослава, прерывая свое рассуждение. Они въехали на самую вершину горы, и перед ними, словно по волшебству, раскинулась широкая долина Стрыя, залитая солнцем.

пожаров и костров. Небо пламенело кровавым отблеском. Словно из преисподней, доносились из долины странные голоса, ржанье коней, звон оружия, переключка часовых, гомон сидящих вокруг костров черных, косматых людей, а где-то вдали слышались раздирающие сердце вопли истязуемых стариков, женщин и детей, связанных мужчин, мычание скотины и треск горящих домов, которые, валясь наземь, поднимали в небо гигантские фонтаны искр, подобные фоям золотистых мошек. В кровавом отблеске огней виднелись над рекою бесконечно длинные ряды четырехугольных шатров, разделенных широкими проходами. Люди, как муравьи, сновали меж шатрами и толпились вокруг костров. Мирослава, при виде всего этого, остановила лошадь не в силах отвести глаз от представившейся ей картины. Даже старый, мрачный боярин — и тот не мог сдвинуться с места, утопая взглядом в этом пугающем кровавом море, ловя носом запах горького дыма и крови, прислушиваясь к смешанному гаму, к стонам, воплям и радостным крикам победы. Даже лошади под нашими всадниками — и те задрожали, запрядали ушами и зафыржали, точно боясь продолжать путь.

— Отец, ради бога, что это? — крикнула Мирослава.

— Наши союзники, — сказал мрачно Тугар Волк.

— Ах, это, должно быть, монголы, о приходе которых говорят в народе с такой тревогой?

— Да, это они!

— Разорители русской земли!

— Наши союзники против этих проклятых смердов и их общин.

— Отец, это наша погибель! Кто же будет кормить бояр, когда не станет холопов?

— Не бойся, не родилась еще буря, способная до корня уничтожить это подлое семя!

— Но, отец, монголы не шадят ни дома, ни двора, ни княжеской палаты! Сам же ты рассказывал, как они передушили князей под досками.

— Ну, и пусть их душат, этих хитрых воров! Но боярина-то они еще ни одного не задушили. Еще раз говорю тебе, это наши союзники!

— Отец, неужели ты вступишь в союз с этими дикарями, обогранными кровью нашего народа?

— Что мне за дело, кто они и какие? Кроме них, нет у нас выхода. Пусть это будут хоть сами злые духи, лишь бы они помогли мне!

Мирослава, бледная, тревожными глазами смотрела на отца. Кровавый отблеск огней, освещавший всю округу, делал его лицо страшным. Блик мерцал на его шлеме, окаймлял лицо кровавым венцом. Всадники сошли с лошадей и стоя на остром гребне горы, смотрели друг на друга.

— Как ты страшен, отец, — прошептала Мирослава. — Я не узнаю тебя!

— Говори смело, говори, доченька! — сказал с издевкой отец. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать: я не могу дальше идти с тобою, я покину тебя, изменника родины, и вернусь к своему милому, к своему верному Беркуту! Скажи, скажи это открыто и оставь меня. Я пойду, куда ведет меня судьба, и до конца своей жизни буду заботиться о твоём благе.

Голос боярина едкий вначале, стал подконец тонким, дрожащим, берущим за душу. Мирослава разразилась громким плачем и бросилась отцу на шею, горько рыдая.

— Ах, отец, — всхлипывала она, — ты разры-

ваешь мое сердце! Чем я так тяжело провинилась перед тобою? Я же знаю, что ты любишь меня! Я... я не покину тебя никогда! Я буду твоей служанкой, твоей невольницей до последнего вздоха, только не ходи туда, не предавай своего честного имени на верный позор!

Рыдая, она упала к ногам отца и обнимала руками его коени, обливала слезами его руки. Не выдержал Тугар Волк, капнули слезы из его старых очей. Он поднял Мирославу и крепко прижал ее к своей груди.

— Доченька, — сказал он ласково, — не сердись на меня! Горе наполнило горечью мое сердце, гневом опалило мои мысли. Но я знаю, что твое сердце — чистое золото, что ты не оставишь меня в дни борьбы и тревог. Мы с тобою теперь одни на свете, некуда нам приклониться, никто не поможет нам, кроме нас самих. Выбора нет. Возьмем же помощь, там где найдем ее.

— Отец, отец, — говорила в слезах Мирослава. — Гнев на тухольцев ослепил тебя и толкает к гибели. Пусть так, пусть мы несчастны, но для чего нам быть изменниками своей отчизны! Нет, лучше погибнуть с голоду под плетнем!

— Молода ты еще, дочка, горяча, пылка, не знаешь ты голода и нужды. Я познал и голод и нужду и хочу уберечь тебя от них. Не перечь же мне! Идем, вперед к нашей цели! Что будет, то будет, судьбы своей не объедешь!

Он вскочил на коня и тронул его шпорами. Напрасно Мирослава пыталась удержать отца, он погнал коня вниз по косогору. Рыдая, помчалась за ним и она. В своей детской наивности, она все еще верила, что сможет уберечь отца от гибели, от вечного позора, от измены своему краю. Она, бедняжка, и не знала как безвозвратно увяз ее отец в этом отвратительном болоте,

как глубоко упал он в бездну, где для него у не было иного выхода, кроме падения все гл же и глубже, до самого дна.

Чем ниже спускались они в долину, тем бо ше сгущалась вокруг тьма, в которой нич уже не было видно, кроме мерцания костров полыхания дальних пожаров. Зато гомон и к огромной толпы становился все громче, все лунительней. Дым разъедал глаза, захваты дыхание. Боярин направился к передовому стру, пылавшему среди поля. Это была монго ская стража.

Приближаясь, они увидели пятерых людей в вывороченных шкурах и в таких же мохнат остроконечных шапках, с луками за спиной и ть порами в руках.

Мирослава догнала отца и схватила его за р- кав.

— Отец, богом святым молю тебя, вернея отсюда!

— Куда?

— В Тухлю!

— Нет! Мы вернемся туда, но не с униже ной просьбой. Мы придем гостями, и я по смотрю, посмеют ли тогда твои Беркуты выгнать нас!

В эту минуту монголы заметили чужих и с диким криком хватаясь за луки, окружили вса- ников.

— Кто едет? — закричали они на разные г лоса по-своему и по-нашему.

— Поклонник великого Чингиз-хана! — сказ по-монгольски Тугар Волк. Монголы замер тараща на него глаза.

— Откуда ты, кто такой, с чем идешь? — спросил один из них, очевидно начальник стр жи.

— Не твое дело, — ответил резко по-монгольски боярин. — Кто ведет вашу силу?

— Внуки великого Чингиз-хана: Пета-бегадыр Бурунда-бегадыр.

— Иди же и скажи им, что Калка река по болоту течет и в Дон впадает. А мы у костра подождем твоего возвращения.

С рабским подобострастием расступились монголы перед незнакомым приезжим, который говорил на их языке, да еще так уверенно, как говорили с ними только ханы и бегадыры. В один миг начальник стражи передал начальство другому, а сам, вскочив на коня, помчался владарь, отстоявший всего на четверть мили от сторожевого костра.

Тугар Волк и Мирослава сошли с лошадей, которых монгольские часовые тотчас же взяли, почистили, напоили и пустили на крестьянскую, засеянную хлебом пшыву. Приезжие подошли к костру, грея руки, озябшие от ночного весеннего холодка. Мирослава дрожала, как в лихорадке, она была бледна и не смела поднять глаз на отца. Только теперь, услышав из его уст монгольскую речь и увидев, с каким почтением монголы исполняли его волю, она догадалась, что отец ее не в первый раз знает с этими разорителями родной земли и что недаром при дворе князя Данила ходил слух о том, что Тугар Волк в битве на Калке предал Русь монголам, выдав им весь план битвы, составленный русскими князьями. Правда, доказательства этому не было, не то боярину пришлось бы сложить голову на плахе: боярин стоял в битве в первом ряду и при первом столкновении был взят в плен. Но странным показалось кое-кому это быстрое освобождение без выкупа, хотя боярин и божился, что монголы выпустили его

в знак уважения к его храбрости. Дело было темное, верно было лишь то, что на княжеском дворе все стали сторониться Тугара, и сам князь перестал доверять ему, как прежде. Боярин заметил эту перемену и попросил у князя дозволения выехать на землю в Тухольщине. Не допытываясь, почему это вдруг боярин задумал покинуть Галич и для чего ему понадобилось заплывать себя в лесистую пустыню, да еще с молодой дочерью, князь Данило дал ему просимую грамоту. Очевидно, он рад был избавиться от Тугара. Да и остальные бояре, товарищи Тугара по оружию, простились с ним очень холодно. Все это вспомнила теперь Мирослава, и все, что прежде удивляло и сердило ее, стало ей теперь ясным и понятным. Так, значит, сплетенные слухи были правдою! Значит, отец ее давно, целых десять лет, был в стоворе с монголами — был изменником! Пришибленная этой мыслью уронила Мирослава на грудь свою красивую голову. Сердце ее болело: она чувствовала, как нем одна за другой обрывались самые священные нити — нити дочерней любви и уважения. Как одиночкой, какой сиротой почувствовала она теперь себя рядом с отцом! Как несчастна была она, получив то счастье, ради которого, как говорил ей недавно отец, он трудился!

Но и боярин сидел невеселый: его решительное сердце тоже теснили какие-то тяжкие думы. Неведомо; о чем он думал, но глаза его, не мигая, глядели на пламя костра, следя внимательно за тем, как догорали багряные поленья, и трещали они в огне. Было ли это спокойное размышление человека, достигшего своей цели, да, быть может, какое-то тревожное предчувствие, холодная рукою схватило его за сердце и нажило на уста печать молчания? Так или ина-

но он тоже избегал взгляда Мирославы, и все смотрел в костер на мигающие искры и тлеющие поленья.

— Дочка! — сказал он, наконец, тихо, не поднимая глаз.

— Зачем ты вчера не убил меня, отец? — прошептала Мирослава, едва сдерживая слезы. Голос ее, как ни был он тих, обдал боярина ледяным холодом. Он не нашел ответа на ее вопрос и продолжал молча всматриваться в огонь, пока не вернулся из лагеря начальник стражи.

— Внуки великого Чингиз-хана шлют свой привет новому другу и просят его в свой шатер на военный совет.

— Пойдем! — коротко сказал боярин, поднимаясь.

Мирослава также встала, ноги не слушались ее, но возвращаться было уже поздно. Монголы вмиг привели их коней, посадили Мирославу и, окружив ее и боярина, повели обоих в лагерь.

Монгольское становище было расположено гигантским четырехугольником и обнесено рвом. В каждой стороне четырехугольника было по двенадцати проходов, охраняемых стражей. Никакой неприятель не грозил лагерю, но тем не менее лагерь строго оберегался, таково уж было военное правило монголов, в противоположность обычаю христианского рыцарства, которое не могло сравниться с монголами ни в военной доблести, ни в искусстве тактики и руководства большими массами людей.

Стража при входе в лагерь дикими голосами перекликалась со стражей, ведущей боярина и его дочь, а потом перехватила их и повела к шатру своих начальников.

Как ни подавлена была Мирослава своей болью и стыдом, который выжиг горячий румянец на

ее девичьем лице, но все же она была слишком отважна, слишком свободно, по-рыцарски, воспитана, чтобы не заинтересоваться расположением лагеря и новым невиданным окружением. Быстрым взглядом окинула она провожающих ее воинов. Низкорослые, коренастые, одетые в овечьи шкуры, через которые был перевешан каждого лук и колчан со стрелами, они казались медведями, или какими-то другими зверями. Лица без растительности, с выдающимися скулами, с маленькими, глубоко запавшими глазами, едва блиставшими из-под узких, косо прорезанных век, с небольшими приплюснутыми носами, они внушали ей страх. А темный цвет кожи, который в отблесках костров приобретал зеленоватый оттенок, делал их еще страшнее и непонятнее. Шатры их, как Мирослава разглядела вблизи, сделаны были из войлока, распяленного на четырех жердях, связанных вместе, и накрыты были сверху для защиты от дождя большими кожаными шапками. Перед шатрами торчали насаженные на жерди человеческие головы, кровавые, с застывшим выражением боли и отчаяния на бледных, посиневших лицах, освещенных отблесками костров.

Холодным потом покрылся лоб Мирославы от этой картины; ее не пугало, что, быть может, скоро и ее голова также будет торчать где-нибудь перед шатром монгольского бегадыра. Нет, она предпочла бы тлеть в пожаре и красоваться, как кровавый трофей перед шатром победителя, чем своими глазами осматривать эти трофеи, чем идти через этот страшный лагерь на бесчестное изменническое дело!

«Нет, нет, — думалось ей, — не будет этого! Я не пойду дальше! Я не стану предательницей!

своего народа: я брошу отца, если не смогу отклонить его от этого проклятого намерения».

Они остановились перед шатром военачальника Петы, любимца Батыя. Шатер снаружи не отличался от остальных ничем, кроме воткнутого на верхушке его древка с тремя бунчуками, зато внутри был убран гораздо богаче, по-азиатски. Но ни боярин, ни Мирослава в шатер не вошли, застав монгольских начальников у костра, на котором невольники жарили двух баранов. Увидя гостей, начальники вскочили и схватились за оружие, впрочем не двигаясь с места навстречу идущим. Зная монгольский обычай, боярин кивнул дочери, чтобы она осталась позади, а сам, сняв с головы шлем, а с плеч лук, подошел к ним с поклоном и стал молча, с опущенными в землю очами, в трех шагах от главного начальника Петы.

— От какого царя приносишь нам вести? — спросил его Пета.

— Я не знаю никакого царя, кроме великого Чингиз-хана, господина всей вселенной! — сказал боярин. Это была обычная формула подданства. Тогда Пета важно, но с радостью протянул боярину руку.

— Во-время приходишь, — сказал Пета, — мы ждали своего союзника.

— Я знаю свои обязанности, — сказал Тугар Волк. — В одном только преступил я ваш обычай: я привел дочь свою в лагерь.

— Дочь? — произнес удивленный Пета. — Разве ты не знаешь, что обычай наш запрещает женщинам вступать в сборище воинов?

— Знаю. Но что мне было с ней делать? У меня нет ни дома, ни жены! Кроме меня и великого Чингиз-хана, нет у нее никакой защиты! Мой князь рад был моему отъезду, а поганые

смерды, рабы мой, взбунтовались против меня

— Но здесь она все же не может остаться

— Я прошу внуков великого Чингиз-хана разрешить ей пробить здесь сегодняшнюю ночь: завтрашний день, пока я не найду для нее безопасного пристанища.

— Для друзей наших мы гостеприимны, — сказал Пета и затем, обращаясь к Мирославе проговорил на ломаном украинском языке: — Приблизься, девушка!

Мирослава затрепетала, услышав эти обращенные к ней слова страшного монгольского начальника. Полными ненависти и презрения глазами глядела она, не двигаясь с места, на разорители Руси.

— Приблизься, Мирослава! — сказал отец. — Великий начальник монгольского войска милостив к нам.

— Я не хочу его милостей! — ответила Мирослава.

— Приблизься, приказываю тебе! — сказал грозно боярин.

Мирослава неохотно повиновалась.

Пета своими маленькими блестящими глазами посмотрел на нее.

— Хороший девушка! Жаль, что не осталась. Гляди, девушка, на свой отец. Будь верный великий Чингиз-хан, великая милость буди! На тебе, девушка, вот кольцо, с вашего князь Мстислав. Знак безопасность. Покажи монгольски воин — все пропустит, ничего злое не сделает. А теперь — в шатер!

С этими словами Пета снял со своего пальца и подал Мирославе большой золотой перстень снятый им в битве на Калке с князя Мстислава. В перстень был вделан крупный золотисто-зеленый берилл с вырезанными на нем фигурами. Ми

рослава колебалась, принять ли дар врага, быть может, даже плату за отцовскую измену.

— Возьми, дочка, этот подарок от великого внука Чингиз-хана, — сказал боярин, — это знак его великой милости, дающий тебе свободный проход по монгольскому лагерю. Ибо нам придется расстаться. Их военный обычай запрещает женщинам находиться в лагере. Но с этим перстнем ты можешь безопасно приходить и уходить, когда захочешь.

Мирослава все еще колебалась. Но внезапно новая мысль мелькнула у нее в голове. Она взяла перстень и, отворачиваясь, сказала прерывистым голосом: — Благодарю!

Потом Пета велел отвести ее в отдельный шатер, который наскоро был приготовлен для ее отца, а Тугар Волк остался с монгольскими бегадырами держать военный совет.

Первым заговорил Пета, главный начальник всего войска, человек лет сорока; низенький, вертлявый, с хитро подмигивающими маленькими, точно мышьиными, глазками.

— Садись, гость, — сказал он боярину. — Если скажем тебе, что ждали тебя, то пусть это будет высшая похвала твоей верности великому Чингиз-хану. Но все-таки ты запоздал, боярин. Войско наше ждет уже третий день, а великий Чингиз-хан, отправляя нас на запад, в землю родов своих Арпадов, приказал нам дольше трех дней без нужды нигде не задерживаться. Брат наш Кайдан бегадыр, что пошел через Волощину, будет прежде нас в доме Арпадов, займет их столицу, а какую же славу принесем мы из похода?

Я понял слова твои, великий бегадыр, и вот что отвечу на них: верный слуга великого Чингиз-хана не мог раньше прибыть в ваш ла-

герь, ибо только вчера доведатся о походе шем, а доведавшись, прибыл тотчас же. Одержке не печалься. Дороги наши хоть и не роки, да зато безопасны. Ворота в царство Адов будут для вас открыты.

— Какие дороги и в чьих руках? — спросил коротко Пета.

— Одна дорога дуклянская, вверх по Сану, а потом через невысокий горный перевал. Дорога широкая и удобная, не раз ходили по ней угорские и русские полки.

— Далеко отсюда?

— Отсюда до Перемышля два дня ходу, Перемышля до гор еще два дня.

— Кто сторожит?

— Сторожат ее нашего князя бояре, построили они на ней много застав. Но бояре охотно служат князю Даниле Романовичу, охотно и заставы сторожат. Малый посул сводит их на сторону великого Чингиз-хана...

— Почему же мы доныне никого из них не видим в нашем лагере? — спросил Пета.

— Прости им, великий бегадыр. Народ, с которого они живут и который должен послужить оружных людей для защиты застав, не признает их власть над собой. Дух бунта и покорства живет в народе. Сердце его тоскует по старым порядкам, когда не было ни князя, ни власти, когда каждая община жила для себя, а против сильного врага все объединялись доброй воле и выбирали и смещали своих князей. В горах этих живет один дед, прозванный беседником, он раздувает пламя непокорства к старым порядкам. Народ глядит на бояр как на пастуха на волка, и стоит ему только увидеть, что бояре открыто тянут в сторону великого Чингиз-хана, он побьет их камнями, но с...

движением вашей силы, когда бояре передадутся вам и отдадут вам заставы, народ сломится, как быльница на ветру.

Петя слушал внимательно речь боярина. Наменика и презрение мелькнули на его тонких губах.

— Дивные же у вас порядки! — сказал он. — Князь бунтует против своих слуг, слуги против князя, князь и слуги против народа, а народ против всякой власти! Дивные порядки! У нас когда мелкие властители хотели взбунтоваться против великого Чингиз-хана, он свез их всех в вой аул и, окружив аул своими верными сынами, велел поставить восемьдесят больших котлов, налить в них воду, а когда вода закипела, то, разбирая ничьей вины, велел в каждый котел росать по двое бунтовщиков и варить их до тех пор, пока тело вовсе не сошло с костей. Тогда повелел он вынуть из котлов костяки, посадить их на коней и показать подвластным племенам, чтобы те на примере своих властителей учились послушанию и покорности великому Чингиз-хану. Вот так бы и вас поучить. И мы поучим. Благодарите богов за то, что они послали нас в этот рай, ибо если бы не мы, то вы, как голодные олки, пожрали бы друг друга!

Кровь застыла в теле боярина при этом рассказе, но он ни слова не ответил монголу.

— Ну, а какова же другая дорога? — спросил Петя.

— Другая дорога тухольская, — ответил боярин, — она хотя и поуже и не так ровна, да зато ближе и столь же безопасна. На этой дороге нет ни застав, ни княжьих бояр. Сами холопы стерегут ее.

— Холопов мы не боимся! — сказал с презрением Петя.

— И нечего их бояться, — подхватил Брин, — они безоружны и военному искусству обучены. На этой дороге я сам могу быть лучшим проводником.

— Но, может быть, на арпадской стороне дороги сильно укреплены?

— Тухольская не укреплена вовсе. Дуклянская укреплена, но не сильно.

— А далеко по тухольской дороге до земл Арпадов?

— Для вооруженных мужей до Тухли далекий путь. В Тухле переночевать, а к вечеру следующего дня будете уже на равнине.

— А по дуклянской?

— Коли принять в расчет время на уничтожение застав, — три дня пути.

— Ну так веди нас по тухольской дороге! — сказал Пета.

— Позволь мне слово молвить, великий богатырь, — сказал один из начальников монгольского человека огромного роста и геркулесовского сложения, с лицом темно-оливкового цвета, одетый в шкуру степного тигра, что, все вместе, выразительно свидетельствовало об его туркменском происхождении. Это был страшный, безрассудно смелый и кровожадный завоеватель Бурундагадыр, соперник по славе с Кайданом. Монгольские отряды, которыми он командовал, оставили на своем пути самые страшные разрушения и наибольшее число трупов и самую широкую полосу пожаров. Он неизмеримо превышал Пету по отвагой; перед его шатром каждый вечер лежало в два раза больше свежих голов, чем перед шатром всякого другого воина. Но Пета не знал его смелости, зная очень хорошо превосходство над Бурундой в искусстве вождения вооруженных масс и руководстве больш

битвами и походами. Он охотно пускал Бурунду в самые опасные места, держал его в запасе до самой тяжелой, решающей минуты, как непреодолимый железный таран, — и тогда выпускал его с отрядом туркмен довершать победу.

— Говори, брат Бурунда! — сказал Пета.

— Позволь мне с десяти тысячным отрядом пойти по тухольской дороге, а ты сам иди по дуклянской. Перейдя на арнадскую сторону, я ударю тотчас же на тех, кто сторожит дуклянскую дорогу, и открою тебе путь.

Пета с удивлением поднял глаза на Бурунду, точно впервые услышал из уст этого рубаки умное слово. И в самом деле, план Бурунды был хоть и смелый, но зато очень разумный, и Бурунда был единственным смельчаком, способным выполнить этот план.

— Хорошо, — сказал Пета, — пусть будет по твоему! Выбирай себе воинов и выступи завтра же.

— Позволь еще и мне слово сказать, великий бегалдыр, — сказал Тугар Волк.

— Говори!

— Если ты согласен послать часть своей силы на тухольскую дорогу, — а все войско и я не советовал бы посылать: дорога узка, — то позволь мне пойти вперед с небольшим отрядом, занять вход на дорогу, прежде чем тухольские мерды дознаются о вашем приходе и завалят его засеками.

— Хорошо, иди! — сказал Пета. — Когда хочешь выступить?

— Немедленно, чтобы завтра к полудню выполнить свое дело.

— Когда так, то конец нашему совету и да помогут боги нашему оружию, — сказал Пета, оставаясь с места.

Встали и все другие начальники. Тугар Вол просил Пету назначить для него отряд смелых воинов, а сам пошел в шатер подкрепиться и попрощаться с дочерью.

В темном шатре на постели, покрытой легкими перинами, сидела Мирослава и горько плакала. После всех страшных и неожиданных впечатлений этого вечера она только теперь получила возможность собраться с мыслями, оценить положение, в которое она попала. А положение было в самом деле страшное, казалось даже безвыходное. Отец ее — предатель, слуга монголов; она в монгольском лагере, наполовину гостья, наполовину пленница и, во всяком случае, круглая сирота. Ибо даже последняя ее опора непоколебимая вера в свой пророческий сон, в благословение матери и свое счастье Максимом, — и эта вера теперь, по холодному рассуждению, пошатнулась, обливая кровью сердце. С каким лицом предстанет она теперь перед Максимом? Какими словами расскажет ему о своем вольном или невольном пребывании в монгольском лагере? Как змеи, жалили ее сердце эти вопросы, и она дала волю слезам, плакала, точно прощаясь с жизнью.

Отец тихими шагами подошел к ней, положил руку на ее плечо, она не поднимала головы, двигалась, не переставала плакать.

— Дочка, Мирослава, — сказал он, — не плачь. Даст бог, все будет хорошо!

Мирослава, будто не слыша его слов, сидела неподвижно, холодная и безучастная.

— Забудь этого смерда! Прекрасное будущее ждет тебя, а он... Что он? Завтра в полдень упадет мертвым от моего меча.

— Кто? — крикнула Мирослава раздирающим сердце голосом.

Боярин испугался этого голоса и отступил от вскочившей на ноги дочери.

— Кто упадет мертвым? — повторила она, — Максим? Ты ведешь набег на Тухлю?

— Да нет, нет! — отнекивался боярин. — Кто это тебе сказал?

— Ты сам сказал! — наступала на него Мирослава. — Отец, скажи мне правду, что ты задумал? Не бойся за меня! Я теперь и сама вижу, что не могу принадлежать Максиму, из-за тебя не могу. О, ты умен, ты хитер! Ты добился своего. Не потому я не могу принадлежать ему, что род мой выше, о нет! Я ниже его, я безмерно ниже его, он честен и чист душой, а я дочь изменника и сама, быть может, изменница! Да, отец, ты очень хитрый, такой хитрый, что даже самого себя перехитрил! Ты говоришь, что моего счастья желаешь, а сам убил мое счастье. Но пусть так! Чего я теперь стою? Только скажи мне, что ты против него задумал?

— Да ничего я не задумал! Он теперь, верно, где-нибудь далеко в горах.

— Нет, нет, нет, не верю тебе! Скажи мне, о чем ты говорил с монголами?

— Говорили, как пройти на Угорщину.

— И ты хочешь выдать им тухольскую дорогу, чтобы отомстить тухольцам!

— Глупая девушка, за что мне мстить им? Мелки они для моей мести. Я хочу провести монголов в Угорщину, ибо чем скорее уйдут они из нашего края, тем меньше его разорят.

— О да, как же! — воскликнула Мирослава. — А на обратном пути доломают то, что теперь останется целым! И ты ведешь их на Тухлю, теперь, сегодня?

— Нет, не на Тухлю. Я веду только один маленький отряд, чтобы обложить вход в Тухлю.

— Кто взял порог, тот занял дом! Я по-
маю. Ты же сказал, что Максим придет зав-
с тухольцами валить наш дом. А ты хочешь
монголами напасть на него, убить его...

Боярин уставился на нее изумленными гла-
ми; он начинал бояться, не ведьма ли она:
быстро угадывала она его планы.

— Доченька, забудь про него! — сказал он.
Какая судьба суждена ему, ту он и примет.

— Нет, отец, этим ты не остановишь меня.
Иду в Тухлю. Я предупрежу его, спасу его
твоей ловушки! А если он попадет в нее, я е-
ну рядом и буду биться вместе с ним до
следнего вздоха, против тебя, отец, и твоих
ганых союзников!

— Ты сошла с ума! — воскликнул боярин.
Не вводи меня во гнев!

— Что мне до твоего гнева! — ответила
лодно Мирослава. — И можешь ли ты причин-
мне зло, большее, чем то, что ты уже при-
нил. Если ты убьешь меня, это будет только
годеяние, потому что мне все равно не жи-
Пусти меня!

— Останься здесь, безрассудная!

— Останься здесь, пока ты погубишь
кто мне дороже жизни! О нет, я не о-
нусь!

— Останься! Богом клянусь тебе, что не
ниму руки своей на него!

— О знаю, знаю, что это значит! — восклик-
ла Мирослава. — Ну, разумеется, ты боярин,
нешь ли ты подымать руку на смерда! Но
им диким товарищам ты прикажешь пустить
его грудь отравленные стрелы!

— Нет! Если уж так ты к нему милос-
на, то еще раз клянусь тебе, что ни я, ни
другой из моей дружины не тронет его, как

свирепо ни бился он с нами. Довольно тебе этого?

Мирослава стояла, мучимая страшной сердечной тревогой, и не могла ничего больше произнести. Разве знала она, довольно ли этого? О, как бы хотела она птишкой слетать к своему милому и ласковым щебетом предостеречь его! Но было поздно. Отец взял оружие и, выходя из шатра, сказал:

— Дочка, еще раз говорю тебе и заклинаю тебя: останься в лагере, пока я не вернусь, а там делай, что хочешь. Теперь прощай.

Он вышел, и войлок, служивший дверью, беснокойно заколебался. С заломленными руками, являя собою образ тягчайшего горя и ужасающей тревоги, стояла Мирослава посреди шатра, подавшись вперед, с раскрытыми губами, ловя ухом звуки конских копыт, замиравшие по мере того, как удалялся на юг отряд монголов, которых вел ее отец на погибель Тухольщине.

V

С тяжелым сердцем шел Максим Беркут вместе с небольшой дружиной тухольцев выполнять волю общины. С малых лет он вырос в глубоком сознании своего единства с общиной и святости общинной воли, потому даже и теперь, когда на него пал почетный выбор общины — прогнать боярина, в котором тухольцы видели врага, — даже и теперь он не посмел отказаться от этого поручения, хотя сердце его терзалось при одной только мысли, что придется ему встретиться с Мирославой, с ее отцом, как с врагами, что придется, быть может, вступить в бой с боярскими лучниками, либо с самим боярином и проливать кровь людей на глазах той,

за которую он готов был пролить свою собственную кровь. Правда, он твердо решил сделать свое дело как можно спокойнее и не доводит его до кровопролития, но кто же мог поручиться, что боярин, зная его слабую сторону, сам не вызовет столкновения?

А это было легче всего.

«Нет, — думал Максим, — если захочет он моей крови, я не стану обороняться, я подставлю ему грудь добровольно, пусть бьет! Он откажет мне в том, что мне дороже жизни, так пусть берет и самую жизнь! Прощай, моя Тухольщина! Прощай, отец мой, сокол мой сизый! Прощайте, братья и товарищи! Не увидите вы больше Максима, а услышав об его смерти, погрузитесь и скажете: погиб за дело общины! Но вы не узнаете, что я сам искал и желал смерти!»

Так думал Максим, приближаясь к боярским строениям на холме над Опором. Дом боярин построен был из толстых, четырехгранных, гладко обтесанных, выструганных рубанком бревен так, как и теперь еще строят наши крестьянские хаты. Крыша была из крупного теса, обмазанного толстым слоем красной, нерастворимой в воде глины. Окна, как и у всех хат, обращены были на юг; вместо стекол в рамах были натянуты воловьи пузыри, пропускавшие слабый желтый свет внутрь дома. Входные двери вели просторные сени, стены которых обвешаны были всевозможным оружием, оленьими, зубровыми рогами, шкурами кабанов, волков и медведей. У сеней в обе стороны вели двери в светлицы просторные, высокие с глиняными печами и деревянными, резными полочками для всякой посуды. Одна из светлиц принадлежала боярину, а вторая, по другую сторону сеней, его дочке. Позади находилось еще два просторных помещ

ния: в одном была кухня, в другом людская. В светлице Тугара Волка стены были обвешаны медвежьими шкурами, только над постелью висел дорогой заморский ковер, добытый боярином в каком-то походе. Там же висели его луки, мечи и другое оружие. Светлица же Мирославы, кроме мягких шкур на стенах и на полу, убрана была цветами, а на стене напротив окон, над девичьей постелью висело дорогое металлическое зеркало и рядом с ним деревянный, серебром окованный, четырехструнный теорбан, любимый поверенный всех девичьих дум и мечтаний Мирославы. Поодаль от дома стояли конюшни, овины и другие хозяйственные постройки; там же была и маленькая хатка пастухов.

Но пусто и глухо было сегодня в просторном боярском доме. Боярина и Мирославы дома не было, слуг боярин отослал, скотину велел перегнать в стадо соседнего корминского осадника. только лучники и топорники остались в усадьбе. да и те что-то невеселы, не кричат, не балагурят и песен не поют. Ждет их, должно быть, важное дело, потому что готовят они топоры и копьа, луки и стрелы, и все это делают молча, печально, словно к смерти готовятся. Что это значит?

Вот один из них, что стоял на дороге, как бы на страже, протрубил сигнал, и все дружинники в полном вооружении выстроились в ряд перед боярским домом, натянув тетивы, точно для битвы. К дому подошла дружина тухольцев и, увидав вооруженных людей, стала также готовиться к бою. Максим с тревогой во взоре искал среди вооруженных слуг самого боярина. Но, к счастью, боярина не было. Максим вздохнул полной грудью, точно гора свалилась у него с плеч, и смелее принялся он строить своих людей.

Это отняло немного времени, и вот уже шеренга тухольцев, блистая топорами и копьями, молча стала приближаться к боярским дружинникам. В пятидесяти шагах от дома тухольцы остановились.

— Боярин Тугар Волк! — крикнул Максим.

— Нету боярина Тугара Волка! — ответили дружинники.

— Так вы, верные слуги его, слушайте, что я скажу вам от имени тухольской общины! Поблала нас община, чтобы прогнать вас волей и неволей с тухольских земель. Таков приговор общины. Спрашиваем вас, уйдете вы по доброй воле или нет?

Дружинники молчали.

— Спрашиваем в другой раз! — сказал Максим.

Дружинники молчали, не спуская тетив.

— Спрашиваем в третий раз! — сказал, повышая голос, Максим.

Дружинники молчали, сохраняя свою враждебную позицию. Максим не понимал, что это может значить, но, не задерживаясь дальше, приказал своим молодцам стрелять. Стрелы звистели, как змеи, и, пролетев над головами дружинников, воизились в стену. В то же мгновение дружинники, точно по знаку, бросили оружие на землю и с протянутыми руками поспешили навстречу тухольцам.

— Товарищи, братья! — кричали они. — Не гневайтесь на нас за молчание. Мы дали слово боярину, что встретим вас враждебно, но не давали ему слова проливать вашу кровь и при том безвинно. Мы были на суде и знаем, что боярин обидел общину и что суд ваш справедлив. Делайте, что вам повелено, и если будет то милость отцов ваших, мы будем просить

чтобы приняли нас в общину. Не хотим больше служить боярину!

Радость тухольцев, а особенно Максима, была безграничная. Тотчас же все тухольцы бросали оружие и среди веселых криков принялись обнимать и целовать своих новых неожиданных товарищей, с которыми за минуту перед тем думали вступить в смертный бой.

Максим больше всего радовался тому, что его опасения не оправдались и что ему не пришлось биться с отцом Мирославы и прогонять нивесть куда ту, с которой он желал бы никогда не расставаться. Радость заглушила в нем на минуту все сомнения. В окружении веселых дружинников вошли тухольцы в боярский дом, все с любопытством оглядывая, но ни к чему не прикасаясь. С сердечным трепетом подошел Максим к светлице Мирославы, надеясь встретить ее там в слезах или в гневе, желая добрым словом утешить и успокоить ее. Но Мирославы не было в светлице. Это встревожило Максима. «Где же она?» — подумал он и решил спросить об этом дружинников, которые тем временем суетились, приготавливая для тухольских гостей братское угощение. Но ответ дружинников не успокоил и не удовлетворил Максима. Боярин вчера поутру выехал с дочкой, но куда, зачем, когда вернется? — неизвестно. Он приказал слугам выступить против тухольцев, но, то ли заметив их неохоту, то ли занятый какой-то другой мыслью, прервал речь и уехал. Вот и все, что узнал Максим от своих союзников. Естественно, что такие вести должны были замутить его чистую радость и даже бросить тень какого-то подозрения на дружинников. Что это значит? Уж не кроется ли в этом какая-нибудь измена? Уж не хочет ли боярин заманить их в засаду? Но, не желая вы-

казывать своих подозрений, Максим шел только некоторым из товарищей, чтоб они бы на-чеку, а сам принялся внимательно и зорко сматривать весь дом сверху донизу, не пропуская ни одного тайничка, ни одной каморки. Нигде не было ничего подозрительного.

— Крепко построено! — сказал Максим, обращаясь к дружинникам, — а придется разбирать. Мы не будем ни жечь, ни валить, а сложим аккуратно, в кучу, чтобы боярин, если захочет, мог все это забрать. И все добро его должно быть сохранено в целости.

Между тем дружинники вынесли из светлиц сени большие дубовые столы, накрыли их белоскатертью и устали всевозможными яствами и медом. Под радостные клики и песни началось угощение. Но чем дольше сидели молодцы за столами, чем больше ели и пили, тем меньше было радости и веселья. Мед все еще пенился в точеных деревянных кубках, мясо, изжаренное на рожнах, дымилось на деревянных тарелках, искренние дружеские слова перелетали с одного конца стола на другой, — но тайная дрожь пр низывала сердца, точно люди ждали какой-то страшной вести. Все чувствовали какую-то неприятную тревогу. Уж не стены ли боярского дома давили вольных тухольцев?

Вот встал один из боярских дружинников, поднимая кубок, наполненный пенным медом, заговорил:

— Братья! Радостен этот день для нас, пусть ничто дурное...

Он не кончил. Вдруг побледнел и задрожал всем телом. Все пирующие вскочили, опрокинув стол с угощением и медом.

— Что это? Что это? — крикнули они сразу и бросились к дверям. Как ни слаб б

звук конских копыт, донесшийся до пирующих, но он наполнил весь боярский дом! В одно мгновение сени превратились в сущий ад: один бежал туда, другой сюда, этот искал одно, тот другое, а все вместе суетились и толпились в беспорядке, растапывая кубки и кушанья, белую скатерть и опрокинутый дубовый стол. Максим первый вырвался во двор из этой мешанины и, окинув взглядом окрестность, сразу понял, как велика была опасность.

— К оружию, братья, к оружию! Монголы! Монголы!

Этот крик прозвучал, как неожиданный удар грома. Все остановилось, как вкопанные, беспорядочный шум сменился полной тишиной. Но это длилось только один миг. Топот конских копыт слышался все ближе и ближе, и неизбежная опасность мгновенно вернула всех к действительности. Ведь все они были смелы, сильны, молоды! Ведь каждый из них в своих детских и юношеских снах не раз видел себя в битве, в опасности, в кровавой борьбе с врагом и желал и молился, чтобы сон претворился в явь, чтобы довелось когда-нибудь стать грудью на защиту своего края. И вот эта минута пришла — чего же они испугались? Только на краткий миг оглушило их страшное слово «монголы», в следующее мгновение они пришли в себя, и каждый сжимал уже в руках оружие, стоя в ряду вместе с другими, готовый к кровавому бою.

— Главное, товарищи, держаться этих стен. Пока враг не вытеснит нас из дома и не окружит нас в открытом поле, до тех пор бояться нечего. Этот дом будет нашей твердыней!

Максим расставил лучников у окон, у дверей, по-двое и по-трое, смотря по важности и удобству места. Кое-кто должен был оставаться в

доме, чтобы подносить из боярского склада стрелы и рогатины, главная же сила была сосредоточена у входных дверей, чтобы в случае необходимости сломить ряды нападающих и отбить от дома.

Между тем монголы, достигнув песчаной отмели на Опоре, остановились, слезли с коней, разделились на три отряда и двинулись к холмам по трем дорогам. Вел их, очевидно, кто-то, хорошо знакомый с тропами, потому что весь этот маневр был произведен быстро, без колебаний и без задержки. Судя по всему, монголы хотели сразу окружить дом со всех сторон.

Но кто это идет так твердо во главе среднего, главного отряда монголов? Глядят тухольцы и глазам своим не верят. Это не кто иной, как сам владелец дома, гордый боярин Туга Волк.

— Наш боярин! Наш боярин! — вскричали несколько дружинников, стоящие вперемежку тухольцами. Так их расставил Максим, не доверяя их искренности.

— Да, ваш боярин, монгольский слуга, изменник своей родине! Ужели вы и теперь еще хотите остаться ему верны?

— Нет, нет, — воскликнули единодушно дружинники. — Смерть изменнику! Разобьем вражью ватагу, либо сами погибнем, обороняя свой край.

Обрадованный этим заявлением, Максим сказал:

— Простите, братья! Один миг я несправедливо судил о вас, думая, что вы в сговоре со своим боярином. Но теперь вижу, что я вас обижаю этим предположением. Будем держаться вместе поближе к стенам, так, чтобы враги не могли нас окружить, и постараемся нанести им наибольший урон. Монголы, как я слышал, плохи

умеют вести осаду, да к тому же их мало. Без сомнения, нам удастся отразить нападение.

Бедный Максим, он старался вдохнуть в других надежду, которая у него самого исчезла в первую же минуту при виде монголов, а тем более теперь, когда вся их сила развернулась перед глазами осажденных. Но его слова все-таки ободрили товарищей, которые не раз уже имели, случай убедиться в рассудительности и осторожности Максима в самые опасные минуты жизни. Слепо полагаясь на его приказы, каждый заботился лишь о том, чтобы удержаться на своем месте до последней возможности, зная, что и сосед его будет защищаться также упорно.

А тем временем монголы широким кольцом в три ряда обступили дом, и стрелы с закаленными наконечниками были уже направлены в грудь смельчаков. Но начальник не подавал еще знака к бою. Начальник, как видно, решил прежде сделать попытку договориться с осажденными. Он выступил вперед, встал против главного отряда тухольцев и сказал:

— Рабы неверные! Поганые смерды! Ваша самонадеянность равна вашей глупости, если вы хотите поднять оружие на войско великого Чингиз-хана, ныне самовластного господина всея Руси! Подчинитесь ему без боя, и он помилует вас. Но те, кто попробуют противиться его силе, будут беспощадно раздавлены, как черви под колесами воза.

Смело и громко ответил на эти речи Максим Беркут.

— Не в пору, боярин, назвал ты нас, сынов свободы, рабами! Погляди на себя! Может быть, тебе такое название больше пристало, чем нам? Еще вчера ты был рабом князя, а ныне ты уже раб монголов и, верно, подлизал уже молоко, раз-

литое на хребте коня какого-нибудь бегады, Коли оно тебе пришлось по вкусу, так ведь это не значит еще, что и мы до него лакомы! Великой силы твоего Чингиз-хана мы не боимся. Она может обратить нас в трупы, но не сделает нас рабами. А тебя, боярин, вся сила великого хана не сделает уже свободным и честным человеком.

Смело и резко говорил Максим. В другое время он сдержался бы перед лицом Мирослава, но теперь он видел перед собой только врага — изменника, человека, который сам растоптал свою честь, если, впрочем, она у него была. Товарищи громко приветствовали речь Максима.

А боярин кипел от злости.

— Холоп поганый! — кричал он. — Погоди, тебе покажу, что рано ты вздумал похвастаться своей свободой. Еще сегодня кандалы зазвенят на твоих руках и ногах! Еще сегодня ты будешь валяться в пыли перед начальником монгольской силы.

— Лучше погибнуть! — ответил Максим.

— Нет, ты не погибнешь! — крикнул боярин. — Эй, молодцы, — обратился он к монголам на их языке, — вперед! Бейте их! Только вот этого парня не трогайте, его надо захватить живым!

И он подал знак к началу битвы. Прокатился по горам и лесам визг рогов и оборвался. Все стихло вокруг боярского дома, но это была страшная тишина. Как змеи свистели монгольские стрелы, градом осыпая жилище боярина. Но нападающие были еще слишком далеко, и потому их стрелы не могли попадать в осажденных или, попадая, опасно ранить их. Максим крикнул своим товарищам, чтобы они не стреляли и берегли стрелы и оружие, пуская его в дело только тогда, когда можно хорошо прицелиться.

одним ударом поразить врага. А чтобы не сразу подпустить неприятеля к стенам дома, он с несколькими товарищами встал во дворе, в двадцати шагах от входа, за крепкими досками недостроенного забора. Забор был как раз в человеческий рост высотой, и монгольские стрелы не задевали удалцов. Зато редкие, но меткие удары тухольцев смертельно ранили монголов и удерживали их от наступления. Страшно расширепел Тугар Волк, увидев это.

— На приступ! — крикнул он, и плотная стена монголов под его предводительством бросилась бегом с громкими криками к забору. За забором было тихо, точно там все вымерло. Монголы уже у самого забора, вот-вот доски рухнут под их напором, — но в эту минуту над стеной вырос, точно из-под земли, ряд голов, свистнули стрелы и страшными голосами взревели пораженные монголы. Половина их упала, как подкошенная, а другая подалась назад, не обращая внимания на крики и проклятия боярина.

— Урра, молодцы! Урра, Максим! Урра, Тухольщина! — закричали осажденные, воспрянув духом. Но боярин, не помня себя от злости, собирал уже новый отряд для нападения. Он поучал монголов, что надо не рассыпаться от первого удара противника, а бежать по трупам вперед. Тем временем и Максим объяснил своим молодцам, что нужно делать, и они с поднятым оружием ждали нового нападения.

— Вперед! — крикнул боярин. На этот раз монголы сперва пустили град стрел в неприятеля, а затем отряд их бросился на приступ. Снова перед забором встретили их молодцы меткими стрелами, и снова часть нападающих упала на землю. Но остальные уже не метнулись назад, с оглушающим криком они бежали вперед

и, наконец, достигли забора. Это была тяжела минута. Тонкая изгородь разделяла смертельных врагов, которые, как ни мало было расстояние между ними, не могли вступить в бой.

Мгновение те и другие молчали, только часто горячее дыхание слышалось по обе стороны забора. Вдруг, словно по знаку, загремели об забор монгольские топоры, но в тот же миг ту хольцы дружным усилием приподняли забор, двинули его плечами и обрушили на монголов. Забор упал, погребая под собой передние ряды монголов, а вслед за ним выскочили вперед молодцы расшибая монгольские черепа топорами на длинных топорищах. Брызнула кровь, раздались крики и стоны врагов — и вновь рассеялась толпа нападающих, оставив на месте боя мертвых и раненых. И снова радостный крик осажденных приветствовал победу товарищей, и снова монголы ответили на этот крик градом стрел, а боярин — злобными проклятиями. Но молодцам пришлось теперь покинуть свой аванпост — они печально прощались с тем местом, откуда так счастливо отразили первые нападения врага. Без потерь, без ран, в полном вооружении в стройном порядке, лицом к врагу, отступили они под стены боярского дома.

Пока на южной стороне двора дружина так счастливо отбивала нападение монголов, на северной стороне шла упорная и не столь счастливая борьба. И там монгольские стрелы просвистели без вреда для осажденных. Но там монголы сразу же пошли на приступ, и осажденным пришлось очень трудно. Они бросились навстречу монголам, но были отброшены стрелами, потеряв трех раненых, которых нападающие тотчас же изрубили в куски.

Первым делом Максима было теперь обойти

вокруг дома и обдумать как следует свое положение. Живой целью обступили монголы дом и непрерывно осыпали его градом стрел. Осажденные тоже стреляли, хоть и не так часто. Максим сразу понял, что нападающие стараются загнать их внутрь дома, откуда будет неудобно стрелять. Значит, главная задача была в том, чтобы удержаться перед стенами дома. Но тут они были открытой мишенью для монгольских стрел. Чтобы хоть немного защититься от них, Максим велел оторвать двери, снять столешницы и поставить их перед каждой группой бойцов, как большие щиты. Из-за этих щитов безопасно стреляли молодцы по монголам, издеваясь над их стрелами. А Максим переходил от группы к группе, обдумывал новые способы обороны, ободряя товарищей своим словом и примером.

— Держитесь, товарищи! — говорил он, — скоро в Тухле услышат крики, или кто-нибудь увидит, что тут делается, и к нам прибудет помощь!

Полчаса уже длилась осада. Монголы проклинали «славянских псов», которые не только не поддавались им, но еще и осмеливались так упорно и счастливо защищаться. Тугар Волк созвал опытейших вожаков на совет, чтобы обдумать решительный удар.

— На приступ итти! — говорил один.

— Нет, приступом их трудно взять, стрелять пока всех не перестреляем, — говорил другой.

— Погодите, — сказал Тугар Волк, — всему свое время. Теперь дело только в том, чтобы выпнать их из-за щитов. Соберите все наши силы, как бы для приступа, чтобы отвлечь внимание врага, а тем временем небольшие отряды пусть двинутся с обеих сторон к боковым неохраемым стенам. Стены эти, правда, без окон,

но все-таки под их прикрытием наши люди могли нанести большой вред дружине.

Вожаки согласились, они, неопытные в подобных маневрах, не могли бы придумать и это. Заневелилась монгольская сила, загремело жезо, заблестали на солнце мечи и топоры, и крепче стиснула в руках свое оружие тухольская дружина, готовясь к тяжкому бою. Но пока монголы совещались и готовились к мнимому наступлению, Максим тоже не дремал. Счастливая мысль пришла ему в голову. В досчатой крыше боярского дома были на все четыре стороны прорублены небольшие окошки, и около них Максим и поставил по три человека из числа самых слабых, чтобы наблюдать оттуда за все движениями врага и наносить ему потери стрелами или камнями. Пока один стоял у окна, другой подавал ему все, что надо, а третий должен был в это время сообщать вниз о всех действиях противника.

Заиграли трубы, и монголы, завывая дикими голосами, бросились на приступ. Но они не сумели дойти до дома, пробежав половину расстояния, они остановились и пустили в осажденных стрелы. Когда же тухольцы, которые готовились к последней решительной борьбе, встретили их градом стрел и причинили им большой урон, монгольская линия подалась назад. Громкими насмешками приветствовали дружинники это отступление.

— А что, боярин, — крикнул Максим, — у вдовца великого Чингиз-хана, как видно, злая душа: разгонятся и отступят. Не стыдно тебе, старому рыцарю, водить таких трусов, которые только вместе смелы, как бараны, а в одиночку и за полмужика не сойдут?

Боярин ничего не ответил на эту насмешку.

он хорошо видел, что Максим смеялся преждевременно. Да и сам Максим вскоре в этом убедился. Радостный крик монголов раздался у боковых стен дома сразу с обеих сторон. Во время мнимого приступа они подошли к этим стенам; в них не было ни окон, ни дверей, и потому дружинники не так тщательно их охраняли. Правда, поставленные на чердаке молодцы вовремя заметили приближающихся монголов, но несколько стрел, вылетевших из чердачных окон, не остановили наступления, тем более, что, стоя у самых стен, монголы были защищены досчатым навесом от всякого нападения сверху.

Максим побледнел, заслышав рядом зловещие крики и узнав от сторожевого с чердака, что они означают.

«Пропали мы, — подумал он. — О победе не может быть и речи! Теперь остается одно: биться не на жизнь, а на смерть!» ,

Тугар Волк, увидав успех своего замысла, обрадовался ему.

— А что, холопы! — крикнул он, — посмотрим, надолго ли хватит вашей гордости. Смотрите, мои воины уже под вашими стенами. Огня под стены! Мы живо выкурим их из этого гнезда, а в чистом поле они против нас, как мышь против кота.

Видит Максим, что дело не шуточное, собирает он своих товарищей воедино, — не к чему биться двумя отрядами, когда под стенами монголы огонь закладывают.

— Братья, — говорит он, — придется нам погибнуть; на спасение надежды мало, а монголы, знайте это наперед, не щадят никого, кто достанется им в руки, так же, как не пощадили они наших раненых товарищей. Так погибнем же, как мужи, с оружием в руках. Как думаете? Стоять

ли нам здесь и защищаться до последнего дыхания, под прикрытием стен, или ударить разом на монголов — может быть, удастся проломить их ряды?

— Да, да, — ударим на монголов! — закричала дружина. — Мы не лисы, чтобы выкуривать нас из ямы по-охотничьи.

— Добро, коли на то ваша воля, — сказал Максим. — Становитесь же в ряды, луки и стрелы отбросьте прочь, топоры и ножи в руки, и за мной!

Как опромный камень, выпущенный из гигантской пращи в крепостную стену, ударила дружина на монгольские ряды. Монголы еще на дороге встретили ее градом стрел, но эти стрелы не причинили им вреда: первый ряд нес перед собой столешницу, набитую на два копыта, в него и впивались монгольские стрелы. Подойдя вплотную к монголам, тухольцы бросили свой деревянный щит, и весь отряд ринулся на врага беззаветной отвагой. Монголы сперва смешались и раздались в стороны, но Тугар Волк буже тут со своим отрядом и окружил молодую целую ватагой монголов, как охотники сворпсов окружают разъяренного кабана. Началась страшная резня. Целыми десятками валялись монголов храбрые дружинники, но Тугар Волк — каждый раз посылал на них новые отряды. Кровавая растекалась вокруг мешанины из людей, трупов и окровавленного оружия. Вопли раненых, стны умирающих, остервенелые крики монголов — все это смешалось в какую-то адскую какофонию, которая никак не вязалась с улыбающимся ясным солнцем, сочной зеленой пихтовых лесов, с несмолжаемым шумом студеных потоков.

— Выраво, товарищи! Разом и дружно и в них! — кричал Максим, отбиваясь от трех мо-

рабов, старавшихся выбить у него из рук оружие. Удвоив усилия, тухольцы устремились вправо, где линия монголов была слабее и место для наступления удобнее.

После короткого сопротивления монголы подались.

— Вперед, вперед, гоните их перед собой! — крикнул Максим, бросаясь с окровавленным топором на отступающих монголов. Тухольцы продвигались за ним, и отступление монголов быстро превратилось в беспорядочное бегство. Тухольцы гнались следом за ними, валя одного за другим на землю. Перед ними было открытое поле, а неподалеку темный дремучий лес. Если бы тухольцам удалось добежать до лесу, они были бы спасены, никакая монгольская сила не смогла бы их там настичь.

— Вперед, товарищи, вперед, в лес! — кричал Максим, и без отдыха, молча, кровавые и страшные, точно и впрямь дикие звери гнали дружинники убегающих монголов. Тугар Волк одним взглядом оценил положение обеих сторон и расхохотался.

— Счастливого пути! — крикнул он вслед молодцам; — мы еще с вами встретимся!

Он быстро выделил конный отряд монголов и послал его на тухольскую дорогу, чтобы опередить и встретить дружинников у леса. Он знал, что монголы поспеют во-время. А сам с остальными пустился вдогонку за дружиной.

Три облака пыли мчались по полю над Олопом, три кучки людей бежали одна за другой. Первой бежала толпа перепуганных, разбитых монголов; за ними, догоняя их, наши молодцы, во главе с Максимом, а за ними — главная сила монголов под начальством Тугара Волка. Третий отряд монголов, высланный Тугаром напе-

рез тухольцам, вскоре исчез, не замеченный увлеченными погоней молодцами.

Внезапно убегающие монголы остановились. Перед ними возникла неожиданная преграда, голый, вырубленный в скале вывоз — начало тухольской дороги. Дорога проходила под скалой на глубине почти двух сажени; стена была прямая и гладкая, так что спуститься вниз было возможно, а прыгать опасно, особенно первому ряду беглецов, которые могли ожидать, что вслед за ними и на них сейчас же спрыгнет второй ряд. В смертельной тоске, которая и самым трусливым в последнюю минуту придает отвагу, остановились монголы и обернулись лицом к своим противникам. В эту минуту блеснула им неожиданная надежда: позади неприятеля они увидели наступающих его своих единоверцев — и руки их невольно схватились за оружие. Но этот неожиданный взрыв смелости не мог их спасти. Как буря, налетели на них тухольские молодцы, ломая и разрушая все преграды, и толкнули их к пропасти. С воплем повалились задние ряды на дорогу, в то время как первые гибли от мечей и топоров тухольских. Теперь молодцы сами очутились над обрывом и задрожали. Сзади их наступал Тугар Волк, впереди была пропасть. Что делать? Одной минуты размышления достаточно было для Макара. Вид лежащих на дне пропасти перебитых монголов навел его на хорошую мысль.

— Задние обернитесь лицом к монголам! Сдержите их на мгновение, а передний ряд дайте монгольские трупы вниз и прыгайте на них! крикнул он.

— Урра! — закричали радостно молодцы, полняя его приказ. Еще теплые, трупы монголов полетели вниз на дорогу. Между тем по-

спела монгольская погоня и впереди всех Тугар Волк.

— Нет, — кричал он, — на этот раз вы не уйдете от моей руки! — И своим тяжелым топором он повалил первого встречного противника, который вчера еще был его вернейшим лучником. Охнул смертельно раненый и упал под ноги боярину. Сосед лучника замахнулся топором на Тугара Волка, чтобы отомстить за смерть товарища, но в ту же минуту его с двух сторон подпрыгали на монгольские пики. Весь первый ряд пал, после короткого сопротивления. Это были самые слабые, раненые в предыдущей битве, те, что бежали последними. Но все же они задержали на минуту монголов, а тем временем их товарищи были уже в безопасности на дне обрыва, на дороге.

— Стойте, — кричал своим Максим, — становитесь под стену! Если они захотят погнаться за нами, то мы им устроим кровавую купель.

— Прыгайте за ними, — скомандовал в безрассудном бешенстве Тугар Волк. И первый ряд монголов прыгнул, но не встал уже на ноги, встреченный еще в воздухе топорами тухольцев.

— Урра! — закричали те, радуясь, — а ну-ка, второй ряд, прыгай!

Но второй ряд стоял над обрывом и не торопился прыгать. Тугар Волк увидел свою ошибку и тотчас же выслал сильный отряд вниз, чтобы замкнуть выход из долины.

— Теперь не улетят птички! — радовался он. — Мои и мои ловцы подходят! А ну-ка, ребята, вперед!

Бешеный крик монголов раздался на дороге, под ногами Тугара Волка. Это был конный отряд, посланный наперерез тухольцам. Теперь он дарил на них.

— Вниз по дороге! — закричали тухольцы, на этот раз их положение было явно безнадежным. У входа в ущелье уже чернела группа голов, шедших против них, чтобы запереть в этой каменной клетке.

— Вот где наша смерть! — сказал Макс, обтирая об одежду убитого монгола свой окровавленный топор. — Товарищи! Смело в последний бой!

И они выступили смело. Из последних ударов ударили они на монголов, и, несмотря на пересеченную гористую местность, удобную для врагов, тухольцы еще раз смешали их ряды, еще раз нанесли им тяжелый урон. Но коленные монголы силой своего разгона увлекли их к долине и разрознили их строй. Героически обороняясь один за другим падали молодцы, и только Макс, хоть он и бился, как лев, все еще не получил ни одной раны. Монголы избегали его толпиться, а когда теснились вокруг, то делали это только в надежде выбить у него из рук оружие и взять его живым. Таков был приказ Туги Волка.

Вот налетел и другой отряд монгольский. Монгольцы зажали в безвыходной каменной клетке приперли к стене, и перед ними было уже совсем столько свободного места, сколько они могли расчистить своими мечами и топорами. Но руки уже начали слабеть, а монголы все лезли и лезли, как волны паводка. Некоторые тухольцев, потеряв уже всякую надежду на спасение и видя невозможность дальнейшей борьбы, вслепую бросались в гущу монголов и в один миг погибали, рассеченные топорами. Другие, шепча молитвы, жались к стене, словно могла оказать им какую-нибудь помощь; третьи хотя и защищались, но уже бессознательно, с

машинально махали топорами, и смертельные удары монголов заставляли их уже нечувствительными и безжизненными. Только небольшая горсточка смелых, — их было пятеро, — окружив Максима, держалась еще прямо, как скала среди бушующей стихии. Три приступа монголов отбила уже эта горстка, стоя на груде трупов, как на башне; пики и топоры затупились в руках героев, одежда их, руки и лица были залиты кровью, но все еще резко и ясно раздавался голос Максима, призывающий друзей к обороне. Тугар Волк полугневно, полуудивленно смотрел сверху на этих храбрецов.

«Молодец парень, — подумал он, — не удивительно, что он очаровал мою дочку. Он и меня мог бы очаровать своим бесстрашием и отвагой».

А потом, обернувшись к монголам, стоявшим на краю обрыва, крикнул:

← Вперед, прыгайте на них! Кончайте резню. Только вот этого, — показал он на Максима, — не! трогайте!

И разом, как тяжелая скала, обрушились монголы на непобежденную еще кучку героев и повалили их на землю. Еще раз прозвучали остервенелые клики, снова и снова сшибались монголы с тухольцами, но это уже длилось недолго. На каждого из героев навалилась целая толпа врагов — и все тухольцы погибли. Только Максим стоял еще, как дуб среди поля. Он рассек голову монголу, прыгнувшему на него, и уже замахнулся на другого, когда вдруг чья-то сильная рука железными тисками схватила его сзади за горло и швырнула наземь. Упал, предательски, сзади захваченный, Максим и над ним склонилось лицо Тугара Волка.

— Ну что, смерд! — насмешливо кричал боярин, — видишь теперь, что я умею держать свое

слово? А ну, ребята, закуйте его в железные цепи!

— Я и в цепях буду вольным человеком. меня цепи на руках, а у тебя на душе! — сказал Максим.

Боярин захохотал и отошел от него, чтоб привести в порядок монгольское войско, которое сильно поубавилось в этой кровавой резне. С главными силами оставшихся монголов Тугар Волк пошел к своему дому; остальным велел стеречь злосчастный, заваленный теперь трупами тухольский вывоз.

— Проклятые холопы! — ворчал боярин, подсчитывая свои потери, — сколько народу погубили! Ну да бес с ними, с монголами, их не жаль! Только бы мне по этим трупам дойти до власти, обернулся бы я и сам против них. Но каков поганец, Максим? Вот это боец, так боец. А кто знает, не послужит ли он для моей цели? Надо его прибрать к рукам, коли уж попал он мне. Он может быть хорошим проводником в горах, ведь кто знает, какова эта их дорога, нет ли на ней каких-нибудь ловушек. Теперь когда он в моей власти, надо его приберечь; не ведомо на что еще он может пригодиться.

А между тем монголы уже готовили лошадей. Максим, скованный по рукам и ногам тяжелыми цепями, окровавленный, с обнаженной головой, в изорванной одежде, сидел на камне на речке, онемелый, исполненный отчаяния. Первым в поле и на дне обрыва лежали горами еще не застывшие, порубанные и забрызганные кровью трупы его товарищей и врагов. Как смрадливы были эти мертвецы! Они лежали тихо в своей кровавой постели, без гнева, без мук, без вражды. Они смеялись теперь над всяким цепями, надо всей силой великого Чингиз-хана

А он? Кусок железа сделал его жертвой дикого произвола, жертвой кровавой мести. Как счастливы были мертвецы! Искалеченные, они все же сохраняли образ и подобие людей, между тем как он превратился в скотину и невольника!

— Солнце праведное! — воскликнул в своей душевной муке Максим. — Ужели такова твоя воля, чтобы я погиб в кандалах? Ужели только для того ты так часто своей светлой улыбкой озаряло дни моей радости, чтобы сегодня озарить мое бездонное горе? Солнце! Ужели ты перестало быть добрым богом Тухольщины и сделалось покровителем этих свирепых дикарей?

А солнце смеялось! Светлыми горячими лучами оно сверкало в лужах крови, целовало посиневшие уста и глубокие раны, из которых вытекал мозг и вываливались темные внутренности. И такими же светлыми горячими лучами обливало оно зеленый лес и чудесные ароматные цветы и высокие горные луговины, что купались в чистом лазурном эфире. Солнце смеялось и своим божеским безучастным смехом еще больше ранило истерзанную душу Максима.

VI

Странный сон приснился Захару Беркуту. Снилось ему, будто сегодня — ежегодный праздник Сторожа и вся община собралась вокруг камня у входа в Тухольскую долину: девушки с венками, юноши с музыкой, — все в праздничных чистых одеждах. И вот он, Захар, старейший в общине, первый приближается к святому камню и начинает молиться, но какое-то таинственное, тревожное, щемящее чувство овладевает его сердцем во время молитвы. Что-то щемит у него в глубине души, а что, он и сам не знает. Он

Мóлился горячо, но после пёрвых же ступает от старинного текста молитвы и как то новые, пламенные слова слетают с его. Вся община потрясенная падает ниц, и он делает то же самое. Но слова не перестают звучать, вокруг темнеет, черные тучи покрывают небо, грохочут громы, сверкают молнии и ослепительным огнем опоясывают весь небосвод, земля дрожит — и вдруг, медленно наклоняясь, святой камень сдвигается с места и со страшным грохотом падает на Захара.

— Что это может значить? — спрашивал себя Захар, раздумывая над сном. — К счастью это или к беде? К радости, или к горю? — Не мог он найти ответа на этот вопрос, но сон оставил после себя какое-то тяжелое чувство, область грусти легло на чело Захара.

Быстро исполнилось его предчувствие. В самый полдень до Тухли долетела страшная, неожиданная весть. Пастухи с соседней луговины прибежали без памяти в село, крича, что видели какую-то битву около боярского дома, множество каких-то неведомых черных людей и слышали непонятные душераздирающие крики. Тухольская молодежь, вооружась кто чем мог, бежала на место боя, но остановилась поодаль, увидав покрытое трупами поле и окруженный монголами боярский дом. Не было сомнения, что вся дружина, высланная для разрушения боярского дома, погибла в неравной борьбе с монголами. Не зная, что делать, тухольская молодежь вернулась в село, разнося повсюду страшную весть. Услышав ее, старый Захар задрожал и горькая слеза покатилась по его лицу.

— Вот и сбился мой сон! — прошептал он. Защищая село, погиб мой Максим. Все умирают, но не каждому удается умереть со славою.

Не тосковать мне о нем надо, а радоваться его судьбе.

Так утешал себя старый Захар, но сердце его было глубоко ранено: сильно, всей душой, любил он младшего сына! Но он скрепил свое сердце. Община призывала его, ждала его совета. Толпами шли люди, старики и молодые, за село, к тухольскому ущелью, за которым стоял теперь их страшный враг. Впервые со дня основания Тухли, общинный совет собрался без обычных обрядов, без знамени, среди звона топоров и кос, среди полутревожного, полувойственного шума. В беспорядке перемешались старики с молодыми, вооруженные с безоружными, женщины сновали в толпе, то спрашивая о враге, то громко оплакивая своих погибших сыновей.

— Что делать? С чего начать? Как защищаться? — гудело в народе.

Большинство собравшихся склонялось к тому, чтобы выйти всем сообща из долины и обороняться от монголов до последней капли крови. Особенно настаивала на этом молодежь.

— Мы хотим погибнуть, как наши братья, обороняя свой край! — кричали они. — Только по нашим трупам войдут враги в тухольскую долину.

— Устроить в ущельи засеки и оттуда разить монголов, — советовали старики.

Наконец, когда шум немного утих, заговорил Захар Беркут:

— Хотя война и не мое дело, и не мне, старому, мешаться в то, к чему я не могу приложить своих рук, а все же мне кажется, что не велика будет наша заслуга, если мы только отобьем монголов, тем более, что нам это не так уж трудно сделать. Сыновья наши погибли,

кровь их обагрила нашу землю и зовет нас мести. Но отомстим ли мы врагам нашим, разбителям нашего края, если отгоним их от своего села? Нет, отбитые от нашего села, они удвоенной злобой бросятся на другие села. И отбить, а разбить их, вот наша цель!

Община внимательно слушала слова своего беседника, и молодежь, податливая на все новое и неожиданное, уже готова была последовать этому совету, хотя и не знала, как его выполнить. Но раздались протестующие голоса стариков:

— Не во гнев тебе будь сказано, батюшка Захар, — заговорил один из них, — но твой совет, хоть он и мудр и большую обещает славу, все же невыполним. Слабы наши силы, а монгольское войско велико. Еще не подоспела помощь от горцев и загорян, а если и подоспеет, все равно, сил у нас нехватит даже на то, чтобы окружить монголов, а не то, что встретиться с ними в открытом бою. А без этого как мы их разобьем? Нет, нет мы слишком слабы! Счастье наше, если сумеем отбить их от родного села и заставим свернуть с дороги! Победить их нет никакой надежды!

Видя всю основательность возражений, Захар Беркут, хотя и с болью сердца, готов был уже отбросить свою юношески пылкую мысль, как вдруг два неожиданных события значительно подняли настроение тухольцев и изменили их решение.

Вдоль села по улице подошли один за другим под звуки трембит три отряда вооруженной молодежи. Каждый отряд нес перед собою боевое знамя; бодрые, смелые их песни разносились далеко по горам. Это шла обещанная тухольцам помощь горных и загорных общин. Молодежь

молодцу, точно рослые яворы; выстроились три отряда длинными рядами перед собравшейся общиной и склонили знамена в знак приветствия. Любо было смотреть на эти здоровые румяные лица, разогретые мужественной отвагой и гордым сознанием того, что им придется защищать грудью самое дорогое для них на свете, что на их оружии возложено великое дело. Радостным громовым кличем встретили их тухольцы, и только матери, потерявшие сегодня своих сыновей, зарыдали еще громче, увидя эту молодежь, которая завтра, быть может, так же поляжет, скошенная и потоптанная, как полегли сегодня их ясные соколы. Зашлось сердце и у старого Захара Беркута, когда поглядел он на этих молодцов и подумал, как бы отличился среди них его Максим. Но нет, довольно! Мертвого не воротить, а живой думает о живом...

Еще не утихла радость, вызванная приходом этих желанных помощников, еще не успела община приступить к дальнейшему обсуждению событий, когда с противоположной стороны, из лесной прогалины, что шла над тухольским ущельем, показался новый и совсем уже неожиданный гость. На взмыленном коне, ободранном ветками и колючками, припав к его шее, чтобы быстрее и безопаснее ехать по лесу, не цепляясь за сучья, мчался во весь дух какой-то всадник. Кто это был — издали трудно было угадать. На всаднике был монгольский овечий полушубок, мехом вверх, а на голове красовался бобровый колпак. Молодцы приняли было приезжего за монгольского разведчика и выступили против него с луками в руках. Но, выехав из лесу и приблизившись к крутому обрыву, по которому надо было спускаться в тухольскую долину, мнимый монгол слез с коня, сбросил с себя полушубок

бок, и к удивлению всех, оказался женщиной, в белом платье, с луком за плечами и с блестящим топориком за поясом.

— Мирослава, дочка нашего боярина! — закричали тухольцы, не в силах отвести глаз от прекрасной смелой девушки, но она, казалось, не замечала их. Девушка озиралась, ища тропу, по которой можно было бы спуститься в долину. Вскоре ее зоркие глаза открыли почти незаметную тропинку, скрытую под широкими растопыренными листьями папоротника и колючей ежевикой. Твердым шагом, словно этот путь был ей с детства знаком, сошла она в долину и приблизилась к толпе.

— Мир честной общине, — сказала она, слегка краснея. — Я спешила известить вас, что монголы подходят, к вечеру они будут здесь! Приготовьтесь их встретить!

— Мы это знаем, — загудели голоса из толпы, — для нас это не новость.

Голоса были резкие. Враждебно встретила община дочь поганого боярина, из-за которого погибло столько молодцов. Но девушка не обиделась на эту резкость, хотя, очевидно, почувствовала ее.

— Тем лучше, если вы уже готовы, — сказала она. — А теперь, прошу вас, покажите мне, где тут Захар Беркут...

— Вот я, девушка, — сказал старый Захар, приближаясь. Мирослава почтительно и со вниманием смотрела на него.

— Позволь, честной отец, — заговорила она дрожащим от внутренней тревоги голосом, — сказать прежде всего, что твой сын жив и здоров.

— Мой сын! — воскликнул Захар, — жив и здоров! О, боже! Где же он? Что с ним?

— Не пугайся, отец, той вести, которую я приношу тебе. Твой сын в монгольском полоне.

— В полоне? — вскричал пораженный Захар. — Не может быть! Мой сын скорее даст изрубить себя в куски, чем попадет в полон. Этого не может быть! Ты хочешь напугать меня, злая девушка!

— Нет, отец, я не пугаю тебя, это на самом деле так. Я еду из монгольского лагеря, там я видела твоего сына и говорила с ним. Силой и обманом взяли его и заковали в железные цепи. Хоть он и не ранен, но весь облит кровью врагов. Нет, отец, твой сын не покрыл твоего имени позором!

— Что же он сказал тебе?

— Велел мне идти к тебе, отец, утешить тебя в твоём горе, стать тебе дочерью, ведь я, отец, — тут голос ее еще сильнее задрожал, — я... сирота, у меня нет отца!

— Нет отца? Неужели Тугар Волк погиб!

— Нет, Тугар Волк жив, но Тугар Волк не отец мне с тех пор, как... предал... свой край и пошел... на службу к монголам.

— Этого можно было ожидать, — ответил по-нуро Захар.

— Я больше не могу считать его отцом! Я не хочу предавать родину. Старик, будь ты мне отцом! Прими меня в свою семью! Несчастный сын твой просит об этом моими устами.

— Мой сын! Мой несчастный сын, — стонал Захар Беркут, не поднимая глаз на Мирославу, — кто утешит меня в его гибели?

— Не отчаивайся, отец, может быть, он еще не погиб, может быть, нам удастся освободить его. Слушай только, что приказал мне Максим.

— Говори, говори! — сказал Захар, взгляды-
вая на Мирославу.

— Он советовал тухольской общине не за-
держивать монголов перед ущельем, а впустить
их в котловину, где можно их окружить и пе-
ребить всех до одного или уморить голодом.
Надо только построить засеки в ущельи и у во-
допада и вынести из села все добро общинное,
все зерно, весь хлеб, увести всю скотину, а по-
том запереть монголов со всех сторон. «Либо
здесь, — сказал Максим, — победите их, либо
нигде!»

Община с напряженным вниманием слушала
речь Мирославы. Глубокое молчание воцарилось,
когда стихли ее слова. Только Захар гордо и
радостно выпрямился и с распростертыми объ-
ятыми приблизился к Мирославе.

— Дочь моя! — сказал он, — теперь я вижу,
что ты достойна быть дочкой Захара Беркута!
Это подлинно слова моего сына, от них веет
смелостью его духа! Этими словами ты добыла
себе мое родительское сердце! Теперь я легче
перенесу потерю сына, небо послало мне вместо
него достойную дочь!

Громко рыдая, упала Мирослава в его
объятия.

— Нет, отец, не говори так, — сказала она. —
Сын твой не будет потерян, он вернется к тебе.
Еще сегодня вечером он будет здесь вместе с
ордой, и, если бог поможет нам разбить ее, мы
вернем и ему свободу.

В этот миг в ущельи раздался крик: «Монго-
лы», и вслед затем прибежали часовые, крича,
что неисчислимая рать монголов показалась в до-
лине над Опором. Медлить было нельзя. Захар
Беркут предложил впустить монголов в тухоль-
скую котловину и тут, окружив их, либо выре-

зять, либо уморить голодом всех до единого.

Теперь уже никто не возражал Беркуту, и община быстро вынесла решение. Все бросились в хаты, к своему добру. Соседские молодцы со всех ног помчались на верхний край долины к водопаду, чтобы построить там засеки и преградить монголам путь. Страшный переполох начался в селе. Крик, приказы и вопросы, рев волов и скрип деревянных двухколесных телег доносились отовсюду и оглушительным шумом катились по горам. Грустно прощались тухольцы со своими хатами, дворами, огородами и засеянными нивами, которые сегодня же будут разрушены и растоптаны страшной монгольской лавиной. Матери несли своих заплаканных детей, отцы гнали скот, везли на возах домашний скарб, мешки с хлебом и одеждой. Облако пыли стояло над селом; и только поток серебристой струей шумел как обычно да старый огромный Сторож у входа в тухольское ущелье стоял понурый, грустный, словно жалея своих детей, покидавших эту прекрасную долину, и, казалось, склонялся в сторону ущелья, чтобы своим исполненным каменным телом преградить им дорогу. Загрустила и старая липа на площади совета, за селом. Ревущий водопад, переливаясь в кармазиновых лучах заходящего солнца, неподвижным кровавым столбом стоял над тухольской котловиной.

Село совсем опустело. Хаты потонули в вечернем тумане; пыль улеглась на дороге, замолкли голоса и крики людей, точно пустыня поглотила всю жизнь этой долины. Садилось солнце за тухольские горы, утопая в легких алых облаках; темные пихтовые леса вокруг Тухли тихо шептались, как будто передавали друг другу какую-то зловещую новость. Толь-

ко земля нивесть от чего глухо стонала и гудела; а в прозрачном воздухе трепетал какой-то странный смешанный шум, от которого дрожь пронимала даже самых отважных людей. Вдали, по лесам, в глубоких темных ярах, в дебрях неприступного бурелома выли волки, трубили олени, рычали туры. А в селе было так мертво, так тихо! А на небе так ясно, так спокойно! Но вот сразу исчезло солнце за черной, живой тучей; как стена, надвигается она с запада и, наполняя воздух криком, спускается над Тухлей. Это предвестники и неотступные спутники орды: вóроны движутся неисчислимыми стаями, чуя добычу. Мирные тухольские стрехи покрываются черными гостями, гам их клокочет, точно кипятилок в огромном котле. Онемев, недвижно стоя на обрывистых стенах котловины, смотрели тухольцы на стаи воронов, проклиная в душе этих вещунов смерти и разрушения.

Но вскоре картина изменилась. Подобно весенним водам, прорвавшим плотину, хлынули в котловину со страшным криком черные чудища. Ряды теснились за рядами, без конца, без удержу; выйдя из ущелья они, как вода под водопадом, задерживаясь, строились в длинные ряды и медленно, неудержимо заливали пустую долину. Впереди по дороге ехал на белом коне страшный великан Бурунда бегадыр, а рядом с ним другой всадник пониже — Тугар Волк.

Они ехали медленно, как будто каждую минуту ожидая нападения. Но нападения не было, село лежало пустое, как после чумы. С криком бросились первые ряды монголов на хаты, намереваясь по своему обычаю резать и грабить, — но резать было некого, хаты были пусты! Монголы перебегали из хаты в хату, выбивая двери, ломая плетни и зорота, разбивая бочки и кор-

зины, разваливая печи. Но вся их злоба была напрасна, — в селе не было ни души.

— Проклятые псы! — сказал Бурунда Тугару Волку, — почуяли нас, попрятались!

— Заночуем здесь, бегадыр? — спросил Тугар Волк, не отвечая на замечание спутника.

— Пока не встретимся с этими псами, до тех пор ночевать не будем — ответил Бурунда. — Веди нас к выходу из этой ямы! Надо обеспечить себе выход!

— Выход безопасен, — успокаивал Тугар Волк; впрочем, ему и самому было как-то не по себе, что все тухольцы ушли из села. И, успокаивая бегадыра, он все же попросил его приказать людям, чтобы они оставили поиски добычи и поспешили к выходу. Первые ряды монголов неохотно двинулись из села, в то время как задние еще пробивались через ущелье, все гуще и гуще заливая котловину.

Передний отряд покинул село и поспешил к вырубленному в скале выходу. Уже стемнело, и монголы безопасно подошли под каменную стену, в которой был вырублен выход. И вдруг со стены посыпались на монголов огромные камни, калеча и разбивая их. Вопли раненых и поваленных на землю захватчиков поднялись к небу. Монголы подались было назад и в стороны, но Бурунда и Тугар Волк с обнаженными мечами помчались им наперерез.

— Куда вы? — рычал ярым туром Бурунда. — Перед вами выход! За мной!..

И толкая перед собою толпу, он бросился в темное устье вывоза. Но здесь ждала их славная встреча. Градом посыпались камни на их головы и не одному из воинов Чингиз-хана кровь залила глаза, не у одного мозг брызнул из разбитого черепа на каменные стены. Как из пре-

исподней, поднялся крик и стон из темного ущелья, но все громче раздавался голос Бурунды: «Вперед, за мною!», и все новые и новые толпы, не обращая внимания на град камней, устремлялись к выходу из лощины.

— Вперед! — кричал Бурунда, заслоняясь щитом от падающих сверху камней.

В это время Тугар Волк, увидав на вершине откоса кучку молодцов, велел монголам метнуть в них стрелы. Вопли раскатились по верху ущелья — и громко завывали от радости монголы. Но в отместку за своих трех раненых товарищей тухольцы с удвоенной силой стали сбрасывать гигантские глыбы на захватчиков. Однако все это не удержало бы упрямого Бурунду, если бы на повороте ущелья не показалась неожиданная преграда: вывоз был завален до самого верха огромными камнями.

А тухольцы нападали все злее и злее, камни сыпались градом, монголы падали один за другим, и Бурунда в конце концов понял, что упорство его бесполезно; что пройти через ущелье невозможно до тех пор, пока не удастся столкнуть тухольцев с горы.

— Назад! — крикнул Бурунда, и небольшая горсточка монголов, оставшихся в живых, во весь дух, как камень из пращи, вылетела из пролома.

— Вывоз завален! — сказал, тяжело дыша, Бурунда, отирая с лица кровь и пот.

— Оставь их до завтра — пусть потешатся! — ответил Тугар Волк.

— Нет, — воскликнул Бурунда, с презрением поглядывая на боярина, — воины великого Чингиз-хана не откладывают на завтра того, что можно закончить сегодня.

— Но что же можно сделать сегодня? —

спросил Тугар Волк, поглядев с дрожью в темное устье вывоза, из которого еще доносились страшные стоны смертельно раненых недобитых монголов.

— Надо согнать этих псов оттуда с горы! — крикнул озлобленно Бурунда, показывая рукой на хребет скалистого берега. — Лестниц сюда! Передние на лестницы, а задние пусть отгоняют врага стрелами! Посмотрим, чья возьмет!

Из ближних дворов монголы натаскали лестниц и, по совету Тугара Волка, сбили их поперечными планками как бы в одну широкую стену.

Тухольцы сверху спокойно присматривались к этой работе.

Монголы с криком подняли сборную лестницу и понесли ее к каменной стене. Камнями, стрелами и рогатинами встретили их тухольцы, но большого вреда нанести им не могли, ибо, если даже и падали один или двое убитых, то остальные продолжали нести большую лестницу вперед, а на место упавших становились новые воины. В это время задние ряды монголов, пуская вверх стрелы, принуждали тухольцев подаваться назад. Страшная лестница быстро приближалась к стене. Тревога стала охватывать тухольцев...

Недалеко от места боя, защищенный каменной глыбой от стрел, сидел на соломе Захар Беркут, занятый ранеными. Он вытаскивал стрелы, промывал раны и с помощью Мирославы перевязывал их, прикладывая какую-то искусно обработанную смолу.

Несколько растерянных воинов подбежали к нему, извещая об опасности.

— Что же я вам, детушки, посоветую? — промолвил старик, но Мирослава вскочила и побежала взглянуть на опасность.

— Не бойтесь, — сказала она тухольцам, — мы их живо опрокинем! Пусть их стреляют, а вы — копья в руки и ползком! Когда передний ряд высунется до половины, бросайтесь на них! Они сами заслонят вас от стрел, а повалив передних, вы повалите и задних. Сумерки помогут нам. Отбив этот приступ, мы проведем всю ночь спокойно.

Не возразив ни слова, тухольцы легли на землю, сжимая в руках копья. Стрелы сыпались еще некоторое время, но потом перестали, — знак того, что передний ряд монголов стал подниматься по лестнице. Затаив дыхание, лежали тухольцы, ожидая врагов. Вот уже послышался скрип ступеней, сопенье воинов, звон их оружия — и медленно, робко вынырнули перед глазами лежащих тухольцев мохнатые кучмы, а под ними черные страшные головы, с маленькими блестящими глазками. Глазки эти неподвижно, как замороженные, смотрели на лежащих тухольцев, но головы поднимались все выше и выше, под ними уже видны были плечи, покрытые мохнатыми полушубками, широкие груди... В этот миг тухольцы вскочили, и копья их глубоко погрузились в грудь захватчиков. Крик, рев, замешательство, тут и там судорожные движения, тут и там короткая борьба, проклятья, стоны — и вот уже враг, как тяжкая лавина, валится вниз по лестнице, обрушиваясь на нижестоящие ряды и увлекая их за собою. Сверху на кучу живых и мертвых, перемешанных, кровавых, трепещущих и ревуших тел падают огромные глыбы камней — и надо всем этим адом, полуприкрытым покровом ночи, звучат радостные клики тухольцев, жалобный вой монголов и страшные проклятья Бурунды. Бегадыр метался по лошади, как безумный, рвал волосы на голове и, на-

конец, не помня себя от злости, подскочил с обнаженной саблей к Тугару Волку.

— Пес бледнолицый, — кричал он, скрежеща зубами, — двойной предатель, это твоя вина! Ты привел нас в эту западню, из которой нет выхода!

Тугар Волк вспыхнул, подобных речей он не слышал отроду. Рука его невольно стиснула рукоятку меча, но в этот миг что-то так глубоко и так остро кольнуло его в сердце, что рука ослабела, упала, как глиняная, и он, опустив голову, сказал сдавленным голосом:

— Несправедлив твой гнев на верного слугу Чингиз-хана, великий бегадыр. Я не виновен в том, что эти смерды противятся нам. Вели войску расположиться на ночь и отдохнуть, а завтра утром сам увидишь, что смерды рассеются от наших стрел, как сухие осенние листья от порыва ветра.

— Ах, так! — крикнул Бурунда, — чтобы они ночью напали на нас в домах и перерезали наше войско!

— Так вели сжечь дома, и пусть войско ночует под открытым небом!

— Все это хитрости, чтобы отвести мой гнев, чтобы снять с себя вину! Нет! Ты привел нас сюда, ты и выведешь нас и сделаешь это завтра же, не теряя времени и людей! Слышишь, что я говорю? Иначе — горе тебе!

Напрасно Тугар Волк заверял дикого бегадыра, что не он виноват, что он советовал так, как ему казалось лучше, что совет военачальников монгольских согласился с ним, что никакой проводник не может поручиться за неожиданные осложнения в дороге, — все эти доводы отскакивали от Бурунды, как горох от стены.

— Ладно, боярин, — сказал он, наконец, —

я сделаю по-твоему, но завтра ты все-таки откроешь нам дорогу из этой западни, а не то — горе тебе! Это мое последнее слово. Жду от тебя дел, а не разговоров.

Он с презрением отвернулся от боярина и пошел к своим монголам, могучим голосом приказывая им поджечь село и очистить долину с всего, что могло бы послужить врагу прикрытие для ночного набега. Радостно закричал монголы — они давно ожидали такого приказа.

Со всех сторон запылала Тухля, прорывая огненными языками плотные, нависшие над ней потемки. Дым из труб покотился понизу и покрыл долину. Стрехи трещали, слизываемые кровавым пламенем. Из-под крыш выбивался огонь, то приседая, то подскакивая, хотел, казалось, достать до самого неба. По временам от сильного ветра пламя расстилалось по земле, золотилось искрами, мигало и волновалось, как огненное море. Треск падающих бревен и стен глухо разносился по долине; стога хлеба и сена походили на кучи раскаленных углей, из середины их выбивались бледные огненные пряди; деревья горели, как свечи, высоко в воздух выбрасывая огнистую, горящую листву, точно рой золотых мотыльков. Вся тухольская долина похожа была теперь на ад, залитый огнем; с диким визгом бегали среди пожара монголы, бросая в огонь все, что только попадалось им под руку. С жалобным стоном грохнулась наземь подрубленная монгольскими топорами древняя липа — свидетельница общинных собраний. Воздух в тухольской котловине разогрелся, как в настоящем котле, а с гор примчался резкий ветер; он кружил искры, рвал горящую солому и головни и метал их, как огненные стрелы. Тухольский поток впервые в своей жизни видел

такой блеск; впервые разогрелся он в своем холодном каменном ложе.

Часа два длился пожар. С высоких берегов долины наблюдали его, немея от бессильной ярости, тухольцы. Наконец, монголы стали гасить остатки, бросая их в поток, и принялись окапывать свой лагерь широким рвом. Посреди лагеря мгновенно выросли шатры военачальников, — остальное войско должно было ночевать под открытым небом на разогретой пожаром земле.

И снова стемнело в тухольской котловине. Монголы хотели было разложить костры в лагере, но этого нельзя было сделать: только теперь они спохватились, что пожаром опустошили всю равнину, и все, что только могло гореть, либо уже сгорело, либо было унесено потоком. Пришлось войску спать, а страже стоять в потемках, даже рвы были выкопаны не так глубоко, как надо, потому что совсем уже стемнело. Гневный, недовольный, как черная туча, ходил Бурунда по лагерю, осматривая окопы и стражу, поставленную около них; перекликался с начальниками и отдавал приказы, как уберечься от ночного набега. Близка была полночь, когда в лагере понемногу все стихло, только крики часовых да рев водопада нарушали тишину.

Лишь в одном месте монгольского лагеря блеснул огонек: это горел смоляной светильник в шатре Тугара Волка. Бледный фитилек мигал, шипел и дымил, поглощая растопленную смолу и отбрасывая неровный, мрачный свет на внутренность боярского шатра. Пусто и неуютно было в шатре, так же, как в душе самого Тугара Волка. Он ходил по шатру, занятый тяжкими думами. Презрительные слова Бурунды жгли его гордую душу. Они были как удар по лицу, что-то

блеснуло в глазах боярина, и ему сразу стало видно, на какую скользкую дорогу он ступил.

«Петя обещал мне милость хана, — ворчал он, — а этот поганец помыкает мною, как псом. Неужели же я их слуга, нижайший из слуг этого невольника? Петя обещал отдать мне все горы во владение, великое карпатское княжество, а Бурунда грозит нивесть чем. И он может сдержать свое слово, проклятый! Что же, починайся ему? Конечно! Я в его руках! Я невольник, как сказал этот поганец Максим! Вот кстати вспомнил я про Максима, где он? Нельзя ли через него сделать то, что требует Бурунда? Нельзя ли променять Максима на вольный выход из этой ловушки? Хорошая мысль!»

И он позвал двоих монголов, лежавших неподалеку от шатра и велел им найти и привести к нему пленника. Неохотно, с ворчанием поднялись монголы, казалось, что даже самый воздух тухольской долины действовал разлагающе на монгольскую дисциплину.

Но где же был Максим? Как жилось ему в неволе?

Максим, закованный в тяжелые цепи, сидел посреди тухольской улицы, как раз напротив своей хаты, повернув лицо к тому двору, по которому он бегал мальчишкой и ходил еще вчера свободный, занятый будничным трудом, и по которому ныне уже сновали кучки монголов. Его привезли сюда на коне, а когда был отдан приказ остановиться и сжечь село, его сбросили с коня на мостовую. Никто не обращал на него внимания, не следил за ним, но о бегстве не могло быть и речи: толпы монголов то и дело проходили мимо него в поисках добычи. Максим не знал, что делается вокруг, и сидел неподвижно на дороге, точно каменный верстовой

столб. В голове его было пусто, мысли не сосредоточивались, даже впечатления не хотели связываться в один цельный образ, а только мерцали и мелькали перед его глазами, как испугнутые черные птицы. Одно только ясно чувствовал он, что цепи сжимают его, как железные холодные змеи, и что они высасывают всю силу из его тела, все мысли из мозга.

Потом все вокруг озарилось, дым клубами повалил по дороге и покрыл Максима, спирая в его груди дыхание и разъедая глаза. Это горела Тухля. Максим сидел посреди пожарища, не шевелясь. Ветер кружил дым, сыпал на пленника искры, хлестал его горячим воздухом — Максим как будто ничего не чувствовал. Он был бы рад погибнуть, взлететь на воздух такой вот золотой искоркой и погаснуть там, в светлой холодной лазури, подле золотых звезд. Но цепи, цепи! Как они страшно сжимали его! Вот занялась его хата, пламя взметнулось под крышу, обвились огненными змейками вокруг окон, заглянуло в дверь и выжало оттуда огромный клуб дыма, чтобы самому поселиться в жилище Беркутов. Мертвыми глазами глядел Максим на пожар. Ему казалось, что в его груди что-то обрывается, что-то пылает и ноет, а когда провалилась кровля, расселись углы его родной хаты и вырвалось из раскаленных стен целое море искр, — Максим вскрикнул горестно и вскочил на ноги; хотел куда-то бежать, что-то спасти, но, ступив всего один шаг, бессильно, как подкошенный, упал на землю и потерял сознание.

Уже погас пожар, и по долине повеяло горячим горьким дымом, уже затих боевой крик монголов, уже прояснилось и вызвездилось чочное небо над Тухольщиной, и покой овладел монгольским лагерем, а Максим все еще лежал, как

мертвый, посреди дороги, против развалин родной хаты. Звезды с жалостью смотрели на его бледное, покрытое кровавыми полосами лицо. Грудь его едва поднималась, — единственно знак, что это лежал живой человек, а не трущ. В таком положении нашли его монголы и сперва очень перепугались, думая, что он задохнулся в пожаре. Но когда брызнули на него вода, обмыли ему лицо и дали напиток, он заморг глазами и огляделся.

— Жив! Жив! — завывали радостно монголы, подхватили его, теряющего сознание, ослабевшего, под руки и помчались к шатру боярина.

Тугар Волк даже испугался, увидев юношу в таком страшном и горестном состоянии. Только что умытое лицо было бледно, почти зелено, губы потрескались от жары, глаза были красны от дыма и тусклые, как стекло, от утомления и душевной муки; ноги дрожали, как у столетнего деда. Постояв минуту, Максим не мог дольше держаться на ногах и сел на землю. Монголы удалились. Боярин долго молчал, в задумчивости глядя на Максима. За что он ненавидел этого человека? За что накликал на его молодую голову такое страшное горе? Почему не велел сразу убить его, а выдал на медленную, все же неизбежную смерть — ведь ясно же, что монголы не выпустят его из своих рук живым, и как только им надоест таскать его с собой, зарежут, как скотину, и бросят посреди дороги. За что же он так ненавидел этого юношу? За то ли, что он спас жизнь его дочери? Или может быть, за то, что она полюбила его? Или за его рыцарскую отвагу и смелость? Или, наконец, за то, что он хотел равняться с ним, с Тугаром? Вот они и сравнялись: оба они не

Волки, и оба несчастливы. Тугар Волк чувствовал, что гнев его на Максима гаснет, словно пожар, которому уже нечем питаться. Он и прежде, как только Максим оказался в плену, старался подольститься к нему, не из сочувствия, конечно, но из хитрости, но Максим тогда отказался с ним разговаривать. Правда, боярин давал ему такие советы, которые были пленнику совсем не по душе. Он советовал юноше поступить на службу к монголам, провести их через горы и обещал за это большую награду, а в противном случае грозил, что монголы забьют его насмерть. «Пусть бьют!» — это была единственная фраза, которую услышал боярин из уст Максима, но удивительно, что уже и тогда эти гордые слова, свидетельствовавшие о твердости Максима и об его великой любви к свободе, не только не разгневали боярина, а наоборот, очень понравились ему. Теперь же он ясно чувствовал, что в сердце у него что-то тает, как льдина. Теперь, на южарище вольной Тухли, боярин начинал понимать, что тухольцы поступили вполне разумно и правильно. Его сердце, хотя и ослепленное каждой властью, все же было еще не настолько глухо к голосу разума, чтобы не признать этого. Все это передумал боярин сегодня и уже совсем другими глазами и с другим чувством смотрел на сидящего в шатре полумертвого, изможденного Максима. Он подошел к пленнику, взял его за руку, хотел поднять и посадить его на камень.

— Максим! — сказал он ласково, — что это с тобою?

— Пусти меня! — простонал слабым голосом Максим, — дай мне умереть спокойно!

— Откуда у тебя мысли о смерти? Я думаю, как бы освободить тебя, а ты — о смерти! Под-

нимись, сядь вот тут, на лавке, подкрепись, мы надо поговорить с тобою!

Хотя Максим плохо понимал слова боярина не верил в его доброту, но слабость, голод, усталость были настолько сильны, что он не шился отвергнуть боярское гостеприимство. Бок огнистого вина сразу освежил его, разбудил его живую силу для новой жизни; кусок жареного мяса утолил его голод. Пока он ел, боярин сидел напротив него, укрепляя ласковыми словами его мужество и волю к жизни.

— Глупец, — говорил он, — таким, как ты, надо жить, а не о смерти думать. Жизнь дороже не купишь ни за какие сокровища.

— Жизнь в неволе ничего не стоит, — ответил Максим, — лучше смерть.

— Ну... да... разумеется, — молвил боярин, но я ведь о том и говорю, что ты можешь получить свободу.

— Тем, что предам свой народ, проведя много голов через горы?.. Нет, лучше смерть, чем такая свобода.

— Не о том теперь речь, — сказал с усмешкой боярин, — а о том, что ты и без этой, как ты говоришь, измены, можешь получить свободу еще сегодня.

— Как? — спросил Максим.

— Я знал, что это тебя заинтересует, — снова улыбнулся боярин. — Так вот, милый, какое дело. Твои тухольцы окружили нас в этой долине, завалили выход. Разумеется, их сопротивление смеху подобно, им нас все равно не остановит. Но нам время дорого. Дело только в этом.

Глаза Максима загорелись радостью при этой вести.

— Окружили вас тухольцы, говоришь? — крикнул он радостно. — И выйти отсюда не можете

у и хорошо! Надеюсь, что и не выйдете никог-
да. Тухольцы цепкий народ: кто к ним в руки
падет, того они не выпустят.

— Те-те-те! — прервал его боярин. — Не ра-
дся преждевременно, молодец! Не такова на-
ша сила, чтобы попасть в руки горсточке твоих
тольцев! Говорю тебе, не о том мы заботимся,
что нас тут поймали, а о времени, о каждой
минуте. Мы торопимся.

— Чем же я могу вам помочь?

— А вот чем. Я думаю сегодня идти к твоим
тухольцам для переговоров: хочу обещать им те-
бя в обмен на свободный проход. Так вот я на-
деюсь, что ты скажешь мне, какими словами
можно легче смягчить сердца твоих односельчан
и отца твоего, чтобы они согласились на наше
предложение.

— Напрасный труд, боярин! Тухольцы не со-
гласятся на такой обмен.

— Не согласятся? — воскликнул боярин. —
Почему же не согласятся?

— Тухольцы будут биться до последнего, что-
бы не пропустить вас через горы. Неужели ты
думаешь, что они променяют на меня судьбу
твоих загорных братьев и допустят, чтобы их
жизни были так же разрушены, как наша Тухля!

— Они и так будут разрушены, глупец! —
казал боярин. — Слишком мала сила твоих ту-
хольцев, чтобы удержать нас.

— Не хвали, боярин, дня перед вечером! Ве-
ликая ли сила нужна там, где сама природа
твоими стенами и скалами задерживает вас?

— А все-таки ты скажи мне, как надо гово-
рить с твоим отцом и тухольцами, чтобы смяг-
чить их сердца.

— Говори искренно и честно, вот мой един-
ственный совет.

— Ой, не так, молодец, не так! — сказал довольно боярин. — Не так это у вас у Твоего отца — старый колдун, он знает такое, которое всякому до сердца доходит, тебя должен был этому научить. Ведь не можешь ты без колдовского слова привлечь на сторону моих лучников, которые так отбивались с монголами задарма, как не бились верно, и за самую высокую плату.

Максим улыбнулся.

— Чудной ты человек, боярин — сказал. Никакого колдовского слова я не знаю, а бы и знал, так не сказал бы тебе, чтобы ты мог подговорить тухольцев на такой обмен.

Разгневался гордый боярин.

— Эй, молодец, помни, кто ты и где ты закричал он. — Помни, что ты невольник, жизнь твоя зависит от любого монгола.

— Что мне жизнь!.. — сказал спокойно сим. — Я не держусь за нее. Кто хоть минуту жил в неволе, тот испытал худшее, чем сме

В этот момент откинулась занавесь, и в ша быстрыми шагами вошла Мирослава. Она опустилась вокруг и, не обращая внимания на обросилась к Максиму.

— Ах, вот он, вот он! — воскликнула она. Меня как будто тянуло что-то сюда. Сокол Максим! Что с тобою!?

Максим сидел, как остоленелый, не слез глаз с Мирославы. Она держала его руку своей. Ее слова были для него, как пасхальное благовест, как живительная роса для увядшего цветка. А она, как зорька ясная, припадала к нему, обливала слезами его тяжелые цепи, смыла с его рук запекающуюся кровь. Как радость, как тепло стало на сердце у Максима от косновения ее нежной руки! Как жарко за

кровь в его груди! Как мощно пробудилась любовь к жизни! Но цепи напомнили ему, что невольник и что над его головою висит кровавый монгольский нож. Эта мысль змеей зашла в его сердце, и из глаз его брызнули слезы.

— Мирослава, — сказал он, отворачиваясь, — чем ты пришла сюда, чтобы растревлять мои нервы? Я уже готов был умереть, ты вновь пролила во мне любовь к жизни.

— Милый мой! — сказала Мирослава, — не теряй надежды, я для того и пришла сюда, во вражеский лагерь, преодолев все опасности, чтобы сказать тебе — не теряй надежды!

— Что мне надежда? Она не разобьет моих костей.

— Отец мой их разобьет.

— Твой отец! Да, он говорил, что готов это сделать, но ожидает от меня такой услуги, какую я не могу ему оказать.

— Какой услуги?

— Он хочет вернуть меня тухольцам, чтобы взамен выпустили монголов из долины, и требует от меня колдовского слова, которое донило бы к нему сердце тухольцев, когда он идет предлагать им эти условия.

Мирослава с удивлением первый раз взглянула на отца. Удивление это постепенно перешло в дрожь.

— Отец, — сказала она, — это правда?

— Правда! — сказал Тугар Волк.

— И ты думаешь, что Максим знает такое слово?

— Должен знать. Ведь и тебя он с первого раза точно приковал к себе. Без колдовства это не могло случиться.

Мирослава с улыбкой, полной безграничной

любви, посмотрела на Максима, а потом, очиваясь к отцу, сказала:

— У тебя уже есть разрешение начальни переговоры?

— Нет еще, но это минутное дело. Его п рядом с моим.

— Так иди же. А я тем временем угово Максима сказать тебе это слово.

— Ты уговоришь?

— Вот увидишь! Но иди же!

— Приворожил девку! — ворчал себе под боярин, выходя из шатра. — Приворожил, иначе! Сама ему на шею кидается!

— Сердце мое, Максим! — сказала Мирос по уходе отца, обвив рукою шею Максима и лую его бледные запекшиеся губы. — Не печ ся! Монголы отсюда не выйдут, здесь им все погибать.

— Ах, Мирослава, звездочка моя! — гру сказал Максим. — Рад бы я этому верить, слишком уж велика их сила против нашей, хольской.

— Нам пришли на помощь загоряне и горц

— У них нет хорошего оружия.

— И об этом не беспокойся. Слушай: сотни поров стучат в лесу, еще немного — и сотни стров запылают вокруг долины, и у кажд костра наши мастера будут строить орудия, торыми можно будет бросать камни в самую редину монгольского лагеря.

— Кто же это придумал? Кто научил на мастеров?

— Я, сердце мое. Я не раз видала такие шины на стенах Галича. Еще до того как онышко взойдет над Зелеменем, пятьдесят та машин начнут метать камни на головы монго

Максим радостно обнял Мирославу и крепко обжал ее к сердцу.

— Жизнь моя, ты будешь спасительницей нашей Тухольщины!

— Нет, Максим! — сказала Мирослава, — не я буду спасительницей Тухольщины, а твой отец. Он могут сделать мои ничтожные машины с той огромной лавиной врагов. Твой отец выведет на них такую силу, против которой никакое войско не устоит.

— Какую силу?

Слушай! — сказала Мирослава.

Вихрь стало вокруг, только где-то далеко в горах прокатился глухой рокот грома.

— Гремит, — сказал Максим, — ну и что же?

— Что? — живо воскликнула Мирослава, — это значит монгольская смерть! Эта сила страшнее, чем монголы, и она будет на нашей стороне. Слушай же!

Мирослава осмотрела шатер, и, хотя в нем было совсем пусто, она, словно не доверяя этой пустоте и тишине, наклонилась и шепнула Максиму на ухо несколько слов. Точно подхвативший гучей рукой, вскочил Максим, так что цепи на нем зазвенели.

Девушка! Волшебное виденье! — вскричал Максим, вглядываясь в нее с волнением и глубокой внимательностью. — Кто ты, и кто прислал тебя сюда с такими вестями? Теперь я вижу, что ты можешь быть дочерью Тугара Волка. Нет, ты, конечно, дух того Сторожа, которого зовут покровителем Тухли?!

Нет, Максим, нет, милый! — сказала удивленно девушка. — Это я, та самая Мирослава, которая так сильно любит тебя, что с радостью готова отдать свою жизнь, чтобы сделать тебя счастливым!

— Как будто я могу быть счастливым тебя?!

— Максим, слушай еще, что я тебе скажу из этого лагеря сейчас же!

— Как бежать? Ведь стража не спит.

— Стража пропустит тебя. Пропустила же меня! Только сделай вот что: переоденься в платье и возьми вот этот золотой перстень, дал мне монгольский начальник. Покажешь страже, и они пропустят тебя.

— А ты?

— За меня не бойся. Я здесь с отцом остаюсь.

— Но ведь монголы узнают, что ты выпустил меня, и тогда не будет тебе пощады. О нет, не хочу этого.

— Не бойся за меня, я сумею найти выход.

— Так же, как и я! — сказал упрямо Максимум.

В эту минуту вошел боярин, понурый и кривой. Туча гнева и недовольства нависла над глазами. Бурунда был с ним еще суровее, раньше, встретил его предложение упрекам еле-еле на него согласился. Боярин все отчетливее чувствовал какую-то стесненность, там где-то совсем близко от него все теснее сжимались прутья железной клетки.

— Ну что? — спросил он резко, не глядя на дочь, ни на Максима.

Счастливая мысль блеснула в голове Мирочки.

— Все хорошо, отец, — сказала она, — только

— Только что?

— Слово его такое, что оно не имеет силы устак другого.

— Ну, так и чорт с ним! — отмахнулся гневный боярин.

— Нет, отец, постой, послушай. Вели расковать Максима и иди с ним к тухольцам. Вот

перстень от Петы, с этим перстнем стража его
пустит.

— Спасибо, доченька, за добрый совет!
«Веди его к тухольцам», — это значит, вырви
себя из рук последнюю надежду. Тухольцы
вника возьмут, а меня прогонят! Нет, этого
будет. Я иду один, и не нужно мне никакого
подводства.

Опечалилась Мирослава. Ясные очи ее зату-
шились слезами.

— Сокол мой! — сказала она, снова припадая
Максиму, — сделай так, как я тебе советую:
возьми этот перстень.

— Нет, Мирослава! — сказал Максим. — Я уже
подумал, что буду делать. Иди и помогай на-
шим, и да поможет вам наш Сторож.

Тяжело было Мирославе расставаться с Мак-
симом. Ведь она оставляла его почти на верную
смерть, хотя и силилась скрыть это. Она, украд-
ливо поцеловав его и горячо пожав ему руку,
бежала из шатра вслед за своим отцом. Мак-
сим остался один в боярском шатре. В его серд-
це трепетало какое-то неясное смешение радо-
сти, тревоги и надежды.

VII

— Что это за стук такой в лесу? — спросил
Ярин у своей дочери, проходя рядом с нею
возле монгольского лагеря.

— Дрова рубят, — ответила коротко Миро-
слава.

Это теперь-то? Ночью?

Сейчас день настанет.

И правда, едва Мирослава сказала это, как на
высоких каменистых обрывах, окружавших сте-
пу тухольскую котловину, тут и там замерцали

искры: это тухольцы высекали огонь и раскаливали костры. Не прошло и нескольких минут вокруг всей долины длинным рядом запылали огни, словно во тьме заблестали глаза огромных волков, которые готовились прыгнуть в долину и напасть на монгольское войско. Вокруг каждого костра сновали какие-то темные фигуры, канье топоров зазвучало с удвоенной силой.

— Что они делают? — спросил боярин.

— Бревна обтесывают.

— Зачем?

— Придешь, увидишь.

Они двинулись дальше через лагерь. Костража задерживала их, — приходилось показывать пропускные знаки. Стража с тревогой слетала на костры, будила начальников, но те, видя, что тухольцы держатся спокойно, советовали им не подымать крика, а только быть настороже. То, что горцы зажгли так много огней, только успокаивало монголов, — значит не затевают нового набега. Пока огни горят, можно спать спокойно, и без того войску завтра будет много.

А Тугар Волк с дочкой уже миновали долину и, пройдя небольшое поле, дошли до обрыва каменной стены. Долго ходили они, ища тропку вверх, пока Мирослава не нашла ее, как между кустами и папоротником. С трудом они взбирались на гору.

— Кто идет? — крикнули сверху голоса костра.

— Свои! — ответила Мирослава.

— Что за свои? — переспросили тухольцы, загораживая дорогу. Но тотчас узнали Мирославу, шедшую впереди.

— А за тобой кто идет?

— Мой отец. Бегадыр монгольский посланец для переговоров с нашими стариками.

— Зачем нам переговоры? Только бы солнышко поскорей взошло, — мы с ними поговорим по-своему.

— Ишь, какие смелые! — сказал, улыбаясь, Тугар Волк. — Что ж, этой радости вам не долго ждать. Да только неизвестно, обрадуются ли ваши матери, когда увидят головы сыновей на монгольских копьях.

— Типун тебе на язык, вóрон! — закричали гухольцы, окружая боярина.

— Ну, ну, — задабривая их, продолжал Тугар Волк, — я же не желаю вам этого, я только говорю, что это было бы неладно. Я для того и кочу поговорить с вашими стариками, чтобы избавить вас от такой доли. Потому — жаль мне вас, молодых да неразумных! Вы готовы слепотти на смерть, не спрашивая, будет от того кому-нибудь польза или нет. Но старики должны рассудить.

Говоря это, боярин приблизился к костру, под-ле которого мастера обтесывали бревна, долбили отверстия в обтесанных уже столбах, забивали колья.

— Что это вы делаете? — спросил боярин мастеров.

— Угадай, коли умен, — ответили те насмешливо, сбивая обтесанные бревна вместе в виде ворот с крепкими поперечниками и связывая пару таких ворот наверху и внизу продольными балками из грубого теса. Боярин даже руками об юлы ударил.

— Катапульта! — закричал он. — Холопы, да что же вас научил делать такие диковины?

— Нашлись учителя, — ответили мастера и принялись вытесывать из крепкого букового пня что-то вроде огромной ложки, ручка которой составлялась между двумя веревками, натянуты-

ми меж столбами передних ворот. Веревки закручивались в жгут при помощи двух рукояток, приделанных к столбам. В широкий жолоб, в другом конце «ложки» вкладывался камень; веревка раскручивалась, как пружина, и выбрасывала камень из ложки далеко в пространство.

Тугар Волк оглянулся: около каждого костра мастера (а в Тухольщине каждый крестьянин был мастером) ладили такую же точно машину, а молодые парни, жены и дети плели веревки.

«Ну, жарко будет монголам под такими игрушками пробивать себе путь из этой ямы!» — подумал Тугар Волк, идя с дочерью дальше в лес по торной тропе, к поляне, где горел большой костер и сидели тухольские старики.

— Мирослава, — сказал Тугар Волк, — это ты научила их строить катапульты?

— Я, — ответила Мирослава и зорко посмотрела на отца, ожидая, что тот разразится гневом. Но нет! На лице боярина мелькнуло выражение удовлетворенности.

— Славно, дочка! — сказал он коротко.

Мирослава удивилась, не зная, что его верное и удачное завершение монгольского похода, а также более в исполнение монгольских обещаний, она пошатнулась и что боярин решил уже держаться поближе к общине, и потому поступок дочери был ему в этом смысле желанной опорой.

Спутники приблизились к поляне, на которой всю ночь сидели без сна занятые на совете тухольские старики. Это была просторная поляна отлого спускающаяся к югу, а с севера, замкнутая обрывистой скалой мягкого карпатского сланца. Опрямые пихты обступали ее пологим гом с востока, юга и запада, так что солнце только в полуденные часы могло заглянуть с

да. Поляна когда-то была вымощена каменными плитками, которые поросли теперь мягкой волной мха и кустами раскидистого папоротника. Только одна тропинка пересекала поляну и вела к глубокой выдолбленной в скале пещере, открытой на юг. Стены пещеры были серые, ничем не украшенные, пол вымощен растрескавшимися каменными плитками; камень здесь был красный, пережженный, и на нем виднелись еще следы огня; только на потолке находилось одно-единственное украшение, высеченное тоже из камня: выпуклое полушарие величиною с добрый каравай, окаймленное блестящим золотым обручем, как будто короной.

Это было старинное тухольское святилище, где предки теперешнего поколения воссылали свои молитвы высшему творцу жизни Дажбогу — Солнцу, образ которого и представляло находившееся на потолке златовенчанное полушарие. Хотя христианские монахи давно уже окрестили тухольский народ, но он все-таки еще долгое время, молясь христианскому богу, не оставлял и своих прадедовских богов, и дорога к «Ясной поляне» никогда не заростала, вечный огонь посреди поляны никогда не угасал (отсюда и название ее «Ясная поляна»), да и перед небольшими боковыми алтарями Лады и Дида частенько курилась пахучая смола и трепыхались жертвенные голуби — дар тухольских девушек и юношей. Но постепенно народ забывал старых богов. Священники внимательнее следили за тем, чтобы люди не молились по-старинке; молодежь перестала приносить дары Ладе и Диду; дети вырастали, не слыша ничего о бывших богах и старых обычаях; только в памяти стариков жили еще остатки прежней свободной, общинной религии, которая позволяла каждой общине иметь своего

особого бога (как Тухля имела своего Сторожа; которая не пугала людей карами и муками пос. смерти, но тягчайшей карой считала самую смер. смерть тела и души для людей неправедных. Н вая религия, рожденная далеко на востоке, в царилась на нашей земле, вернее смешалась нашей прежней религией, и только это смешен дало ей возможность сжиться со взглядами (рода. Вымирали постепенно старики, приверже ды старой веры, а те, кто еще жил, не сме уже признавать ее открыто, не смели проповед вать ее молодому поколению, а жили одино тая свою веру в сердце, с печальным убеж дением, что вместе с ними и она сойдет в гроб.

Одним из таких приверженцев старой веры н нашей Руси был Захар Беркут, и — диво: дие ное — приверженность эту он вынес из скитског монастыря, от старого монаха Акинфия. Случай но ли старый чародей-лекарь рассказал своем ученику о старой вере, такой близкой к прир де и ее силам, или, может быть, его сердце бол ше тянулось к этой вере, противясь византи скому христианству, но, так или иначе, из пребы ния у монаха Захар вынес великое пристрастие старой вере и поклялся быть ее приверженце до смерти. Он, конечно, знал о существовании «Ясной поляны», на которой давно уже пот вечный огонь и не курилась уже пахучая смо и которую корчинские священники объявили м стом заклятым и нечистым. Но как ни запущена была «Ясная поляна», все же никто не смел до сих пор коснуться образа Солнца. Полушари окованное золотым обручем, все еще сверкало на потолке пещеры, ожидая лучей полуденно солнца, чтобы запылать тысячами искр. Берку по доброй воле принял на себя обязанность пре сматривать за старой святыней; трспка, та, что

пересекала поляну, ведя к пещере, протоптаны
была его ногами; каждую весну в течение более
чем пятидесяти лет Захар, отправляясь за лекар-
ственными травами, проводил на «Ясной поляне»
одинокую, в молитвах и размышлениях целую не-
делю, и после каждого пребывания там возвра-
щался в село укрепленный духом со светлыми и
чистыми мыслями. Не раз тухольцы видали из
своей долины, как над вершинами пихт, окру-
жавших «Ясную поляну», вился синеватыми клу-
бами дым пахучей смолы, и говорили между со-
бой: «Это старик старым богам молится». И го-
ворили это без насмешки, без ненависти, потому
что, хотя Захар и не учил никого старой вере, но
вато учил всех уважать чужую веру и чужие
убеждения.

Вот на эту-то «Ясную поляну» и сошлись в ту
ночь тухольские старейшины. Пылал костер;
единственно шумели дровные пихты, будто припо-
миная прошлое; в отсветах огня, кровавым блес-
ком сиял в пещере золотой образ солнца. Стари-
ки сидели в задумчивости, слушая цоканье топо-
вов по лесу и рассказы старого Захара про былые
времена. Какой-то дивный дух вселился сегодня
в старого Захара! Он, никогда даже не упоминав-
ший о старой вере, сегодня разговорился, да еще
с такой сердечной теплотой, с какой говорил ран-
ьше только о самых близких и самых дорогих его
сердцу вещах. Он рассказывал о подвигах Даж-
бога, о победах Световида, о том, как три святых
толубя — Дажбог, Световид и Перун — сотворили
землю из песчинок, как Дажбог три дня скитался
по дну бездны, пока не нашел там трех зерен —
пшеничного, ржаного и ячменного, которые и
даровал первому человеку — Диду и его жене —
Маде; как Перун даровал им искру огня, а Свето-
вид — волосинку, из которой, с его благословения,

произошли корова и пастух, названный Волод. Рассказывал Захар и о жизни первых людей, великом потопе, от которого люди прятались в горах и пещерах, о старых великанах и об их ре, тухольском Стороже, выпустившем воду тухольского озера. Слушали старики эти рассказы точно повесть о каком-то неведомом мире; многое такое, о чем они говорили и пели в пещерах, не понимая, прояснялось перед ними, а Захар Беркут казался им последним из этих добрых великанов — Сторожей тухольских, про чьи добрые дела также будут рассказывать позднейшие поколения.

Но вот на тропке захрустели сухие ветки, вынырнули из лесного мрака Мирослава и Тугар Волк.

Мирослава приблизилась к старому Захару, боярин остановился у костра.

— Отец, — обратилась Мирослава к Захару, — видела твоего сына!

— Моего сына? — спросил Захар спокойно, как об умершем.

— Да, при помощи вот этого перстня я проник в монгольский лагерь и видела Максима. Есть надежда, отец, что он скоро будет на воле.

— Трудно, доченька, трудно! Но кто это пришел с тобою?

— Это я, старче, — сказал, выступая вперед Тугар Волк, — узнаешь меня?

— Лицо твое узнаю, ты был боярином Тугаром Волком. Что привело тебя к нам?

— Я пришел к вам, старейшины тухольские, как посол от великого Бурунды-бегадыра, чальника монгольского войска.

— Чего же хочет от нас Бурунда-бегадыр? — спросил Захар.

— Бурунда-бегадыр велит сказать вам, что

его велика и необорима, что напрасно вы строите заставы в ваших вывозах, напрасно сооружаете машины для метания камней, ничем вы не оборонитесь от его силы.

— Видно, твой Бурунда начинает нас бояться, если задумал нас пугать. Это добрый знак. Говори дальше.

— Нет, старче, не следует тебе презирать слова начальника монгольского... Его угроза — половина кары, а его кара страшна, как кара божия! Слушай же, что велит дальше сказать вам Бурунда-бегадыр моими устами. Цель его похода — край угорский, владение Арпада, который был подданным великого Чингиз-хана, а теперь от него отложился. Чтобы покарать непокорного, выслал великий Чингиз-хан свое войско на запад. Ваше ли дело задерживать это войско в походе? Бурунда-бегадыр, начальник только одной части этого войска, желает мирно расстаться с вами. В его руках ваш пленник, а твой сын, старче. Вот что приказал бегадыр передать вам: развалите свои засеки и выпустите монгольское войско из долины, а за это он готов выдать вам вашего пленника живым и здоровым. Рассудите же, сколь выгодна вам милость Бурунды! Сопротивление ваше напрасно, так или иначе, монголы все равно развалят засеки и пройдут своим путем. Но они не хотят терять времени в этой долине, не хотят проливать крови и готовы отдать вам пленника за пропуск. В противном случае его ждет неизбежная смерть в страшных мучениях, а вас — кровавая резня, в которой вы будете все перебиты. Выбирайте же, что лучше для вас.

Со вниманием слушали тухольские старейшины эти слова Тугара Волка, на некоторых они и

в самом деле произвели впечатление. Захар метил это и сказал:

— Честные братья, хотите ли побеседоватькровенно о том, что предлагает Бурунда, и быть может, согласно выскажетесь?

— Побеседуем, побеседуем! — ответили рейшины. Тогда Захар попросил Тугара Вода удалиться. Боярин гордо удалился в сопровождении своей дочери.

— Захар, — начал один из присутствующих тут дело идет о жизни и смерти твоего сына. лучше ли нам отступить от нашей неравной борьбы и выручить парня?

— Тут речь идет не о моем сыне, — сказал Захар твердо. — Если бы дело было только о нем, я сказал бы вам: нет у меня сына, мой сын погиб в бою! Но тут речь идет о наших соседях горцах и загорянах, которые спустились защищать нас, а теперь должны будут погибнуть от монголов. Потому я и говорю вам: не заботьтесь о моем сыне, а решайте так, как если бы он был уже в гробу!

— А все-таки, Захар, борьба с таким войском неравная борьба!

— Ну, так погибнем все до последнего в бою, а там пусть монголы по нашим трупам идут да хотят. А нам дай бог исполнить свой долг. А мириться с ними, да еще как мириться: поменять одного человека на судьбу всех наших соседей, это позор, это измена! Но, кто знает, так ли еще неравна борьба с монголами? Стоим мы крепко, монголы заперты в каменной клетке. С небольшими потерями мы сумеем отбить самые упорные атаки. Но возможно, что и этого нам потребуется. Этой ночью мы найдем на пути своего союзника, против которого не устоит ни

какая человеческая сила, будь она и в десять раз сильнее монгольской.

— Так ты советуешь отвергнуть предложение Бурунды?

— Решительно.

— И предать твоего сына на верную гибель?

— Не вспоминайте о моем сыне! — воскликнул с болью Захар. — Кто мне в такую минуту напоминает о нем, тот вступает в союз с отцовским сердцем против моего разума. Разум говорит: отвергнуть мир! А что говорит сердце, это уж мое дело!

— Так пусть же будет по-твоему! — сказали старейшины. — Если бог судил ему погибнуть, мы все равно его не спасем, если же нет, то он и так уйдет из пасти лютого врага.

Позвали боярина, и Захар встал, чтобы огласить ответ общины. Со смертельной тревогой в сердце смотрела на него Мирослава: она, бедняжка, все еще надеялась, что тухольцы захотят выкупить Максима.

— Умно, конечно, по-своему умно расхваливал ты нам, боярин, замирение со своим начальником. Мы и не удивляемся тебе: твоя обязанность была так говорить, во всем исполняя волю того, кому служишь. Послушай же теперь, что скажет на то наш холопский, общинный ум. Если бы разговор шел только между мной и твоим бегальцем, я бы с радостью отдал ему все, что имею, даже свою старую голову, за освобождение сына. Но ты предлагаешь нам неравный обмен, который выгоден только мне самому, моему роду, но пагубен не только для нашей общины, но и для всех тех общин, через которые вы пройдете. Можно ли так меняться? Какая корысть горцам и загорянам в моем сыне? А выпустив вас из этой долины, мы выпустим гибель на эти сосед-

ние, союзные нам общины. Мы обязались защищать их от вашего нападения, и за это они прислали нам свою помощь — пятьсот отважных молодцов. Долг наш — держаться здесь до последней минуты, мы так и сделаем. Быть может бог судил вам победу, и нам не удастся вас обновить; но знайте, что только через труп последнего тухольца вы сможете выйти из этой долины. Впрочем кто знает, может быть, победа суждена нам, и тогда помните и вы, что, войдя в нашу долину, вы вошли в свою могилу, из которой даже трупы ваши никогда не выберутся. Либо мы все погибнем, либо вы, — другого выбора нет.

Лицо Захара пылало таким огнем при этих словах, что боярин, засмотревшись на высокого старца с простертой вперед рукою, не мог найти никакого ответа.

Он видел, что здесь тщетна всякая дальнейшая болтовня, а потому молча повернулся и ушел обратно в свою сторону. Мертвая тишина воцарилась в собрании, только огонь трещал да звучал непрерывный перестук топоров, мастеривших убийственные для монголов орудия.

— Отец! — закричала вдруг с болью Мирослава, — отец, вернись! — И она побежала за ним и схватила его за руку; дочерняя любовь еще раз заговорила в ее сердце могучим голосом. — Вернись, отец! Остайся здесь, среди своих! Стань с ними против врагов, как брат с братьями, и они простят тебе прошлое! А там, на что ты можешь там надеяться? Они предадут тебя, усыпляя обещаниями, и зарежут! Отец, не ходи больше к монголам, там тебя ждет смерть!

Боярин как будто заколебался, но лишь на

минуту. Потом он прижал Мирославу к груди и сказал тихо, полусурово, полуласково:

Глупая девушка, не время еще мне! Не вся еще надежда у монголов пропала. Надо пользоваться тем, что у тебя в руках. Ну, а уж если там не удастся...

— Нет, отец, — прошептала сквозь слезы Мирослава, — оставь эти мысли! Кто знает, быть может, тогда будет поздно!

— Не бойся, не будет поздно. Оставайся тут и братайся с тухольцами, коли хочешь, а я должен идти туда. Не забывай, девушка, что там... тот... твой Максим, и кто знает, быть может, мы еще пригодимся друг другу. Будь здорова!

Тугар Волк исчез в перелеске, спеша по дорожке к обрыву, чтобы по его склону сойти в монгольский лагерь. У костра он снова осмотрел почти уже готовую катапульту, попробовал веревку и, покачав головою, буркнул: «слаба», а потом провожаемый тухольской стражей, спустился по узкой косо́й тропинке в долину.

Тем временем на «Ясной поляне» было тихо, грустно, тягостно, словно посреди совета лежал дорогой всем мертвец. Только Мирослава всхлипывала громко, отирая частые слезы, катящиеся по ее лицу. Наконец, она приблизилась к Захару и сказала:

— Отец, что ты сделал?

— То, что должен был сделать. Иначе было бы нечестно, — ответил Захар.

— Но твой сын, твой сын! Что с ним будет?

— Что бог даст, дочка. Но, довольно, не плачь. Пора нам думать о деле. Вот уже и Воз'клонится к западу и глухари кричат в чаще, утро близко. Ну, братья, надо приступить к защите,

---

1 Созвездие Большой Медведицы.

нет, к нападению, к последней борьбе с захватчиками. Помните, какой ответ я им дал. Идем и пусть никто не остается без дела! И старые, и малые — все пригодятся. Покажем этим дикарям что может сделать община!

С шумом поднялись старики и повалили «Ясной поляны» к обрывам осматривать работы мастеров — катапульты. Машины почти всюду уже стояли готовые, грубо сработанные из сырых бревен; впрочем, ведь и строили их ненадолго, а для временной надобности. Но не для осмотра машин поднял Захар своих тухольцев. Задержавшись на минуту у катапульт, они двинулись дальше над обрывом к тому месту, где тухольский поток по ущелью вытекал из долины и где стоял огромный каменный столб, четырехгранный, толстый, и наклоненный над потоком — тухольский Сторож. Туда, предводимая Захаром и Мирославой, спешила вся тухольская община: молодцы несли на плечах длинные толстые бревна и лестницы, девушки — огромные венки из листьев и пихтовых веток, старшие тащили связки канатов и веревок. Огни в этой стороне были погашены, чтобы враг раньше времени не заметил, что тут делается. Медленно, осторожно, без шума, как тихая вода, начала община спускаться по крутым дорожкам в долину. Впереди шел сильный отряд вооруженной молодежи, который выстроился в три плотных ряда поперек долины лицом к монгольскому лагерю, всего в тысячу шагов от него. За ними шли молодцы с лестницами и канатами: лестницы приставили к обрывам, и по ним бревна были легко спущены в долину. Девушки передали свои венки молодцам, чтобы не спускаться самим в долину, где каждую минуту мог появиться враг. Напоследок сошли вниз и старики, во главе с Захаром Берку

том, и, осмотрев, хорошо ли поставлены вооруженные люди и все приспособления, поспешили в ущелье, сквозь которое с шумом катил свой чистый волны тухольский поток.

Захар остановился перед Сторожем и стал внимательно вглядываться в него. Тихо было вокруг. Захар молился:

— Великий Сторож! Ты, которого деда наши считали своим покровителем, которого и мы чествовали донине ежегодными праздниками! Три раза уже, из ночи в ночь, являлось мне во снах, будто ты падаешь и придавливаешь меня собою. Я верю, что ты добр и милостив, и если ты зовешь меня к себе, то я радуюсь твоему призыву и с улыбкой пойду за тобою. Но если ты и сам хочешь сдвинуться со своего вековечного места, то разбей, господи, своей тяжестью поганого врага, детей Морзны, покрывших ныне снова твое благословенное владение, тухольскую долину! Сломив второй раз поганую силу, как сломил ты ее в первый раз, когда могучей рукой разбил эту каменную стену, и открыл водам путь, и даровал людям эту прекрасную долину! Запруди ее теперь снова, и да погибнет вражья сила, что так жестоко надругалась над нами!

В этот миг огненная молния с юга на север разодрала темное небо, и далеко в горах загрохотал гром.

— Так, это твой могучий голос! — сказал радостно Захар. — А ну, дети, увенчайте в последний раз этот святой камень.

Четыре молодца взобрались по лестнице на камень и обвили его вершину зелеными венками. И вновь загремело на юге.

— Воля его, дети! — сказал Захар. — Обвивайте его канатами! А вы, живо за лопаты! Подка-

пывайте его, подкладывайте рычаги! Живо, д
ти, живо!

Тихо, без шума работали около камня десять
рук. Сверху его обвязали канатами, внизу под
ли его основу и в трещину, показавшуюся на
большой глубине, заложили наискось бревна, п
помощи которых люди должны были опрокину
камень так, чтобы он лег поперек ущелья. Лов
кие молодцы быстро закончили все необходим
приготовления, убрали лестницы и подложи
под бревна большие камни.

— Беритесь за канаты, все, кто может достать
Молодцы, к рычагам! — приказал Захар, и сраз
сотни рук взялись за дело.

— Дружно! — крикнул Захар. — Тяните, жми
те!

Ухнул с натуги народ, затрещали толстые
бревна, но камень не пошатнулся..

— Еще! Крепче нажмите! — Захар и сам взял
ся за канат. Зашатался громадный камень.

— Двинулся! Двинулся! Подается! — закри
чал радостно народ.

— Еще раз налягте, изо всей силы!

Еще раз ухнул народ, и вдруг ослабело напря
жение канатов, огромный камень сдвинулся с
своего основания и, покачнувшись в воздухе, с
глухим грохотом упал поперек потока в ущелье.
Застонала и содрогнулась тухольская долина от
страшного удара, далеко жемчужными каплями
разлетелась вода потока, и радостным громким
криком наполнили воздух тухольцы. Шевельну
лось в своем лагере сонное монгольское войско,
засуетилась стража, зашумели начальники, зазве
нело оружие, но через несколько минут все
стихло. Монголы ожидали нападения и стояли
готовые к обороне. Но тухольцы и не думали

наступать на них. Они готовили совсем иное падение.

Захар быстро оценил положение поваленного камня. Камень упал так верно, точно испокон веков был предназначен для этого. Острыми краями он зацепился за выступающие углы обрывов, образовавших ущелье, а всей своей массой лег поперек потока. Правда, поток он не запрудил—русло было глубже, но тухольские молодцы уже передвигали каменные глыбы и очищали дно потока от ила и гальки, чтобы плотно замуровать русло. Другие тем временем клали глыбы с другой стороны, за камнем, в ущельи, возводя таким образом стену, примерно, в три сажени толщиной. Эта стена, да еще с огромной скалой в основании, могла выдержать самый сильный напор воды.

— Живо, дети! — подгонял Захар, стоя над потоком и помогая работе то советами, то руками. — Загораживайте, замыкайте поток, пока еще вода не прибыла. В горах нынче прошли большие дожди, скоро прибудет полая вода, тогда труднее будет работать. А стену надо вывести высокую, с этими обрывами вровень; посмотрим, посмотрим, как справится сила Чингиз-хана с силою воды.

Работа спорилась. Вскоре плотина была совсем замурована. Гневно закрутилась водоворотом вспененная вода, словно не понимая, зачем сдерживают ее бег. Свирепо ударила волна в огромный камень, бросилась было подгрызать нижние, уложенные на дне плиты, искать между ними прохода, но все было напрасно, всюду камень и камень, плотно сжатый и сбитый в одну несокрушимую стену. Заклокотала вода. Дрогнула всей своей массой и стала, спокойная с виду, но с гневом, затаенным в хрустальной глубине. Как

тур, готовясь к нападению, станет и склонит голову вниз, пригнет рога к земле и затихнет, чтобы потом разом рвануться из этой униженной позы и броситься изо всей силы на противника, так, не привычная к оковам, вода тухольского потока на мгновение затихла, словно ленясь, задремала в пологих своих берегах, тем временем набираясь силы и смелости для нового решительного натиска, пока только тихонько упираясь в стену, как будто испытывая силу своих плеч, пробуя, не сможет ли отодвинуть поставленную ей так неожиданно преграду. Но нет, преграда стояла на месте, холодная, гладкая, гордая в своей неподвижности, неодолимая. Ловкие руки тухольцев все более укрепляли ее, наваливая камни на камни, плиты на плиты, спаивая их липкой непромокаемой глиной. Как новая, всемогущей волей воздвигнутая скала, поднималась каменная плотина все выше и выше под руками тухольцев. Вооруженные молодцы уже оставили свои места в долине лицом к монгольскому лагерю, сменив луки и топоры на крючья и молотки для обтесывания камня. Радостно глядел Захар на их работу, и в глазах его светилась уверенность в победе.

А между тем на востоке, над монгольским лагерем, кровавым заревом разгорались облака. Светало. Розовый свет залил высокий шпиль Зелеменя и опускался все ниже. Потом облака расступились, и медленно, как будто боязливо выкатилось на небо солнце и глянуло на занятые своим делом тухольцев. Полный искренней радости, посмотрел Захар на восток и, протянув руки, произнес торжественным голосом:

— Солнце, великий пресветлый властитель мира! Извечный покровитель всех добрых и чистых душою! Взгляни на нас! Мы поруганы диким

Врагом, он разрушил наши дома, разорил наш край, вырезал тысячи людей. Во имя твое вышли мы с ним на смертный бой и твоим светом клянемся, что не отступим до последней минуты, до последнего нашего вздоха! Помоги нам в этой страшной битве! Придай нам твердости и умения, и да не устранимся мы их множества, и да уверимся в нашей силе! Помоги нам единством, согласием и разумом победить разорителей наших! Солнце, я поклоняюсь тебе, как когда наши поклонялись, и молю тебя всем сердцем: даруй нам победу!

Он умолк. Слова его, пылкие, могучие, дрожали еще в свежем утреннем воздухе. Слушали их не только тухольцы. Слушали их горы и переносили эхо этих слов с тропы на тропу. Слушала их зажатая волна потока и, точно решив, наконец, что ей делать, оставила в покое каменную плотину и повернула вспять.

VIII

Все время, пока боярин выполнял свое неудавшееся посольство, Максим просидел в его шатре, он прислушивался, раздумывая, что ему делать. Короткая встреча с Мирославой была светлым мигом во мгле его плена. Слова любимой, ее взгляд, прикосновение ее руки, известия, которые она принесла, все это словно подняло его из темного гроба, вернуло ему жизнь. Он чувствовал, как возвращалась к нему прежняя отвага и надежда на спасение. Спокойно, но с ясными мыслями дожидался он боярина.

— Так ты тут? — воскликнул боярин, входя в шатер. — Бедный хлопец, напрасно я заботился о твоём освобождении: Упрям твой старик! Хотя и седой, а ребенок.

— А разве я не говорил тебе, боярин, что прасны твои хлопоты? — ответил Максим. — что же все-таки сказал мой отец?

— Сказал, что будут биться до последнего вздоха. Либо мы, говорит, все поляжем, либо вы.

— Отец на ветер слов не бросает, боярин.

— Я уж и то вижу, что он, хоть и в малом, говорит правду, — молвил неохотно боярин. — Но что же делать, все-таки борьба тухольцев с монголами неравная. Сила солому ломит, что ни говори!

— Э, боярин! Есть способы и против силы.

— Видел я эти способы! Моя дочка, безумная голова, — околдовал ты ее, что и говорить, — научила их строить катапульты. Будет у нас тут завтра каменный град, только не очень опасный, — не сумели ваши мастера пружины как следует сплести.

— А кроме катапульт, думаешь, нет больше способов?

— Не знаю, кажется нет. А впрочем, ждем недолго, утром увидим. Только горе мне с Бурундой, пристал с ножом к горлу: ищи да ищи способ, чтобы завтра утром вывести отсюда войско без боя и потери времени. А тут тухольцы уперлись, как козлы рогами. Ну, а я что могу сделать? Раз нельзя, так нельзя!

— Нет, боярин, не говори так! Пока ты в руках монголов, — так же, как и я, — ты должен исполнять их волю.

— Но что же я могу сделать?

— Я, быть может, пригожусь тебе, боярин. Я благодарен тебе за твое сегодняшнее милосердие. Если хочешь, я послужу тебе.

— Ты? Мне? — воскликнул пораженный боярин. — Что же ты можешь для меня сделать?

— Я знаю тропу из этой котловины, безопасную, но скрытую, о которой не знает никто в Тухле, кроме отца и меня. Эту тропу не стерегут. По ней можно пробраться с отрядом монголов наверх и захватить вывоз, а тогда легко уже будет развалить засеки и вывести войско.

Боярин не поверил своим ушам. «Неужели это может быть?» — мелькнуло у него в голове, но сейчас же что-то защемило в сердце. Как ни ненавидел он Максима, но ему нравилась рыцарская твердость и непреклонность юноши; и вот теперь, когда он услышал из уст такое неожиданное предложение пленника, ему показалось, что в его сердце обрывается что-то глубокое и святое, обрывается последняя нить веры в честность и постоянство людей.

— Максим, — крикнул он, — что ты говоришь? Как тебе могла прийти в голову такая мысль?

— А что ж, боярин, — ответил полупечально, полунасмешливо Максим, — ты ведь сам сказал, что сила солому ломит.

— Но ты, ты, который недавно клялся, что лучше умереть, чем пойти на измену?

— Что же делать, — молвил снова Максим, — если нельзя сдержать клятву, так нельзя.

— И ты, изменник, смеешь думать, что моя дочка будет любить тебя? — воскликнул гневно боярин.

— Боярин, — ответил горько Максим, — не вспоминай о ней.

— Ага, это тебя уколело! — обрадовался боярин, — видно, я правду говорю.

— Кто знает, боярин, кто знает! Время военное, а война учит хитрости. А что, если...

— Если что? Почему не договариваешь? — крикнул Тугар Волк.

— Ничего, ничего! Я только еще раз спрашиваю: принимаешь ли ты мое предложение?

— Значит, ты соглашаешься вести монголов против тухольцев?

— Если только это будет возможно...

— Как это, если будет возможно? Ты хочешь оказать, если тропа не охраняется?

— Нет, я ручаюсь, что тропа не охраняется; что мы пройдем среди бела дня незамеченными, если только не будет какой-нибудь помехи.

— А какая же еще может быть помеха?

— Я... не знаю...

— Но если так, то нечего медлить. Идем к Бурунде.

— Иди один, боярин, и передай ему то, что тебе сказал. О помехе не стоит говорить, я ручаюсь, что ни тухольцы, ни какие другие вооруженные люди нас не задержат, а иные препятствия, верно, не испугают ваших смельчаков.

— Пусть будет так, — согласился Тугар Волк.

— И попроси его, чтобы приказал меня расковать, в цепях я не могу идти.

— Ну, разумеется, — сказал боярин и отправился к Бурунде, стараясь по дороге разобраться в происшедшем.

Какие тревожные, какие страшные минуты пережил Максим за то время, пока боярин ходил извещать Бурунду об его намерении. Схватившись за голову, сидел он в страшной нерешимости, ловил ухом каждый легчайший шелест: точно ждал прихода кого-то, самого дорогого его сердцу. Он весь дрожал, будто в лихорадке и стучал зубами, как на холоду. Но волны катились тихо, спокойно, лениво, и каждая из них, словно острыми медвежьими когтями вливалась в его сердце. Что, если не произойдет того, о чем сообщила ему Мирослава, а боярин будет

взстаивать, чтобы он выполнил свое обещание? Понятно, смерти ему не миновать, к смерти он готов давно, — но умирать, не сдержав слова перед человеком, который на это слово положился, чья будущность, а может быть, и жизнь в этом слове, умирать предателем, хотя бы только в глазах предателя, — это страшно, это мука, это горше самой смерти. Но и смерть была ему теперь, после свидания с Мирославой, гораздо страшнее, чем за час до того, когда он сидел на улице и неподвижно смотрел на гибель родной хаты, задыхаясь в дыму пожара... Но что это? Задрожала земля, и ужасный грохот потряс воздух. Шум поднялся в лагере, крик, звон оружия, — что случилось? Максим вскочил и хлопнул в ладоши так, что зазвенели его цепи. Радость, радость! Это — тухольцы! Это они строят преграду, которая остановит монголов и не даст ему стать предателем!.. Теперь он может умереть спокойно, — он даже перед врагом не нарушит своего слова. Сердце его билось живо, громко, — он не мог усидеть на месте и стал ходить по шатру. Гомон в лагере стал затихать, и в эту минуту в шатер вбежал боярин. Лицо его сияло радостью и довольством.

— Максим, — сказал он весело, — в пору пришлось твое предложение. Оно выручило меня из великой беды. Ты слышал грохот? Хитры твои тухольцы: они строят засеки и позади нас. Скорее иди к начальнику, он уже собирает отряд, который пойдет с тобою. Нам надо скорее выбраться отсюда, здесь небезопасно.

Как острые пожи, вонзились в сердце Максима эти слова. Ему во что бы то ни стало надо было задержать поход до той минуты, когда он станет невозможным.

— С каких пор, боярин, вы стали бояться хо-

лопских засеков? Я не думаю, чтобы монголы грозила так скоро опасность. Пускай себе ту-хольцы забавляются засеками, мы их живо выгоним оттуда. А торопиться нам нечего, — видишь, еще не рассвело. А пока не станет светло, до тех пор и выхода, о котором я говорил, не найдем.

— Что же это за выход такой, который можно найти только при свете?

— Слушай, боярин, что это за выход. В нашем огороде под слоем земли лежит большая плита. Надо найти это место, откопать и отвалить плиту, под ней тесный проход между подземными скалами, который выведет нас на самый верх на «Ясную поляну», туда, где ты недавно видел моего отца.

— Ну, так чего же тут ждать? Пойдем сейчас и поищем! — вскричал боярин.

— Хорошо тебе говорить, боярин, только ты забыл, что село сгорело, плетни и дома наши выгорели дотла, знак, по которому можно было узнать это место, тоже сгорел, так что в темноте я никак не смогу его найти. И, опять скажу, чего торопиться, если ход наш безопасен и среди белого дня?

— Ну, пусть будет по-твоему, — сказал, наконец, боярин. — Пойду передам об этом Бурунду, и тотчас пришлю людей расковать тебя. Только ты все же останешься под стражей, потому что, скажу тебе правду, ни Бурунда, ни я не доверяем тебе, и если окажется, что ты обманываешь нас, будь уверен — смерти не минуешь.

— Я это давно знаю, боярин, — сказал бесечно Максим.

Снова ушел боярин, и вскоре вошли два монгольских кузнеца, расковали пленника и сняли с него тяжелые цепи. Максим словно вновь на

свет родился, так легко стало ему без пут, которые почти сутки давили ему не только тело, а как будто и самую душу. С легким сердцем и полный надежд пошел он в сопровождении монголов к шатру Бурунды. Бурунда смерил его с ног до головы своими грозными, дикими очами и сказал через толмача (эту услугу на сей раз оказывал им обоим Тугар Волк):

— Раб, я слышал, что тебе известен выход из этой долины?

— Известен, — ответил Максим.

— И ты готов показать его нам?

— Готов.

— Какую плату ожидаешь за это?

— Никакой.

— Для чего же ты делаешь это?

— По доброй воле.

— Где этот выход?

— В огороде моего отца.

— Можешь сейчас его найти?

— Не могу. Там все сгорело, а выход зарыл глубоко в земле. Когда рассветет, — найду.

— Уже светает. Иди, ищи! И слушай, что я тебе скажу. Если говоришь правду, если найдешь выход, — будешь свободен и награду получишь. Если обманешь нас пустыми словами, — погибнешь в страшных мучениях.

— Полагаюсь на твое слово, великий бегалдыр, — сказал Максим, — полагайся и ты на мое слово!

— Иди же ищи выход. Вот тебе помощники. Я сам иду с тобою.

Как медленно, осторожно шел Максим! Как старательно оглядывал каждый уголок, каждый камешек, как будто стараясь вызвать в памяти приметы местности, измененной вчерашним пожаром! До огорода его отца было еще далеко,

а он уже несколько раз останавливался, прилепая к земле, стучал, разгребал, но смотрел все вперед, на поток, откуда должна была прийти к нему помощь. С медлительностью улитки провиглялся отряд. Бурунда начинал уже терять терпение.

— Не гневайся, великий бегадыр, — сказал Максим. — Вчерашний пожар замел все следы человеческой жизни в этой долине. Трудно мне сразу осмотреться. Вот сейчас придем на огород моего отца.

Максим еще раз взглянул на поток. Слава тебе господи! Берега уже полнехоньки, еще минута — и вода разольется по долине! Ба, пониже села, перед ущельем уже видны широкие протоки и пруды, красные, как кровь, от багрянца восходящего солнца. Ну, значит, можно! Быстро привел Максим монголов на отцовский огород, быстро нашел место, где земля глухо гудела. Бурунда, дрожа от нетерпения, приказал монголам копать. Только теперь он отглянулся вокруг и увидел разлившуюся по равнине воду.

— Га, это еще что? — воскликнул он, охваченный неясной тревогой.

Тугар Волк задрожал. Только Максим стоял спокойный и беззаботный.

— Ничего, бегадыр! Этой ночью в горах прошли дожди, а после каждого ливня наш поток выходит из берегов. Это ничего. Сюда вода никогда не доходит.

— Ну, коли так, копайте дальше, — сказал Бурунда, превозмогая тревогу.

Максим говорил неправду. Вода все шире разливалась по долине, и только несведущие и запуганные монголы могли не сообразить, что это не паводок, что вода в потоке совершенно чи-

тая, что она не течет вперед, не шумит, а только подымается и выходит из берегов.

Дело двигалось медленно, хотя монголы трудились изо всех сил. Но вот и в самом деле лопаты застучали обо что-то твердое. Плита! Но плита оказалась широкой, шире вырытой монголами ямы. Пришлось расширять яму, чтобы вынуть или разбить плиту. Максим тревожным взглядом следил за подъемом воды. Вся часть долины ниже села была уже залита. Валом катилась вода вверх по долине, в направлении, противоположном ее обычному пути. Вот уже в монгольском лагере раздались страшные крики. Поток выступил из берегов и тысячами ручьев разлился по лагерю.

— Раб, что это значит? — кричал Бурунда.

— Что ж, бегадыр, — ответил Максим, — видно, большая туча пролилась в горах, и речушка разливается шире, чем обычно. Неужели вы боитесь лужи, которая вам по щиколотки. Разбейте плиту! — крикнул он монголам, — пусть видит великий бегадыр, что я его не обманываю!

Загремели о плиту монгольские топоры, но плита была толстая и крепкая, разбить ее было трудно!

— Бейте крепче! — кричал Бурунда. Он был уже не в силах сдерживать свою тревогу при виде воды, заливающей большую часть тухольской долины и катящейся валом прямо на них. Но плита была тухольской породы и сопротивлялась до последней возможности. Однако она лопнула; еще один сильный удар, и она, разбитая на куски, провалилась вниз, а вместе с нею провалились и стоявшие на ней монголы. Открылось темное устье подземного хода.

— Видишь, бегадыр! Скажи сам, обманул ли я тебя?

Но Бурунда не очень был обрадован открытием. Валом набежала вода и захлопала ног монголов. Еще миг, и с веселым плеском о полилась в открытую яму.

— Задержать воду, задержать воду! — закричал Бурунда, и монголы бросились запружива воду вокруг ямы. Но было уже поздно. Вода покрыла землю, глина размякла и расплывалась грязью, такая запруда не могла остановить воду, которая все сильнее со всех сторон лилась в яму, пока, наконец, не наполнила ее до краев. Остолбенев, стояли над ямой монголы и смотрели, как вода заливала последний для них выход из долины.

— Раб! — сказал Бурунда Максиму, — таков твой выход?

— Бегадыр, могу ли я приказывать водам, ответил Максим.

Бурунда промолчал, глядя на воду, которая поднималась все выше и выше. Она гладко зеркалом искрилась уже по всей долине, только кое-где выглядывали из-под нее, как островки, не залитые еще пригорки. В монгольском лагере началось замешательство, хотя вода едва ей доходила монголам до щиколоток.

— Бегадыр, — сказал Максим Бурунде, видя что тот собирается возвращаться в шатер, — напомню тебе твое слово. Ты сказал, что когда я покажу тебе выход, ты освободишь меня. Я показал тебе выход.

— Но выход обманул меня. Тогда освободи когда все мы выйдем из этой долины, не раньше!

И Бурунда пошел наводить порядок в своем расстроенном воинстве. За ним двинулась и его дружина.

Монгольское войско стояло длинными рядами

то щиколотки в воде, хмурое и беспомощное. Как ни мелка была вода, но она покрыла уже всю долину, гладкая, прозрачная, как блестящее, расплавленное стекло, а водопад, который, подобно светлому столбу, стоял над водным пространством, все доливал и доливал озеро новой водой. Это пугало монголов. Стоять на месте было уже невозможно. Самая тревога, самое присутствие опасности побуждало людей к какому-то делу, пусть даже и бесполезному, к какому-то движению. Конечно, надо было что-то предпринять, попытаться счастья, иначе — Бурунда это хорошо понимал — все это множество людей рассеется, разбежится, гонимое собственной тревогой. Бурунда приказал всему войску собраться вместе, сбиться в плотные полки.

— Мужики вы или коты, что так боитесь нескольких капель воды? Такие ли реки мы преодолели? Что этот поток, по сравнению с Янком и Волгой, и Доном и Днепром? Не бойтесь, вода, доходящая до щиколоток, вас не затопит! Не думайте о потерях! Победа должна быть нашей!

Так крикнул Бурунда и пошел вперед. Монгольское войско двинулось за ним, бредя по воде с громким плеском, от которого гудели горы и стонали леса. Но за сто шагов до вывоза монголов встретил убийственный град камней, сброшенный катапультами. Большие валуны, острые камни и речная галька, — все это валилось на плотные полчища монголов, дробило кости, разбивало головы. Кровью окрасилась вода под ногами монголов. Не внимая крикам Бурунды, войско рассыпалось, большая часть подалась назад, туда, куда не долетали камни. Наконец, и сам Бурунда с остатками своих храбрейших туркменов должен был отступить, — град кам-

ней все усиливался, а монгольские стрелы приносили тухольцам никакого вреда.

Тугар Волк бросил внимательный взгляд на расположение врага и увидел, что подле самой большой катапульты, которая непрерывно метала в монголов то тяжелые глыбы, то целые груды мелкого камня, стояла среди пожилых тухольцев его дочка Мирослава и управляла всеми движениями этой страшной машины. Максим давно уже не сводил с Мирославы глаз. Как он был бы рад стоять теперь рядом с нею, слушать ее смелые разумные приказы и поражать врага! Но нет, ему суждено иное! Вот он стоит один среди врагов, правда, без цепей, но все же безоружным невольником, и мечтает только о том, чтобы камень, сброшенный ее рукою, пресек его жизнь и его муку.

Тугар Волк дернул пленника за рукав.

— Будет любоваться, — сказал он. — С ума сошла моя дочка, гляди, что вытворяет! Круто нам приходится. И часто у вас бывают такие паводки?

— Такие? Никогда.

— Как, никогда?

— А так, потому что это не паводок. Сам видишь, боярин, вода чистая.

— Не паводок? А что же?

— Ужели ты еще не догадался? Тухольцы запрудили поток, чтобы залить водою всю долину.

— Запрудили! — вскрикнул боярин. — Значит..

— Значит, вода будет все прибывать, пока..

— Пока что?

— Пока всех нас не затопит. Вот что!

Боярин ударил себя кулаком по лбу.

— И ты знал это наперед?

— Знал, от твоей дочери. Это, боярин, мой отец придумал.

— Проклятье! Почему же ты не сказал мне этого раньше.

— Зачем?

— Мы бы хоть оба спаслись.

— Это еще успеется! — сказал спокойно Максим. — Только давай держаться вместе, и, ежели что, не давай меня, боярин, безоружного, в обиду.

— Согласен, — сказал боярин, — только что же нам делать?

— Пока еще бояться нечего, — ответил Максим. — Поток мал, а долина широка, вода прибывает очень медленно. Но так будет недолго. Не пройдет и получаса, как с гор хлынет настоящий паводок и быстро заполнит всю долину. К вечеру вода подыметя выше самого высокого человека. И нам надо непременно продержаться до этого времени. Пока монголы живы, они не выпустят нас из своих рук.

— Но до тех пор они могут нас зарубить.

— Не бойся, боярин. Человек в опасности становится смирным, думает о себе, а не о смерти других; надо только найти безопасное убежище, где бы вода не затопила нас, когда нахлынет паводок.

За время этого разговора, монголы отступили от берега и стояли в воде, не зная, что делать. Вода достигала им уже до колен. Бурунда сердито смотрел на неожиданного врага, который не боялся ни его гневного голоса, ни богатырской руки. Бегадыр топтал его ногами, плевал в него, ругал его последними словами, но враг тихо плескался, катил свои легкие волны и поднимался все выше и выше. Он уже достигал монголам до колен, затруднял движение, отбивал охоту драться, ослаблял дисциплину. Что это могло значить? Неужели вода долго еще будет

подниматься? Когда она дойдет до пояса, всем скам будет трудно передвигаться и тухольцев своими камнями перестреляют их, как уток! Но вода была еще чистая, прозрачная, и только там где бродили монголы, стояли широкие грязные лужи.

Тугар Волк приблизился к Бурунде.

— Великий бегадыр, — сказал он, — мы большой опасности.

— Говори! — грозно приказал Бурунда.

— Эта вода не спадет: враги запрудили поток, чтобы утопить в долине все монгольское войско.

— Га! — вскричал Бурунда, — и ты, поганый раб, смеешь мне это говорить, ты, который привел нас в эту западню?

— Подумай, великий бегадыр, не мог же я ради предательства заманить вас сюда. — ведь то, что грозит вам, грозит и мне.

— О, я тебя знаю! Ты сегодня ночью ходил к ним продавать монголов.

— Если бы я ходил за этим, то неужели ты думаешь, бегадыр, что, зная о гибели монголов, я вернулся бы погибать вместе с ними?

Бурунда немного успокоился.

— Что же нам делать? — спросил он. — Неужели так и погибать?

— Нет, надо обороняться. Еще немного, бегадыр, с гор примчится паводок и заполнит быстро всю долину. Прежде всего надо бороться с ним.

— Но как?

— Вели войску, пока вода прозрачна, собирать со дна камни и складывать их в кучи, чтобы подняться над поверхностью воды. Стоя на них, мы сможем оборониться и от воды и от тухольцев.

Не раздумывая, Бурунда дал войску приказ собирать камни и складывать из них кучи для каждого отряда. Такой приказ, не грозивший никакой опасностью, понравился монголам. Надежда стоять на сухом месте, а не бродить по колена в воде придала им бодрости. С радостным криком они рассыпались по долине, собирая камни и складывая их в кучи. Тухольцы, стоя на стенах вокруг озера, хохотали, глядя на эту работу.

— Сюда, сюда, — кричали они монголам.

— У нас камней хватит, всех вас оделим!

Но стоило монголам приблизиться к стене, как скрипела машина, и камни со свистом летели на несчастных, которые пытались укрыться в воде, падали, но убежать не могли. Волей неволей монголам приходилось держаться посредине долины, подальше от тухольских катапульта. Бурунда сходил с ума от злобы, слыша насмешки тухольцев.

— Нет, так дальше нельзя! — закричал он. — Гей, ко мне, мои верные туркмены!

Храбрейший отряд монгольского войска собрался вокруг него. Молодцы — что дубы, что те степные тигры, шкурами которых были покрыты их плечи. Он направил их против отряда тухольцев, расположенного впереди других, на остром изрезанном обрыве. Небольшая группа тухольцев стояла там около новой катапульты.

Бейте их отравленными стрелами! — крикнул Бурунда. Как шершни, зажужжали в воздухе страшные стрелы. Вскрикнули раненые тухольцы и смешались, а монголы с радостным криком продвинулись вперед.

— Не давайте им собраться! — крикнул Бурунда. — Не позволяйте бросать камни! Тут мы сможем укрепиться.

И он разделил свой отряд на две половины: одна должна была непрестанно стрелять во врага, а другая — нагромождать в кучу камни для охраны от воды. Тугар Волк и Максим, которого Бурунда не отпускал от себя, тоже принялись за работу; таскали камни и сбрасывали их в кучу. Но работать становилось все труднее. Вода доходила уже до пояса. Уже нехватало камней, а куча не поднялась еще до поверхности воды. Бурунда командовал лучниками. Десять тухольцев были ранены; они корчились, умирая от змеиного яда, попавшего им в кровь. Против этих ран бессильны были даже лекарства Захара Беркута.

— Оставьте, дети, это место! — сказал Захар. — Пусть он стоит себе тут перед отвесной скалой. Выбраться наверх он не может, к тому же еще по колена в воде!

Тухольцы ушли. Обрадованные, бродили монголы в воде, разыскивая камни. Но камней больше не было.

— Довольно возиться с камнями! — сказал Бурунда. — Стрелки, влезайте на кучу и стреляйте в холопов! Остальные за мною! Мы должны занять этот выступ и взобраться наверх по стене, если бы даже само небо валилось на нас! Ты, раб, иди со мною! Показывай дорогу.

— Бегадыр, — сказал Максим через Тугар Волка; — туда не к чему лезть, там нет дороги наверх.

— Должна быть! — воскликнул Бурунда бросился в воду, сопровождаемый туркменами. Грунт в том месте был неровный. Монголы скользили, падали, вода, колеблемая ветром, была большими волнами об отвесные скалы и затрудняла им путь. От кучи камней до берега было не больше двухсот шагов, но потребовалось

лось не менее получаса, чтобы пройти это расстояние. Под самой скалой было глубже, вода доходила там почти до подмышек, а тропинки вверх не было. С соседних тухольских становищ в смельчаков полетели камни, и хотя большая часть их ударялась о скалу или падала в воду, но все же положение Бурунды в этом месте было невыгодным.

— Может быть, твои молодцы умеют хорошо лазить, — издевался Максим, — пусть попробуют влезть по стене.

Но никто из туркменов, жителей стени, не умел лазить по обрывистым каменным откосам.

— Коли так, — сказал Максим, — то позволь, бегадыр, я влезу первым и покажу вам дорогу!

Но Бурунда уже не слушал его, занятый каким-то новым планом. Он снова разделил свою дружину: одну часть оставил на захваченной позиции, под защитой скалы, а с другой частью в сопровождении Максима и Тугара Волка, пошел дальше, искать более удобного места. Но как только их отряд, бредя по пояс в воде, показался из-за прикрытия, сверху из тухольских машин разом полетели в них камни. Почти половина отряда тут же погибла, остальные должны были отступить.

— Вернемся в безопасное место, бегадыр, — сказал Тугар Волк. — Ты слышишь шум и крик в долине, должно быть, приближается паводок.

Боярин сказал правду. Все усиливавшийся шум, от которого содрогалась земля, возвещал о том, что паводок был уже близко. Мутным валом катились от водопада огромные волны; поверхность широкого озера заволновалась и покрылась пеной. Вместо чистого спокойного зеркала бушевали теперь свирепые валы, с шипением крутились водовороты, качалось и би-

лось о каменные берега бушующее море. Страшно было теперь смотреть на долину! Тут и там, как черные острова, торчали из воды толпы монголов. Ни следа не осталось от военной дисциплины. Как полова, развеянная буйным ветром, рассеялось по долине монгольское войско, борясь с волнами, куда-то с трудом пробираясь, крича и проклиная. Никто никого больше не слушал, никто ни о ком не заботился. Одни стояли на кучах камней, счастливые тем, что хотя бы на время защищены от напора воды. Другие погружались в пучину по грудь, по шею, опираясь на свои копыта или размахивая руками. Большинство побросало луки, которые, как солома, кружились в омутах. Некоторые скинули в воду полушубки, желая хоть чем-нибудь облегчить себя, хотя и стучали зубами от холода. Те, кто был пониже ростом, цеплялись за высоких и валили их с ног, копошась и барахтаясь вместе с ними в мутной воде. Иные пускались влявль, не зная, впрочем, куда и зачем плыть, так как приткнуться им было негде. На камнях, набросанных посреди поля в последнюю минуту, могло поместиться только очень небольшое количество счастливых, и они были окружены смертельной завистью и безумными проклятиями утопавших. Вокруг каждой кучи теснились тысячи людей, озверевших, ревуших, домогающихся возможности стать на безопасное место. Напрасно те, что стояли на камнях, кричали, что куча не может вместить всех, что кому-то надо же будет погибнуть, — никто не хотел погибать, все старались взобраться на камни. Те, что стояли на кучах, вынужденные были обороняться от этого напора, не желали умирать. Застучали молоты и топоры монгольские по рукам и черепам самих же монголов.

Браг забыл брата в эту страшную минуту приближающейся гибели; товарищ бил товарища с большей свирепостью, чем нападал бы на врага. Те из утопавших, что стояли позади, ближе к неизбежной гибели, теснились вперед; те, что стояли у самых куч, под ударами своих товарищей с воплями отступали назад; средние ревели от боли и страха, зажатые со всех сторон, вдавливаемые и задними и передними, в воду. Некоторые, уже утопая, хватались под водой за наваленные в кучи камни и судорожными руками вырывали их с места. Пять куч завалилось, и все, кто были на них, упали в воду, сравнившись с теми, от кого они защищались. А утопающие, обезумев от смертельного ужаса, всякий раз поднимали радостный крик, когда разваливалась новая куча и новые жертвы падали в пасть безжалостного врага. Некоторых обуряла мания уничтожения и разрушения. Вот какой-то великан, с посиневшим лицом, со сжатыми зубами и искусанными до крови губами без разбора крушит топором головы товарищей, всех, кто попадет под руку, а если никто не попадает, рубит кровавые клокочущие волны. Другой, хохоча, сталкивает в воду всех, кому удалось встать на какое-нибудь возвышение, на камень, на труп товарища. Третий рычит и бодает сзади утопающих, точно вол рогами. Иной, заломив руки над головой, рыдает, хнычет, пищит, как ребенок. Были и такие, что, видя неминуемую смерть, взбирались на плечи своих соседей, вцеплялись им в волосы, пригибали к воде и топили в ней своих соратников. Как рыбы на терле¹, сойдясь в тесном русле, жмутся, плещутся и, то выставляя головы из воды, то снова

---

¹ Терло — затон, где рыба мечет икру.

погружаясь, мутят воду и ловят раскрытым ртами воздух, так и тут, посреди большого мутного, бушующего озера, уничтожая друг друга, махали руками и головами и, то утопая то снова на минуту показываясь из воды, кишели, тонули и гибли сотни, тысячи монголов. Неподвижно, как деревянные столбы, стояли на берегах тухольцы; даже самые суровые из них не могли без дрожи, без воплей, без слез глядеть на эту ужасающую гибель людей.

Безумными глазами смотрел на эту страшную картину Бурунда бегадыр. Ему самому грозила опасность, вода была уже по грудь его людям; а быстрины, создавшиеся в ней, валили его с ног и напоминали о настоятельной необходимости вернуться в безопасное убежище, и все же долго стоял Бурунда на месте, рвал на себе волосы, испуская страшные бессвязные крики при виде гибели своего войска. Никто не смел обратиться к нему в эту страшную минуту; все молча стояли вокруг, дрожа и сопротивляясь сильнейшему врагу — воде.

— Идем! — сказал, наконец, Бурунда. И они направились к куче камней, сложенных туркменами напротив опустевшего тухольского становища. Да и пора было! Вода поднималась все выше. Между ними и кучей кружился широкий омут, который они смогли преодолеть только сообща, взявшись за руки. Только великан Бурунда шел один впереди, могучей грудью разбивая волны. Как островок среди моря, стоял горсточка воинов на куче камней по пояс в воде с луками, все еще натянутыми и нацеленными на опустевший выступ скалы. Опасность не смирила их воинственного пыла. Эта куча камней была больше других, и сложена была из самых больших глыб и плит, которые только в

воде и можно было сдвинуть с места. Более сотни воинов могли удобно стоять на ней в боевых позах, и как раз столько же людей было в отряде Бурунды, не считая тех, кого он оставил под скалою. Взобравшись на кучу, спутники Бурунды легче вздохнули. Прежде всего они устремили взгляды на воинов, находившихся под скалою. Их было оставлено там около сорока человек. Но теперь на том месте лишь бушевали волны, разбиваясь о зубцы скалы и далеко разбрызгивая серебряную пену. От туркменов не осталось и следа, только порой, когда волны на миг успокаивались, на сером камне что-то чернело: это был единственный уцелевший воин; затекшими пальцами он держался за скалу, срываемый неумолимой волной. Он не кричал, не звал на помощь, он поднимался на волне с каждым приливом, пока, наконец, не исчез, как листок, смытый водою.

Бурунда, немой, синий от напряжения и злобы, озирает долину. Страшные крики и вопли утихли. В омуты кучами кружились трупы, кое-где выставляя из воды стиснутые кулаки, ноги и головы. Только десять толп, как десять черных островов, стояло на своих каменных башнях, но это было уже не войско, а запуганные, бессильные, безоружные оборванцы, дрожащие и разбитые отчаянием. Они могли еще перекликаться, но помочь друг другу были уже не в состоянии и, вместе или по отдельности, были равно беспомощны и бессильны. Их всех ждала неминуемая смерть.

IX

— Как думаешь, боярин? — спросил Бурунда Тугара Волка, — что будет с нами?

— Все погибнем. — ответил спокойно Тугар Волк.

— И я так думаю, — подтвердил Бурунда. — И больше всего злит меня, что погибнем без боя, без славы, как котята в пруду!

Боярин на это ничего не ответил. Новые события привлекли всеобщее внимание. Тухольцы, очевидно, не хотели дожидаться того момента, пока вода прибудет настолько, чтобы спокойно утопить жалкие остатки войска. Они спешили доканать врага. В лесу, повыше потока, тухольцы рубили толстые бревна, заостряли их с обоих концов, привязывали к очищенным от веток стволам тяжелые камни, чтобы эти своеобразные тараны не подымались под водой. Выждав удобную минуту, когда посредине озера протянулась от водопада быстрина, идущая прямо к монгольским пристанищам, тухольцы начали спускать бревна вниз по течению. Первое бревно со страшной силой ударилось острым концом в одну из куч, на которой стояли монголы. Камни, придавленные сверху ногами стоящих монголов, стронутые со своего места, раздвинулись. С громкими криками монголы попадали в воду. Двое или трое из них натолкнулись в воде на предательское бревно и уцепились за него. Течение подхватило их вместе с бревном, вынесло на широкий водный простор, и, домчав до омута, закружило бревно и поставило его стоймя. Монголы соскользнули в воду и больше уже не показывались. Остальные, очутившись неожиданно в воде, копошились на одном месте, заталкивая друг друга под воду и прося помощи у соседей, стоящих на других кучах. Некоторые из них, очевидно, хорошие пловцы, пустились было вплавь к берегу, но несколько больших камней, сброшенных с утеса, положи-

ли конец их плаванию. Только немногих приняли товарищи на соседние кучи. Но и эти недолго были в безопасности. Тухольцы, видя удачу своей первой попытки, принялись спускать бревно за бревном. Но эти тараны уже не приносили вреда монголам, течение проносило их мимо куч.

Тогда Мирослава подала тухольцам новый совет: сбивать по несколько таких бревен вместе, спускать такие плоты на канате вниз по водопаду, а потом, притянув к берегу, ставить на каждый плот по десятку самых смелых и хорошо вооруженных молодцов, а двоим длинными шестами направлять плот к монгольским пристанищам. Быстро были готовы два таких плота. Их спустили вниз по водопаду, который стал теперь наполовину ниже, чем был при обычном уровне воды. Двадцать смелых молодцов стали на плотях и поплыли на монголов. Это был легкий, хотя и решительный бой. Первая толпа монголов, на которую они ударили, была почти безоружна, запугана, бессильна. Тухольцы быстро столкнули этих несчастных крючьями в воду, а тех, которые упирались, сшибли стрелами и копьями. Жалобно завывли монголы на других островах, видя приближение неминуемой гибели. Бурунда, увидев врагов и то, что они делали, заскрежетал зубами и схватился за оружие, но гнев его был бессилен; даже отравленные стрелы его туркменов не могли достичь смелых тухольцев. Только и оставалось горячему бегадыру, что, стоя без дела по грудь в воде, смотреть, как тухольцы толпу за толпой разбивали остатки монгольской силы. А тухольцы буживали. Стиснув зубы, приседая на своих плотях, приближались они к монголам, встречая порой упорное сопротивление; и тогда опять текла кровь, раздавались с обеих сторон вопли,

трупы падали с плотов и с каменных башен, но мощь монголов была уже сломлена, их сопротивление было коротким. Как огонь, пущенный по скошенной траве, переползает с покоса на покос, с кошны на копну, — так тухольцы ставили одну толпу монголов за другой в холодные объятия смерти. Монголы гибли все до одного! От группы черных островков посреди озера не осталось и следа. Только в отдалении, ближе к берегу, стояла еще толпа воинов, выступающая как последняя черная скала, посреди половодья. Это был отряд Бурунды, сотня туркмен, Тугар Волк и Максим, — это было все, что осталось от огромного монгольского войска, которое должно было идти по тухольской дороге в Угорцину. Переплыв Яик, Волгу, Дон и Днепр, оно нашло себе холодную водяную могилу здесь, в тухольских горах. Последняя жертва смерти, эта горсточка смельчаков стояла в воде без надежды на спасение, желая только одного: дорого продать свою жизнь.

Вся тухольская община собралась теперь перед этим последним вражеским станом.

Спустили еще два плота, чтобы, окружая монголов, тревожили их сзади стрелами. Спереди с берегов градом летели на врага тухольские стрелы и камни, но большинство из них не долетало до отряда Бурунды, да и те, что долетали, не могли причинить туркменам никакого вреда. Подойти ближе тухольцы боялись, помня об отравленных стрелах. Заметив бесполезность своих усилий, нападающие перестали стрелять.

Высоко на скале стоял старший Захар, не сводя глаз со своего сына, ловко уклонявшегося от стрел и камней. А подалеже среди стрелков стояла Мирослава, взгляды ее летели быстрее стрел в толпу врагов, среди которой теперь на

ходило все самое для нее дорогое: отец и Максим. С каждой пушечной из тухольских луков стрелой замирало ее сердце.

Молодцам на плотях наскучило напрасно стрелять издали. Они собрались с духом и подплыли ближе. Туркмены пустили в них свои стрелы и нескольких ранили, но тухольцы вскоре заметили, что врагам нечем больше стрелять. С грозным криком двинулись они на монголов. Молча, плотно сомкнувшись, ожидали туркмены нападения. Но тухольцы, приблизившись на две сажени, остановились и принялись бросать в них своими рогатинами, привязанными к руке каждого молодца длинным ремнем. Десять воинов вскрикнуло одновременно, десять тел свалилось в воду. Снова бросили тухольцы рогатины, и снова ушло несколько монголов.

— Проклятые, — вскричал Бурунда, — этак они всех нас выключают, хамы поганые!

Но его гнев был теперь подобен ветру, который шумит, но никому не мешает. Тухольские молодцы с криком, как вороны, кружили вокруг стана врагов, то тут, то там поражая их метким броском рогатины. Монголы не могли обороняться. Им приходилось спокойно, как связанным, стоять и ждать смерти.

— Бегадыр, — сказал Тугар Волк, — нельзя ли нам как-нибудь спасти свою жизнь?

— Зачем? — спросил понуро Бурунда.

— Все-таки жизнь лучше смерти!

— Правду говоришь, — сказал Бурунда, и глаза его засверкали не жадной жизни, но жадной мести. — Однако что же нам делать, как спастись?

— Может быть, они теперь захотят за пленника подарить нам жизнь и свободу?

— Попробуем! — сказал Бурунда и схватив

Максима рукой за грудь, поставил его перед собою. Тугар Волк замахал белым платком.

— Тухольцы! — закричал он, обращаясь к берегу.

Вокруг все стихло.

— Скажи им, что если они хотят получить этого раба живым, пусть даруют нам жизнь и выпустят на свободу! Если же нет, то мы сумеем погибнуть, но и он умрет тут же на глазах у них.

— Тухольцы! — кричал Тугар Волк. — Начальник монголов обещает отдать вам нашего пленника живым и здоровым, чтобы вы взамен выпустили нас из этой долины живыми и здоровыми! Иначе вашего сына ждет неминуемая смерть.

Словно желая воочию показать им основательность этой угрозы, Бурунда поднял свой страшный топор над головой безоружного Максима. У тухольцев захватило дух. Старый Захар задрожал и отвел в сторону глаза.

— Захар, — сказали старики, обступая его, — мы считаем, что теперь можно принять это предложение. Войско монгольское уничтожено, а эти несколько человек нам не страшны.

— Не знаете вы, братья мои, монголов. Среди этих нескольких человек находится главный военачальник, который никогда не простит нам гибели своего войска. Он приведет новую силу к нам в горы, и кто знает, разобьем ли мы ее тогда, во второй раз.

— Но твой сын, Захар, твой сын! Ведь его ждет гибель! Взгляни, топор над его головой.

— Пусть лучше погибнет мой сын, чем из-за него уйдет живым хоть один враг нашего края!

С плачем приблизилась к старому Захару Мирослава.

— Отец. — рыдала она, — что ты делаешь? За что ты хочешь погубить своего сына и... и меня, отец? Я люблю твоего сына, я клялась быть с ним и служить ему. Его смерть будет и моей смертью!

— Бедная девушка, — сказал Захар, — что же я могу сказать тебе? Ты знаешь только черные очи, да стан пригожий, а я думаю о благе народа. Тут нет выбора, дочка!

— Захар, Захар, — говорили тухольцы, — все мы думаем, что довольно уже убивать, что сила вражья сломлена и община не желает смерти этих последних. Тебе вручаем судьбу их и твоего сына. Смилуйся над своей собственной кровью.

— Смилуйся над нашей молодостью, над нашей любовью, — рыдала Мирослава.

— Можешь обещать им на словах все, только бы отдали твоего сына, — предложил один из загорян. — Как только Максим получит свободу, ты только кивни, и мы всех остальных пошлем на дно, кормить раков.

— Нет! — сказал обиженный Захар, — это было бы нечестно. Беркуты держат свое слово, даже данное врагу и предателю. Беркуты никогда не запятнают ни своих рук, ни своего сердца преступно пролитой кровью! Довольно разговоров, дети! Погодите, я поцелую им ответ собственной рукой!

И, отвернув лицо, он пошел к машине, на которой лежал огромный камень. Крепкой, недрогнувшей рукой взялся он за веревку, которая держала «ложку» в горизонтальном положении.

— Отец, отец! — закричала Мирослава, стремясь к нему, — что ты хочешь делать?

Но Захар, как будто не слышал ее крика, он спокойно нацеливал на врагов катапульту.

Между тем Бурунда и Тугар Волк напрасно ждали ответа тухольцев. Склонив голову спокойно, готовый ко всему, стоял Максим под занесенным топором Бурунды. Только Тугар Волк, нивесть от чего, дрожал всем телом.

— Э, чего там долго ждать! — крикнул наконец, Бурунда. — Один раз родиться, один раз и умирать! Но прежде умри ты, поганый раб!

Он со страшной силой замахнулся, чтобы топором разбить голову Максиму.

Но в то же мгновение над головою пленника блеснул меч Тугара Волка, и грозная рука Бурунды, отсеченная вместе с топором от плеча и обрызганная кровью, упала в воду, как сухое полено.

Заревел Бурунда от гнева и боли и левой рукой сжал грудь Максима. Глаза бегадыра с выражением адской ненависти уставились на предателя боярина.

Тем временем Максим наклонился и со всей силой ударил монгола головой и плечом в левый бок. Бурунда потерял равновесие и покатился в воду, таща за собою и пленника.

А в следующее мгновение что-то зашумело в воздухе, и огромный камень, брошенный из тухольской катапульты рукой Захара Беркута, с грохотом обрушился на толпу врагов. До самых облаков взлетели брызги, загрохотали камни, душераздирающий вопль на берегу, — и через несколько минут поверхность озера была уже гладкой и тихой. От дружины Бурунды не осталось и следа.

Как мертвая, стояла на берегу тухольская община. Старый Захар, до тех пор такой сильный и несокрушимый, теперь дрожал, как малый ребенок и, закрыв лицо руками, горько рыдал. У

ног его лежала в обмороке неподвижная Миро-слава.

Но вдруг радостные крики зазвучали внизу. Молодцы, что были на плотах, приблизились к тому месту, где потонул Бурунда, и увидели Максима. Он вынырнул из воды здоровый и невредимый. Тухольцы приветствовали его веселым криком. Радость их быстро передалась всей общине. Даже те, кто потерял своих сыновей, братьев, мужей, радовались за Максима, как будто с ним вместе возвращались все доброе сердцу, погибшие в бою.

Максим жив, Максим жив! Ур-ра. Максим! — зазвучали громовые клики и понеслись по лесам и горам. — Батюшко Захар, сын твой жив! Сын твой жив, возвратился к тебе!

Треница от глубокого волнения, со слезами на глазах, поднялся старый Захар.

— Где он? Где мой сын? — спросил он слабым голосом.

Весь мокрый, но с лицом, просветленным радостью, соскочил Максим с плота на берег и бросился к ногам отца.

— Отец мой!

— Сынок, Максим!

Больше ничего не сказал ни тот, ни другой. Захар зашатался и упал в могучие объятия Максима.

— Отец, что с тобою? — воскликнул Максим, видя смертельную бледность на его лице и ощущая непрестанную дрожь, сотрясающую все тело старика.

Ничего, сынок, ничего, — сказал тихо, с улыбкой Захар. — Сторож зовет меня к себе. Слышу его голос, сынок: «Захар, ты сделай свое дело, — пора на отдых».

— Отец, отец, не говори так! — рыдал Максим, припадая к нему.

Старый Захар, спокойный, улыбаясь, лежал на траве с сияющим лицом, обращенным к полуденному солнцу. Он легко отнял руку сына от своей груди и сказал:

— Нет, сынок, не рыдай обо мне, я счастлив! Лучше оглянись вокруг. Здесь есть кто-то, кому нужна твоя помощь.

Максим оглянулся и застыл. На земле лежала Мирослава, бледная с выражением отчаяния на прекрасном лице. Молодцы уже принесли воды, и Максим бросился к своей милой. Вот она вздохнула, открыла глаза и снова зажмурилась.

— Мирослава! Мирослава! Сердце мое! — кричал Максим, целуя ее руки, — очнись!

Мирослава как будто проснулась и удивленно всматривалась в лицо Максима.

— Где я! Что со мною? — спросила она слабым голосом.

— Здесь, здесь, среди нас! Подле твоего Максима!

— Максима? — крикнула она, вскакивая.

— Да, да! Посмотри, я жив и свободен!

Долго, долго молчала Мирослава, не в силах притти в себя от изумления. И вдруг бросилась Максиму на шею, а из глаз ее полились горячие слезы.

— Максим! Сердце мое! — Больше ничего не могла она сказать. — А где мой отец? — спросила она через минуту.

Максим отвернулся.

— Не вспоминай о нем, мое сердце. Тот, кому надлежит взвешивать правду и неправду, взвешивает теперь его добрые и злые дела. Помолимся, чтобы добрые перевесили.

Мирослава отерла слезы и полным любви взглядом посмотрела на Максима.

— Пойдем, Мирослава, — сказал Максим, — вот наш отец, но и он покидает нас.

Захар смотрел на молодую чету светлыми радостными глазами.

— Приблизьтесь ко мне, дети! — сказал он медленно, слабеющим голосом. — Дочка Мирослава, твой отец погиб, и не нам судить, виновен он или невинен, — погиб, как погибли тысячи других. Не печалься, дочка! Вместо отца судьба дает тебе брата...

— И мужа! — добавил Максим, сжимая ее руку в своей.

— Да благословят вас боги дедов наших! — сказал Захар. — В тяжкие дни свела вас и соединила ваши сердца судьба, но вы оказались достойными перенести и самую страшную бурю. Так пусть же ваш союз, заключенный в этот победный день, будет порукой, что и наш народ также преодолет тяжелые невзгоды и не разорвет своего сердечного союза с честью и человечностью.

Холодеющими губами он поцеловал в лоб Мирославу и Максима.

— А теперь, дети, встаньте и приподымите меня. Я хотел бы еще раз, перед уходом, сказать кое-что общине, которой я старался честно служить всю жизнь! Отцы и братья! Сегодняшняя победа великое дело для нас. Чем мы победили? Только ли нашим оружием? Нет. Только ли хитростью нашей? Нет. Мы победили нашим общинным союзом, нашим единением и дружбой. Запомните это! Пока будете жить общиной, дружно держаться вместе, несокрушимо стоять друг за друга, все за одного и один за всех, до тех пор никакая вражеская сила

не победит вас. Но я знаю, братья, и чует м душа, что это был не последний удар по нашей общинной твердыне, что за ним последуют другие, и в конце концов они разобьют общину. Дурные времена настанут для нашего народа. Отвратится брат от брата, отгородится сын от отца, и начнутся великие междоусобия и раздоры на русской земле, и пожрут они множество во народа, и тогда попадет народ в неволю своим и чужим захватчикам, и они сделают его слугой своих замыслов и своим рабочим волом. Но среди этих врагов народ снова припомнит свою старую общинность, и благо ему, если скоро и живо вспомнит ее: это спасет его море слез и крови, на целые столетия убередит его от рабства. Рано или поздно он вспомнит жизнь своих предков и пожелает пойти по их следам. Счастлив тот, кому будет суждено жить в те дни! Это будут прекрасные дни, дни весенние, дни возрождения народного! Передайте же детям и внукам своим вести о прежних днях и прежних порядках. Пусть не умрет среди них память о нас, так же как не гаснет в пепле живая искра. Придет пора — и разгорится искра новым огнем! Прощайте!

Тяжело вздохнул старый Захар, взглянул на солнце, улыбнулся, и через минуту его уже не стало.

Не плакали по нем ни сыны, ни соседи — они хорошо знали, что по счастливому грех плакать. С радостными песнями обмыли его тело и отнесли на «Ясную поляну», к старинному жилищу прадедовских богов, и положили его в каменной пещере, лицом к золотому образу солнца. Потом завалили вход в пещеру огромной плитой и замуровали его. Так опочил старый Захар Беркут на лоне тех богов, что жили в его сердце.

и нашептывали ему всю жизнь честные, ко благу общины устремленные, мысли.

Многое изменилось с тех пор. Но точно сбылось пророчество старого беседника. Величайшие невзгоды грозовой тучей прошли над русской землей. Старая община давно забыта и, казалось бы, похоронена. Но нет! Не нашим ли дням суждено обновить ее? Не мы ли живем в те счастливые дни возрождения, о которых, умирая, говорил Захар, или, во всяком случае, на рассвете этих дней?

Какуевичи, I-X - 15, XI 1882.

П. 53 г.

56

Редактор М. Алейникова

Тираж 35000.

Подписано в печать 15 де-
кабря 1941 г. А-65055. 6,5

печ. листов; 8,172 авт. листов.

Цена 2 р. 75 коп.

Новосибирск. Типография № 1
Облесполкома. Заказ № 216.